I. M. Кулишер.

Профессор Петроградского Университета и Петроградск. Коммерческого Института.
Доктор Политической экономии и Статистики.

ОЧЕРКИ ФИНАНСОВОЙ НАУКИ.

Книгоиздательство „Наука и Школа"
ПЕТРОГРАД
1919.

Типография «Тогблат», Измайловский пр., 18.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ.
631
31

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книга должна была первоначально выйти под названием: «Принципы обложения и податные системы», представляя собою, с одной стороны, теоретический анализ основных принципов налоговой политики, а с другой стороны, подробный критический разбор обложения, главным образом, прямого на Западе и у нас. Она являлась результатом изучения иностранного податного законодательства во время пребывания автора за границей (отчасти в связи с составлением докторской диссертации о коммунальном обложении, вышедшей в 1914 г.), а равно участия в подготовке и обуждении различных законопроектов по частью осуществленным, частью лишь предположенным в свое время реформам в области нашего прямого обложения.

Однако, в виду невозможности, по типографским соображениям, выпустить сочинение в таком виде (и при его больших размерах), автор принял предложение издательства «Наука и Школа» переработать его таким образом, чтобы оно могло пригодиться в качестве пособия при изучении в высшей школе финансовой науки, столь необходимого в настоящее время, за отсутствием на книжном рынке наших известных курсов финансового хозяйства.

Однако, в нынешнем своем виде оно заменяет последние далеко не вполне. Некоторые отделы курса финансов в «Очерках» изложены кратко [1]) (или даже отсутствуют), другие, напротив, разработаны — это обусловливается происхождением книги — значительно детальнее, чем это обыкновенно делается.

Иностранное законодательство принято во внимание до 1917 г. включ. (за 1918 г. уже не было литературы), русское—до весны 1919 г.

Август 1919 г.

---

[1]) Отчасти это восполняется другой книгой автора «Основные вопросы международной торговой политики» Ч. I. 1918. Ч. II. 1919., в которой подробно разбираются проблемы таможенных пошлин и вывозных премий, затронуто и обложение сахара.

ГЛАВА ПЕРВАЯ [1]).

Понятие финансов в различные эпохи.—Отличительные особенности государственного хозяйства.

Государственная роспись или бюджет есть выражение или отражение всего государственного хозяйства или финансов государства. Для того, кто умеет читать ее, она, подобно прожектору, сразу освещает все достоинства и все пороки финансового хозяйства страны, немногими сочными мазками рисует пред его умственным взором яркую картину того, как данное государство ведет свое хозяйство, в чем оно полагает центр тяжести и точку опоры своих финансов, какие ставит себе цели, каким путем и насколько умело и полно их достигает.

Какие же это были цели и как они достигались в различные эпохи? Что цель сплошь и рядом должна была оправдывать средства и что финансы, доставляя внешний блеск сильным мира сего,

---

[1]) Общие курсы финансовой науки. **Озеров.** Основы финансовой науки. Т. I и II. **Ходский.** Основы государственного хозяйства. 1913. **Эсберг.** Курс финансовой науки. 1913. **Янжул.** Основные начала финансовой науки. 1904. **Лебедев.** Финансовое право. 1889—93. **Иловайский.** Учебник финансового права. 1912. **Косса.** Основы финансовой науки. 1900. **Нитти.** Основные начала финансовой науки. 1904. **Wagner.** Finanzwissenschaft. T. I—IV. 1883—1912. **Stein.** Lehrbuch der Finanzwissenschaft. 5 Aufl. 1885—86. **Cohn.** Finanzwissenschaft. 1889. **Schoenberg.** Handbuch der politischen Oekonomie. B. III. 1897—98. **Heckel.** Lehrbuch der Finanzwissenschaft. B. I—II. 1907—11. **Roscher.** System der Finanzwissenschaft. 5 Aufl. 1901. **Vocke.** Grundzüge der Finanzwissenschaft. 1894. **Leroy-Beaulieu.** Traité de la science des finances. 6 éd. T. I—II. 1907. **Colson.** Cours d'économie politique. Vol. V. 1909. **Jèze.** Traité de science des finances. 1910 и сл. (ряд томов). **Boucard et Jèze.** Elements de la science des finances. Vol. I—II. 1902. **Allix.** Traité elementaire de science des finances. 1907. **Cauwès.** Cours d'économie politique. T. IV. **Adams.** The science of finance. 1898. **Bastable.** Public Finance. 3 ed. 1903. **Graziani.** Institutioni di scienza delle finanze. 1909. **Santoro.** Compendio di scienza delle finanze. 1908.

скрывали нередко внутренние язвы, подтачивавшие народные силы,—об этом лучше всего свидетельствует самый термин «финансы», который лет двести тому назад обозначал обманные, хитрые, недобросовестные операции. Финансы и ростовщичество, финансисты и богоненавистники, святотатцы, душегубы, финансовые операции и грабежи,—вот в какой теплой компании мы встречаем финансы в XVI—XVII в.в., в значительной мере еще вплоть до конца XVIII века. В этом нет ничего удивительного, если иметь в виду, что государи и правительства того времени смотрели на средства, которые потом и кровью вырабатывал народ и которые он нес в казну, как на свою собственность, не останавливаясь ни перед какой расточительностью, что они не гнушались периодических банкротств, чтобы освободиться от легкомысленно и преступно произведенных долгов. Французский народ, который еще имп. Максимилиан называл ослом, готовым тащить всякую ношу, овцой с золотым руном, которую можно без всякого протеста стричь, в течение столетий отдавался на поток и разграбление именно «финансистам», итальянским, позже парижским, денежных и кредитных дел мастерам, являвшимся в эпоху нужды в качестве спасителей государства, но затем сторицей возмещавших себе авансы и ссуды. В этих «финансовых» операциях, именуемых откупами, принимали участие министры, как Мазарин и Фуке; они были на постоянном жалованьи у компаний; Фуке этим путем сумел подкупить весь двор вплоть до камеристок королевы, превратив всех влиятельных сановников путем подарков и пенсий в исполнявших его приказания слуг; Мазарин награбил состояние в 60 милл. ливров. Но и в Англии, которую Кант, правда, называл государством, живущим насилием и не могущим существовать без кровопролитнейших войн, но которая с конца XVII ст. отказалась от обычных приемов своих соседей—Франции, Австрии, Испании—освобождения от долгов, объявляя себя банкротом,—даже в Англии из вотированных на войну с Францией в 1694 г. 5 милл. ф. ст. всего половина достигла своего назначения. Миллионы государственных средств расхищались, отчетности не полагалось, подкупы членов парламента и даже самого спикера (председателя) практиковались открыто и считались в порядке вещей, и все же разоблачения, производимые от времени до времени, раскрывали такую картину «финансов», что даже привыкшие ко многому современники не

хотели верить своим ушам. В такие времена самое слово «финансы» стали производить от греческого «fenax»—лгун, обманщик, и от глагола «fenikazein»—опутать, обойти, обмануть. Другие сводили «финансы» к немецкому слову «findig»—хитрый, лукавый, ловкий, к глаголам «finden» и «veinsen», обозначающим ростовщические, лицемерные, вероломные операции, ибо действительно,—поясняли они,—это есть ни что иное, как «добывание денег ростовщичеством или иным плутовским способом», теми многообразными путями, к которым прибегают для выжимания податей и сборов у беднейших подданых.

Таким образом, получалась полная гармония: «финансы» выражают собою либо опутывание должника ссудными операциями, либо взятие на откуп податей и пошлин, либо чеканку неполновесной, «фальшивой» монеты,—все операции государей, государственных деятелей, купцов и банкиров, главные способы добывания средств для государства в те времена; и слово «финансы» этому смыслу своему вполне соответствует, подчеркивает его, резко выдвигает.

Однако, первоначально, в средние века, «финансы» (les finances, finance, finanze) имели гораздо более безобидный смысл, который они получили от своего прародителя—слова «finis», т.-е. конец или окончание. Здесь находится зародыш «финансов». Но только современная финансовая наука, объясняя свое имя, нередко исходит из понимания «finis» в смысле срока уплаты, получающего значение платежа вообще, тогда как правильнее, повидимому, иное толкование — в смысле окончания (fine, finare) как разрешения дела, в особенности при участии судьи, соглашения, окончательного постановления. А так как в подтверждение этого,—чтобы не могло возникнуть в будущем сомнений и возражений,—выдавался документ, то оно означало и самый документ (fine), судебную грамоту, прекращающую спор, наконец, идя еще дальше, соединенный с решением, с договором, платеж. «Faire fin или finem facere»: помириться, придти к соглашению, но затем ad finandum cogere, заставить платить, finis—обязательный, принудительный платеж, вообще, уплата, произведенный расчет, денежная сумма — «payer finance».

От платежей по судебному решению, от штрафов, налагаемых судьею, от сборов в пользу самого судьи finis, financia распро-

страняется на все платежи в пользу государя и различных его органов, как и на денежные операции по откупам, монете, ссудам итальянских торговцев в пользу королей и герцогов и т. д., получая в результате сомнительный привкус, свойство подозрительной операции, связанной с обирательством, обманом, притеснением плательщика, со всякого рода ухищрениями и обходами [1]).

И лишь постепенно с «финансов» снята была эта печальная кличка, эта обидная для них этикетка. Остались просто платежи, но платежи в пользу государства, и не только платежи, но все управление доходами и расходами казны, самые эти доходы и расходы. Фруманто пишет уже в 1581 г. «Le secret des finances», где он обращает внимание на великие беспорядки, злоупотребления и путаницу в ведении финансов, за которую король будет отвечать перед Богом. Боден в 1584 г. трактует в своих «Six livres de la république» о «семи главных способах добывания финансов», излагая вернейшие источники государственных доходов. Во Франции уже при Филиппе Красивом появляется «Surintendant des finances», заведующий хозяйством короля, при Генрихе IV — коллегиальный «Conseil des finances», Кольбер был «Controleur général des finances», а в 1795 г. Революция создала «Ministre des Finances».

Но при этом министре, получившем название уже от финансов в современном смысле, они имели на самом деле еще вполне дореволюционный характер. «Ни для кого не тайна, — заявлял в 1797 г. Дюпон де Немур,—что в списках числятся и нами вознаграждаются, одеваются, обуваются и вооружаются, по крайней мере, на 150.000 человек более, чем в действительности находятся под знаменами. Однообразное обмундирование много содействует этой операции: каждый батальон без труда занимает у соседа необходимое для смотра количество людей. В больницах показываются больные, которые никогда не поступали туда или давным давно отправились на тот свет»... В 1800 г., уже при Консульстве, выяснилось, что заготовка леса на сумму в несколько миллионов была в течение трех лет поручена Директорией подрядчику, который ничего и не думал поставить, зато рубку леса исправно производил в свою пользу и так устроил дело, что администрация ни-

[1]) Neumann. Finanz und Finanzwissenschaft. Zeitschr. für ges. Staatswissenschaft. 1908. p. 472—506.

чего захватить не успела. «Нельзя закрывать ушей, когда общественное мнение кричит со всех сторон, что подкуп стоит у ворот, что он диктует все сделки, осаждает передние министров, проникает даже в наши собрания, отравляет все отрасли и все каналы государственного управления» [1]).

Однако, все эти жалобы и сетования времен Директории дальше слов не шли, пока на сцену не появился «деспотический укротитель Революции», который в новом социальном здании закрыл все потайные входы и выходы как направо, так и налево: они, ведь, погубили в первый раз монархию, во второй — Революцию. Исходя из того же принципа Людовика XIV—l'êtat c'est moi, Наполеон понимал его в совершенно ином смысле. Будучи «ключом к совершенно новому зданию, стоявшему на столь шатком фундаменте—судьба его решалась каждой битвой»—он и в финансовой области пошел по новому пути, оказался «администратором нового типа, предпринимателем, который сознает свою ответственность, деловым человеком, умеющим считать». И, прежде всего, в своем собственном доме, в обычном центре злоупотреблений и синекур: нет более паразитов, и ни следа от прежних безумных трат и мотовства. «В службах, в кухнях малейшая вещь, простой бульон, чашка сахарной воды, не может быть выдана без разрешения или записки гофмаршала Дюрока. «Никакие злоупотребления немыслимы; доходы каждого подсчитаны и заранее определены» [2]).

На такой путь вступил еще раньше Фридрих Вел., который, в отличие от своих предшественников и современников, ограничил свой двор четырьмя камергерами и четырьмя камер-юнкерами и из получаемых из казны на собственные расходы 1,2 милл. тал. никогда не тратил более шестой части. Ежедневно ему представлялся счет кухонных расходов с точным обозначением цены всех припасов, занимавший иногда до 9 страниц. Роскошествовать он позволял себе лишь в приобретении табакерок: их осталось после него около 130 штук [3]).

---

[1]) Stourm. Les finances de l'ancien régime et de la révolution. 1885. T. II p. 347—51.

[2]) Taine. Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne. 8 éd. 1893. T. I. p. 259—61.

[3]) Preuss. Geschichte Friedrichs des Grossen. I. p. 409.

Такой образ действия заставлял пересмотреть и значение слова «финансы», придавал последним уже совершенно новый смысл, хотя, конечно, пережитки старых времен и нравов еще не сразу исчезли. И в XIX веке они еще давали себя знать, вызывали к жизни «панамы», лишний раз подтверждавшие старую истину, что культура во всех областях развивается медленно и постепенно, что пройденное пространство не сразу закрепляется и оказывается вне сферы огня прежних врагов.

Когда же в Англии портфель финансов оказался (в 40-х годах) в руках Пиля, который сумел добиться подоходного налога в парламенте, состоявшем из представителей земли и капитала, который широкими финансовыми реформами создал неслыханное ранее оживление в хозяйственной жизни страны, когда министр финансов мог с гордостью заявить: «благородные противники мои меня проклинают за то, что я нарушил партийные лозунги, но еще долго в хижине бедняка будут произносить с благодарностью мое имя, ибо я дал народу дешевый хлеб»,—тогда выяснилось, до какой высоты могут подняться финансы, какая в них кроется глубокая творческая сила, которую в состоянии направить и использовать человек мощной энергии и яркого таланта, преисполненный любовью к своему народу или хотя бы жаждой поставить себе памятник в сердцах потомства.

Эту роль финансов в современном хозяйстве и государстве выдвинул еще больше и подчеркнул великий преемник Пиля, Гладстон (в 60-х и 70-х годах),—мастер чарующего красноречия, художник в цифрах бюджета, владевший, как опытный виртуоз, всеми его струнами, человек одинаково крупный в области идей и принципов, как и в мельчайших деталях их практического осуществления, человек, о котором говорили, что он соединял душевный пыл и убедительность речей Каннинга с глубиной финансовых знаний и прозрачностью мыслей Гескиссона. На его финансовых преобразованиях покоилось величие Англии в течение многих десятилетий, блестящий рост ее народного и государственного хозяйства вплоть до великой войны.

Ллойд-Джордж был, в сущности, продолжателем его, хотя и иного покроя, с новой социальной жилкой, навеянной условиями XX века. Каждый из них был сыном своего времени, умел понять потребности эпохи и дать то, чего от него требовала родина в дан-

ный исторический момент. Там—завершение таможенной реформы; упразднение устарелых, ложащихся тяжелым бременем на население налогов на потребление, распространение налога с наследств на всячески уклонявшихся от него землевладельцев, укрепление подоходного налога, хотя Гладстон долго носился с наивной мыслью об отмене его. Здесь—обеспечение куска хлеба рабочим на старости дней, страхование тех, кто не работает не потому, что не хочет, а потому, что у него отнимают работу, и отыскание средств на это у тех, кого судьба обильно снабдила благами,—усиленное обложение наследств, реформа подоходного налога, введение налога на прирост ценности земель в руках тех, кто не сеет и не жнет, но пользуется плодами роста населения, быстрого развития богатства в стране.

Так и самые финансы и название их рука об руку прошли ряд стадий; терминология приноравливалась к жизни. Жизнь создала и науку о финансах, долго не решавшуюся принять это название,—предпочитали говорить: «наука о государственном хозяйстве»,—вылупившуюся из политической экономии и, в конце-концов, отделившуюся от нее, подобно зрелому плоду, падающему с дерева. Из одной из «книг» курса политической экономии — у Смита, Мальтуса, Сэ, Рикардо, Канара, Милля — она превратилась в самостоятельное целое с новыми, хотя и тесно связанными и переплетающимися с наукой о народном хозяйстве, целями и задачами.

Бюджет (от англ. budget, что означает мешок, заключающий бумаги и счеты—речь канцлера казначейства в парламенте о смете на будущий год) распределяется на две части—на доходы и расходы. Расходы—исходная точка, заданье, которое надо выполнить; доходы—средство покрытия их, искомое в финансовой теореме. Отсюда противопоставление государственного хозяйства частному. Хозяйство отдельного лица, товарищества, союза определяет свои расходы доходами; доходы составляют его грань и предел, указывают ему размер возможных расходов. В государстве, наоборот, командуют, приказывают потребности, подлежащие удовлетворению; средства для них должны найтись, раз расходы нужны, необхо-

димы, признаны неотложными, обязательными. В первом случае доход установлен, расходы изменчивы, расходы приспособляются к доходу; во втором.—наоборот, расходы известны, подсчитаны, установлены, доходы должны с ними сообразоваться, следовать за ними, не отставая от них, но и не забегая вперед.

Последнее обозначает вторую характерную особенность государственного хозяйства, то обстоятельство, что государство не знает добывания ради добывания, не признает принципа возможного увеличения доходов ни для немедленного расходования их, ни для накопленя запасов, для сбережения на будущее время. Запасный фонд государство предпочитает хранить не в своих кассах, а в карманах населения, где «каждый рубль родит новые, тогда как в руках казны он редко имеет большую ценность, чем та, которая на нем обозначена»; ключ к этим средствам, в виде налогов, оно, ведь, держит у себя.

Государственное хозяйство,—это третий признак,—ведь отличается принудительным характером. Принудительность есть тот инструмент, которым оно одно располагает и который оно каждый раз пускает в ход, когда необходимо удовлетворить государственные нужды и потребности. Но обладание аппаратом такой исключительной силы сопряжено с опасностями, может повести к напряжению податного пресса за пределами безусловно настоятельного, крайне необходимого. Расходный бюджет и заставляет государство придерживаться этой грани, не отступать от нее ни в ту, ни в другую сторону.

Правда, еще Фридрих Вел. говорил, что даже столь богатая страна, как Франция, несомненно кончит банкротством, если будет держаться принципа: «мне нужно столько-то, подайте необходимые средства». Правило должно быть иное: у меня имеется столько-то, я могу, следовательно, истратить не более этого. Но это следует понимать в смысле Монтескье: «государственные доходы надо измерять не тем, что народ может дать, а тем, что он должен дать; если же их измеряют тем, что он может дать, то, по крайней мере, тем, что он постоянно в состоянии давать» [1]). Иначе говоря, выступая в качестве посредника населения по удолетворению его потребностей и обращаясь для этой цели к его платежеспособности, госу-

---

1) Montesquieu. Esprit des Lois. XIII. 1.

дарство должно исходить из принципа «сравнительного» покрытия как публичных, так и частных потребностей, сообразно сравнительной настоятельности тех и других, имея все время в виду равновесие между обоими видами хозяйства. Репродуктивность этих расходов, в отличие от затрат на «благородные приправы, на цветочки, не дающие семян», должна быть основным принципом расходного бюджета.

Но коль скоро последний утвержден и подписан, установлен и закреплен, он уже становится как формально ,так и материально, повелителем. Формально он определяет на данный период размеры доходного бюджета, не допуская ни недополучений, что означает дефицит, ни избытков, что свидетельствует об извлечении чрезмерных сумм из частного оборота. Но и материально расходный бюджет является тем регулятором, который ставит пределы деятельности государства по извлечению доходов и тем самым является охранителем и защитником населения от чрезмерных покушений на его средства, от слишком глубокого зачерпывания в его карманах. Так что принцип определения доходов расходами, столь страшный на первый взгляд, столь неумолимый по отношению к плательщику, ибо не знающий никаких границ, на самом деле—при всей растяжимости понятия необходимых расходов—не только означает предварительное тщательное взвешивание последних, но и ограничение принудительного привлечения плательщика к их несению, установление вех и межевых знаков, за которыми начинается запретная область. Рассматривает ли плательщик относимые им в казначейство суммы, как жертву, как тяжкое бремя, как извлечение крови из его организма, или он соглашается с теми, кто старается убедить его, что налоги—это заем, наиболее выгодное помещение его капитала, возвращаемое ему с процентами, сберегательная касса для бедняка, сохраняющая ему средства,—во всяком случае, расходный бюджет, как исходная точка в финансовой деятельности государства, является для него наилучшей из возможных гарантий того, что ему не грозит ни чрезмерная потеря крови, ни принудительное помещение «в банк» слишком большой части его сумм.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Государственные расходы.

Двор. — Вооруженная сила. — Суд и управление. — Культурные расходы.—Социальные расходы.

Расходы государства растут уже с давних пор, растут быстро, растут, если взять более значительные периоды, почти непрерывно. По вычислениям Théry, они возросли за полвека (1858—1908) в Европе с 8,1 до 36 миллиард. фр., или в 4½ раза, а, имея в виду рост населения за это время (с 278 до 436 милл.),—с 29 на 85½ фр. на душу населения. Расходы одних лишь пяти великих держав и Италии удвоились за четверть века 1883—1908 г.г. (вместо 15,2 миллиард. фр. 31,4 миллиард., а на душу населения поднялись более, чем в полтора раза (с 55½ на 87 фр.). Действует закон роста государственной деятельности; он дает себя знать, как в появлении все новых и новых отраслей деятельности государства, что означает присоединение новых рубрик, новых статей бюджета, так и в расширении кредитов, отпускаемых на уже принятые в ведение государства области, цифры которых пухнут и ширятся.

Было время, когда расходы государства, или точнее, государя сводились к затратам на его личное содержание, на его дружину, на двор, да еще на дарения в пользу церквей и монастырей. Никаких расходов на государственные нужды, расходов публичного характера не было. Воины за владение землей обязаны были службой, они ставили вооружение и лошадей. Таков был, напр., бюджет Оттона Вел.: он сводился к 30 фунтам серебра, которые расходовались на стол императора; по другим данным, он потреблял 1000 свиней и баранов, 8 быков, 1000 мер зерна, 10 бочек вина, столько же пива и т. д. Для этой цели ему доставлялись продукты из 20 вилл в Саксонии, 12 в Баварии, 21 в Лотарингии [1]).

---

[1]) Waitz. Deut. Verfassungsgesch. VIII. 224. 231. 246.

Таков первоначальный, наиболее упрощенный, расходный бюджет. Постепенно он усложняется, дифференцируется, появляются новые расходы. Но государь со своим двором, подарками, постройками, метрессами, лошадьми и собаками еще отнимает большую часть выколачиваемых из населения средств. В 1609 г. двор Генриха IV во Франции поглощал из 15 милл. ливр 8 милл, т.-е. более половины [1]). В течение почти четверти века управления финансами Кольбера (1662—83) придворные расходы составляли 209 милл. ливр, или десятую часть бюджета, если же прибавим сюда постройки со 100 милл. и хотя бы часть тайных расходов (общая сумма их 172½ милл. ливр), то получим значительно большую долю [2]) (по Форбонне, за 1670 г. 16½ милл. ливр. из 79,9 или более ⅕) [3]). В этом нет ничего удивительного, если вспомним, что одна постройка сказочного Версальского дворца с его клумбами, гротами и фонтанами, сооруженного ради г-жи Лавальер, обошлась в 165 милл. и каждая новая любовница короля с ее капризами оказывалась расточительнее своей предшественницы, вызывая новый поток роскоши,—36 милл. заплатила страна одной Помпадур,—и удивляясь, когда ее траты называли чрезмерными. Сотни тысяч выбрасывались на бриллианты, гобелены, зеркала, вазы, серебро, костюмы, кружева,—король-солнце как бы старался оправдать свое название, затмить всех сказочным блеском, совершенно невиданным и неслыханным, блеском, оставлявшим за собой роскошную жизнь властителей Востока, Альгамбру и повествования из Тысячи и одной ночи. А «мул», именуемый народом, покорно сносил все это, правда, до поры до времени...

Продолжалась эта вакханалия и при Людовике XVI, когда Мария-Антуанетта и графиня Дюбарри, законная и незаконная королевы соперничали между собою, стараясь перещеголять друг друга, и придворному банкиру было приказано принимать чеки фаворитки наравне с ассигновками короля. И она не скупилась— в течение шести лет ее владычества банкир выплатил 6½ милл.

---

[1]) Clamagéran. Histoire de l'impôt en France T. II. 1868, p, 389,

[2]) Ibid. II. p. 673.

[3]) Forbonnais. Recherches et considerations sur les finances de France de 1595 jusqu'en 1715. T. I. 1758. p. 445.

ливров [1]). В результате, в 1774 г. войско, флот, колонии, внешнее представительство стоили Франции 125 милл. ливр., двор—42 м. [2]).

Другие государства старались не отставать. В Испании в 1778 г. из 489 милл. реалей 108 поглощал король [3]), по вычислениям Гофмана, в среднем в XVIII веке баварские расходы составляли 3,8 милл. в год, в том числе 1,8 милл. получалось из придворной кассы, не менее половины своих средств расходовавшей на нужды короля [4]).

Верх придворного блеска в Англии составляет —говорит Зомбарт,—эпоха Стюартов, которые всячески подражали французским королям. Отражением придворной роскоши этих государей являются картины великих маэстро того времени, рисовавших фатоватых мужчин и красивых гордых женщин в блестящих бархатных и атласных одеяниях, ниспадающих тяжелыми складками стиля барокко. «Мы вспоминаем о великом Людовике, когда узнаем, что Карл I не только выстроил, но и настолько обставил 24 дворца, что он мог переезжать из одного в другой без всякого багажа, или что Яков I на свадьбу дочери истратил 93 тыс. фунт., тогда как о расстоянии между этими королями и Францией нам напоминают такие факты, как униженные заявления Карла II в Палате общин, обещающего сократить свою расточительность и довольствоваться отпущенной ему суммой. Серьезный джентльмен в такие минуты чуял утреннюю прохладу: новый мир, тот мир, где господствует дух приличия, знающего всему пределы, надвигался» [5]).

И у нас дворцовое управление долго сливалось с государственным. «Древнейшими учреждениями русского князя были его кладовая (казна), погреб, кухня, конюшня, псарня и птичий двор. Начальники этих дворцовых служб: казначеи и дворецкие, чашники, стольники, конюхи, псари и сокольники были чиновниками князя. Все управление сводилось, таким образом, к государеву дворцу; князь был просто хозяйном своей вотчины. Остаток этой старины, когда «дворец» государев совпадал с государственным правитель-

---

1) Sombart. Luxus und Kapitalismus. 1912. p. 81-91.
2) Clamageran. T. III. p. 458.
3) Roscher. II. p. 181.
4) Hoffmann. Geschichte der direkten Steuern in Bayern, 1883. p. 163. 210-15
5) Sombart. Luxus. p. 92-3.

ством, когда оба элемента, частный и государственный, не различались, выражается в том, что еще в 1680 г. двор поглощает шестую-седьмую часть (15 проц.) всех расходов, а раньше доля его, — как указывает П. Н. Милюков,—была, вероятно, еще значительнее [1]).

При Петре расходы упали до 4 проц. Он, ведь, избегал торжественной обстановки, старался устроить свою жизнь возможно проще и дешевле, ходил в стоптанных башмаках и заштопанных чулках, ездил в экипаже, в котором, по замечанию иноземца-очевидца, не всякий московский купец решился бы выехать. Он сам сравнивал себя с прусским королем-скрягой Фридрихом-Вильгельмом I и говорил, что они оба не любят мотовства и роскоши [2]).

При временщиках дело снова пошло обратно. Анна Иоанновна тратила на двор в 5—6 раз больше Петра. «Черствая по природе,— характеризует ее Ключевский,—и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-прусско-польской игрушкой, имея уже 37 лет, она привезла в Москву злой и мало образованный ум с ожесточенной жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений. Выбравшись случайно из бедной митавской трущобы на широкий простор безотчетной русской власти, она отдалась празднествам и увеселениям, поражавшим иноземных обывателей мотовской роскошью и бесвкусием». Стая иноземцев «посыпавшихся в Россию точно сор из дырявого мешка», кормилась до-сыта и веселилась до упаду, но «в казне,—писали послы,—нет ни гроша, а потому никому ничего не платят» [3]).

Еще характернее была уже чисто-русская роскошь Елизаветы, которая «жила и царствовала в золоченой нищете; она оставила после себя в гардеробе слишком 15.000 платьев, два сундука шелковых чулок, кучу неоплаченных счетов и недостроенный громадный Зимний дворец, уже поглотивший с 1755 по 1761 г. более 10 милл. руб. на наши деньги». «Вступив на престол, она хотела осуществить свои девические мечты в волшебную действительность: нескончаемой вереницей потянулись спектакли, увеселительные

---

[1]) Милюков. Очерки по истории русской культуры. ч. I. Изд. 6-е. 1909. Стр. 159. 194-95.

[2]) Ключевский. Курс русской истории. IV. 40-41. Милюков. Госуд. хозяйство в первой четверти XVIIст. и реформа Петра. 2 изд. стр. 120.

[3]) Ключевский. IV. 391-92.

поездки, куртаги, балы, маскарады... Но жилые комнаты, куда дворцовые обитатели уходили из пышных зал, поражали убожеством обстановки, неряшеством: двери не затворялись, в окна дуло, вода текла по стенным обшивкам» [1])... Расход на двор поднялся с 330 тысяч в 1725 г. до свыше 1½ миллиона (1,67) в 1764 г., с 3,7 до 9 проц. бюджета [2]).

В Англии уже при Стюартах парламент ставит предел придворному мотовству: король не может свободно хозяйничать, бросать народные деньги, куда и как ему угодно, ибо это деньги не его, а народа. Разграничивается его карман и государственный сундук; ему отводится определенная сумма — цивиллиста (англ. слово civil list «наименее выразительное из всех названий и все же заимствованное всеми», как говорит Маколей), сумма, достаточная для него и для двора, но, конечно, не дающая уже возможности тянуться за Людовиками. Цивильный лист вводится постепенно и в других государствах, по мере того, как и у них исчезает прежнее смешение частного хозяина и государя,—и как ни трудно первоначально последнему освоиться с этой мыслью, ему приходится пойти на уступки—условия изменились.

С этих пор расходы на двор совершенно отступают на задний план в росписи государственных расходов. По вычислениям Рау, за 40-е годы XIX ст. они составляли в Нидерландах 1,8 проц., в Бельгии 2,5 проц., в Австрии 3,8 проц., в Пруссии 3,9 проц.; в 60-х годах: в Англии 1,05, во Франции 2,01, в Австрии 1,78, в Бельгии 2,06, в Пруссии 3,16, в России 2,7 [3]). Вагнер получил в 80-х годах в Голландии и Англии 1 проц., в Италии и России 1,4—1,5, в Пруссии и Бельгии 2½ [4]).

У нас, по Милюкову, они с 10 проц. в первый год XIX века (при Екатерине II, по Чечулину, 9½ проц. в начале царствования и около 12 проц. к концу) непрерывно падают в процентном отношении к бюджету, составляя в 1825 г. 5 проц., в 1850 г. 4, в 1870 г.

---

[1]) Ключевский. IV. 453-54.
[2]) Милюков. I. 157.
[3]) Rau. Finanzwiss. I. § 48.
[4]) Wagner. Finanzwiss. I. § 175.

2, в 1900 г. всего 0,8 проц., в 1909 г. 0,6 проц. общей суммы расходов [1]).

С появлением постоянных армий, milles perpetuus, эти расходы, как и все прочие, отодвигаются на второй план издержками на оборону, или, точнее, на наступление или на подготовку к наступлению, словом, бюджетом армии и флота. В то время, как еще в 1609 г. они составляли во Франции всего 4,1 милл. ливр. из 15 милл., т.-е. всего четвертую часть, и лишь половину расходуемых королем на свои потребности сумм, уже при Кольбере они в среднем за ряд лет превышали 50 милл., т.-е. достигали половины расходов, не считая уплоченных 15 милл. долга, вызванного теми же войнами [2]). В знаменитом бюджете, составленном Неккером в 1784 г., которым он подвел итог старому режиму и написал ему некролог, армия и флот поглощали 170 милл. ливр. из 610, но расход более, чем удваивался, по причине уплаты процентов по военным долгам,—получалось две трети бюджета [3]). И Пруссия чувствовала в XVIII ст., что ведение войн—вещь недешевая, когда в 1739—40 г. военные расходы достигли 5,9 милл. из 6,9 милл. общих поступлений, в 1797—98 г.—14,6 из 20,5 милл. т.-е, 86 и 71 проц. В Англии флот в половине XVII ст. стоил стране ежегодно в среднем 750 из 1.200 тыс. ф. всех расходов, т.-е. поглощал почти две трети расходов. Но во время войны с Наполеоном один военный бюджет составлял почти в 40 раз более—45 миллионов фунтов ежегодно [4]).

Финансы,—говорит В. О. Ключевский,—были едва ли не самым больным местом московского государственного порядка с воцарением новой династии Романовых: «рать в конец заедала казну». В половине XVII ст. старую дворянскую милицию вытесняет новая реформированная армия с огнестрельным вооружением, обученная иностранцами,—рейтарские, драгунские и солдатские полки .И хотя регулярной она еще не была, а по окончании похода распускалась по домам, все же стоимость ее («месячный корм»)

---

[1]) Милюков. I. 157. Чечулин. Очерки по истории рус. финансов в царствов. Екатерины II. 1906. стр. 313.

[2]) Clamageran. II. 389. 675.

[3]) Necker. De l'administration des finances en France. 1784. II. p. 384 сл.

[4]) Sombart. Krieg und Kapitalismus. 1913. p. 56 сл.

возрасла за полвека (1631—81) втрое (с 250 до 750 тыс.), притом скорее, чем увеличился состав самой армии (в 2½ раза). Вздорожали и войны — полуторагодовой поход на Смоленск обошелся при Михаиле в 7—8 милл., а две первые кампании против Польши при Алексее (1654—55)—в 18—20 милл., что почти равнялось годовой сумме доходов центральных учреждений, по росписи 1680 г.

«Денег, как возможно, собирать, понеже деньги суть артериею войны»,—писал Петр Вел. новоучрежденному Сенату. Считая «воинское дело яко первое из мирских дел», он, кажется, «солдат и рекрут видел во сне и на яву» и даже, когда у него родился второй сын, он писал: «Бог дал царю рекрута отцовским именем». За 15 лет (1699—1714) их собрано было свыше 330 тыс., и все же «доимка», по сравнению с «окладами», получалась весьма крупная. Заслышав о наборе, жители «бежали в леса, покиня свои домы», отчего помещики и старосты плачут «не слезами, а кровью»; получалась убыль дворов и «сущая пустота». Но и набранные бежали и со «станций» и «идучи дорогой, порознь и артелями», иногда при этом «учиняли бунт, вынув ножи», почему на них стали накладывать «цепи двоешейные». Эта армия, выделившаяся окончательно «в ничем не связанную с землей общественную группу» (комплект ее исчислялся в 1708 г. в 113 тыс., в 1732 г. в 232 тыс.), обходилась Петру втрое более, чем к концу XVII ст., и почти в 12 раз больше, чем за сто лет до того, а вместе с новой статьей расходного бюджета—флотом, поглощала уже вместо половины бюджета в 1680 г. свыше ⅔ в 1724 г.

Это была высшая точка: при Екатерине II расходы на вооруженную силу снова спустились до половины (в начале царствования), падая затем и далее до 37 проц. (к концу столетия). И даже войны первой половины XIX ст. вместе с процентами по вызванным ими же займам, отнимали менее, чем при Петре, хотя и доводили расход до 55—60 проц. С половины же XIX ст. доля армии и флота прогрессивно падает с 42 до 22 проц., расходы по займам этой эпохи обусловливаются и выкупом крестьянских повинностей и в особенности железнодорожным строительством [1]).

[1]) Милюков. Госуд. хозяйство, 120. 494. Очерки, I. 153. 157. Клочков. Население России при Петре В. Т. I. 80. 115. 124 сл. Ключевский. IV. 90. Чечулин. Стр. 312-13.

По Тэри, расходы на вооруженную силу росли в 1885—96 г.г. ежегодно на 67 милл, в 1896—1908 г.г. на 183 милл фр., но расходные бюджеты в целом поднимались еще скорее: они более, чем удвоились за четверть века, тогда как армия и флот не обнаружили удвоения. Отсюда, в Англии, Германии, Австро-Венгрии, России доля военно-морского бюджета сократилась с 32—15 проц. до 29—13 проц. [1]).

Лишь в последние годы перед грозой, когда стал уже надвигаться призрак мирового побоища, тот вампир войны, который и прежде высасывал соки из народного организма, начал обнаруживать особенно кипучую деятельность, угрожая вернуть Европу ко временам Семилетней войны и Наполеоновских войн, когда половина и более бюджета приносилась в жертву молоху войны. Недаром немцы заявляли, что страна превращается в заведение для откармливания милитаризма. Но другие утешали себя тем, что беспокойная подвижность в области техники, сокращающая продолжительность жизни каждого аппарата и беспрестанно требующая новых усовершенствований, не может не отразиться и на технике разрушения, не уделить и ей принадлежащей ей доли своих плодов. Эта-то техника и взимает свою дань с возрастающей производительности народного хозяйства, выполняя усиливающиеся требования последнего в защите его от вражеского нападения. «Сознание неизбежности является для нас утешением—сон вечного мира еще не осуществлен, лишь за такую цену мы можем иметь мир, по крайней мере, вооруженный мир». Немцы радовались тому, что, действительно, воспитание народа в этой области делает большие успехи—чем тяжелее становится ноша, тем больше готовность нести ее. Хотя новые налоги на вооружение и должны окончательно задавить народ ,согласно предсказанию мягкосердечных людей, повторяющих это в течение столетия, но благосостояние не только не погибло, а достигло небывалого расцвета. Возрастание бремени лишь кажущееся, на самом деле, сравнительно с усиленным ростом народного богатства, оно непрерывно отстает, облегчает плечи населения.

---

[1]) В Англии с 32 до 29, в Германии с 19 до 16, в Австро-Венгрии с 15 до 13, в России с 29 до 22 проц. См. также ниже, стр. 29-30.

Но те же немцы сознавали в 1913 г., что слишком натягивать тетиву не следует, что, «строя дредноуты, мы должны иметь возможность оказывать давление на Англию, но не должны переходить за те пределы, которые способны довести Англию до отчаяния и до нападения на нас», и эта крайняя граница в данный момент достигнута. От мирных конгрессов, обществ мира, взаимных посещений делегациями до мирных помыслов и идей пространство большого размера, и «достаточно одного сильного порыва ветра национального самолюбия, чтобы все эти прелести смести, чтобы народы внезапно распоясались и бросились с кулаками друг на друга».

За англичанами все же немцы поспеть не могли—в Англии дредноуты росли еще скорее,—но «иммунитет островов от вражеского нападения чего-либо да стоит». Временами англичан охватывала паника—они тряслись и дрожали, «слыша утренний шум, они со страхом открывали окно, ожидая увидеть вместо скрипящей тачки молочника бряцанье копьев немецких гусар». Их успокаивали: «наши суда и наже вооружение втрое превышают германский флот». «Как, всего втрое? Изменники! Неужели вы хотите послать трех тощих британцев против одного толстого немца? Неужели вы не знаете, что один немец пожирает трех английских матросов, как франкфуртские сосиски?» Природа, превратив Англию в остров и море в широкий и глубокий крепостной ров, в течение столетий охраняла ее от разгрома мародерами с континента, флот ее—защитник европейской культуры. Но нельзя же,—возражали им,—бросать на ветер деньги, сооружая гигантские армады для борьбы с призраками, с мифическими врагами [1]).

Когда-нибудь наступит тот счастливый день, — мечтал Ллойд-Джордж,—который позволит Британии сбросить с себя тяжелое иго расходов на подготовку к убийству людей; освободившись от этого 70-миллионного расхода, она в состоянии была бы приплачивать каждому рабочему по 4 шилл. в неделю, нисколько не умаляя прибылей капиталистов. Мировое побоище расстроило все мечты и надежды—оно разорило весь мир. Но, быть может, теперь мы все же ближе, чем когда-либо, к цели—к прекращению неслыханной расточительности прежних десятилетий; быть может,

[1]) Lloyd-George. Better Times. p. 33. 39. 176. 248.

история—в противоположность своему обыкновению—теперь чему-нибудь людей научит, вразумит, заставит одуматься.

Расходы на двор (по «цивильному листу») и на вооруженную силу оттесняются рядом новых статей, первоначально совершенно не известных, но постепенно требующих и себе места в бюджете. Таковы, прежде всего, расходы на государственное управление и суд. Первое долго совпадало, как мы видели, с дворцовым управлением, или же имело характер кормления от должностей, так что казне почти не приходилось тратить из своих средств, либо, наконец, было чрезвычайно слабо дифференцировано и почти никакой роли в расходном бюджете не играло; в доходном же ему соответствовали поступления от продажи должностей, так что жалованье, по словам немецкого камералиста XVIII века Юсти, являлось не более, чем процентом с помещенного и переходящего по наследству капитала; если же должность отдавалась другому лицу, а не наследникам, то оно обязано было последним возместить убытки выкупить их права [1]).

В Московской Руси наместники и волостели и «их пошлинные люди» кормились от кормов и «присудов» (сборы с суда), первоначально объезжая свои округа, позже пополняя свои «животы» приношениями: кормами—въезжим (при въезде, вступлении—«что кто принесет»), и на большие праздники—рождественским, петровским, «великоденским» («на великий день»), пошлинами судебными (с выдачи «правых грамот», «докладных списков»), торговыми, свадебными (платили свадебный убрус—платок, выводную куницу—меха). Аппетиты их должны были ограничиваться своего рода таксами—наказными или доходными списками, как и правом потерпевших обывателей вчинять тяжбы к бывшим управителям, даже вызывать их на поединок, поле: как съедет кормленщик, мужики ищут на нем многими исками и от поединков и крестоцелований совершается много «кровопролития и осквернения душам».

Со времени «Расстригина прихода» (Самозванца), т.-е. с начала XVII ст. появляются воеводы, которые, правда, ведают уезд уже не на себя, а на государя, но, являясь сыновьями или внуками прежних наместников, оказываются достойными потомками их, тем более, что имеют право поступать, «как пригоже, как Бог вра-

---

[1]) Justi. System der Finanzwissenschaft. 1766. p. 528.

зумит». Воевода не собирал кормов и пошлин по уставной программе, но получал добровольные приносы «в почесть»—подарки калачами или деньгами приносились ему самому, его жене, детям, приказным людям, дворовым слугам, приживалкам, даже юродивому, проживавшему у воеводы; брали их, «сколько рука выможет», открыто прося отпустить на воеводство «покормиться». Даже Петр I, перестраивая на новый лад старое «нераспоряженное» московское управление и отыскивая для этой цели «отставное или залежавшееся по усадьбам дворянство» (всех остальных загоняли в армию), скупился на новые расходы, дозволяя чиновникам «акциденции», «неуловимой для надзора чертой отделявшиеся от взяток»; вплоть до Екатерины II жалованье выдавалось лишь высшим чинам, тогда как прочие должны были довольствоваться «доброхотными» даяниями просителей [1]).

Западная Европа не обнаружила столько изобретательности в последнем направлении, но зато сумела сделать из администрации и суда источник фискальных доходов. В Пруссии пытались смягчить систему распродажи должностей с аукциона, допуская лиц с надлежащей подготовкой без всякой платы, но фактически и там сбразованиe замечялось деньгами, даже при Фридрихе Вел. Во Франции такая купля-продажа появилась чуть ли не с самого зарождения оплачиваемой администрации, и к ней «прибегали и лучшие короли наряду с худшими: окончательно вводит в употребление продажу должностей Людовик XII, право передачи их по наследству продает Генрих IV; настолько пороки-системы сильнее применяющих ее людей» [2]). В 1614 г. «капитал, вложенный в эту жалкую собственность», как выражается Токвиль, определялся в 200 милл. ливр., полвека спустя—вчетверо выше. По временам число таких объектов торга сокращалось,—при Кольбере с 45 до 25 тысяч,—но отменяемые должности вскоре возрождались под иными названиями.

Хотя уже в конце XV ст. собрания сословий заявляют: кто продает должность,—продает правосудие, и требуют от новых членов клятвы, что они никому ничего не заплатили и не обещали,

[1]) Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Моск. госуд. 1900. Стр. 5 сл. Ключевский. II. 433 и сл. 454 и сл. 468 и сл. III. 188 и сл. IV. 257 и сл. Сергеевич. Древности рус. права. III. 166 и сл. Чечулин. 286-7.

[2]) Tocqueville. L'ancien régime et la revolution. L. II. Ch. X.

но генеральные штаты 1614 г. называли продажу должностей законным фискальным правом короля и полагали, что зависимость служебного положения от богатства выгодна и для государства: богатые получают и лучшее образование, и более заинтересованы в спокойствии страны. Дворянству и духовенству эти приемы не были нужны—они требовали для себя безмездных привилегий и протестовали против возмездных, открывавших доступ третьему сословию; но тем более в этой системе было заинтересовано нарождавшееся третье сословие. Характерно, что даже Forbonnais, знаменитый автор «Recherches et considerations sur les finances» (1758 г.), соглашается с тем, что этот доход не обременяет населения и предупреждает чрезмерное размножение чиновников; возражения он называет предразсудком, в особенности когда речь идет о судебных должностях [1]).

Действительно, сколь абсурдным это ни представляется нам (Рошер, правда, усматривает в этом независимость, «еще более важную для судьи, чем знание дела»!), но и суд, еще далеко, впрочем, не отделившийся от управления, являлся объектом купли-продажи, и в момент отмены Национальным Собранием в 1793 г. всего института продажи должностей имелось судейских мест на 800 миллионов ливров. Уплаченные суммы покрывались участием в доходах суда, в налагаемых им штрафах и производимых им конфискациях. Но еще более доходную статью и те и другие составляли для государства. Штрафы нередко давали не меньше, чем налоги. Конфискацию имений широко применяли в Англии не только Тюдоры, но и Стюарты (в 1642 г. займы Долгого Парламента фундировались конфискованными в Ирландии поместьями). Ею «питались» Курфюрсты Бранденбургские; ею же уничтожались дворянские поместья врагов императора в Богемии во время и после тридцатилетней войны [2]). Даже Наполеон столь крепко держался за право конфискации имуществ, что и в своем акте 1815 г., где он уже старался «не обнаруживать когтей», все же не желал отказаться от него.

Лишь в течение XIX века суд и управление превратились в расходные статьи. В Пруссии расходы по внутреннему управле-

---

[1]) Forbonnais. I. 140 и сл. 222. 329.

[2]) Schmoller. Umrisse und Untersuchungen. 1898. p. 160.

нию составляли в 20-х годах XIX ст. 12 проц. всего расходного бюджета, в 80-х годах 9 проц., расходы на суд (включая тюрьмы) за это время повысились с 4,7 до 8,9 проц. У нас расходы на администрацию и суд в 1680—1725 г.г. не превышают 1,3—2,2 проц., но уже при Екатерине II достигают 12 проц. (по Чечулину, даже 20 проц.) и затем, временно понижаясь, остаются на этом уровне (в 1870 г. 13 проц., 1892 г. 11,2 проц.), а в начале XX века доходят и до 16 проц.

Новое явление, продукт XX века, это—расходы на так называемые культурные потребности, на образование, науку и искусства, общественное призрение, народное здравие и т. д. Предыдущим эпохам эти потребности не были известны в качестве нужд государства или других общественных союзов. Они либо вовсе не удовлетворялись, либо выполнялись частным путем в качестве единичных и случайных явлений, либо, если, в конце-концов, город или государство отпускали на них какие-либо средства, то лишь в отдельных экстренных случаях и в столь микроскопических дозах, что они являлись совершенно незаметными, тонули среди расходов на двор и войско в государстве, на магистрат, постройку и содержание укреплений в городах.

В ту эпоху, когда государства, в сущности, еще не было, когда города являлись самостоятельными и политическими и экономическими единицами, сумевшими мечом и золотом добыть себе верховные права у феодалов, когда они расцветали и ширились, умножая, благодаря своим вольностям и свободам, и свое богатство, свои торговые обороты, ремесла и промыслы, а с помощью растущего богатства, приобретали новые привиллегии, новую силу и могущество,—в эту эпоху XIV—XVI ст. вплоть до самого конца ее культурные потребности, как статья их расходного бюджета, почти совсем не фигурировали. Даже в таких крупных торгово-промышленных центрах того времени, как Аугсбург, Нюрнберг, Кельн, Любек, Росток и др., насчитывавших 18—25 тыс. населения, цифры совершенно исключительные для того времени [1]), даже там мы не находим вовсе расходов на школу, санитарное дело, призрение бедных, или они составляют, в лучшем случае, все вместе менее

---

[1]) См. Кулишер. Лекции по истории экономич. быта. Изд. 5-ое. 1918. Стр. 115.

1 проц. бюджета. Школа и общественное призрение находились в руках церкви ,содержание и чистка улиц и колодцев составляли обязанность самих жителей, освещения обычно не было. В Нюрнберге в XV ст. встречаются в записях несколько городских врачей и акушерка, однако, расходы на них, как и на другие санитарные цели (содержание колодцев, вывоз нечистот) и на тушение пожаров составляли всего вместе ½ проц. всех расходов. В Гамбурге в XVI ст. лишь от времени до времени, но далеко не всегда, упоминаются, да и то лишь мелкие, расходы по устройству окон в церквах, на содержание хирурга, на дом умалишенных, на чистку улиц, на освещение мостов, на магистратскую библиотеку; расход на школы и здесь совершенно отсутствовал [1]).

Следующие два века в этом отношении немногое изменили. Хотя город и надзирал теперь нередко за школами и общественным призрением, но средств на это обычно не отпускал, в лучшем же случае выдавая пособия на школу высшего типа (гимназии), тогда как учителя народной школы вынуждены были существовать на мизерные суммы, получаемые от учеников, да еще уплачивать из них за наем и отопление школьных помещний; свои средства они пополняли, посылая учеников в качестве певчих в погребальных процессиях или попросту для собирания подаяний.

Но если города, находившиеся к тому же в периоде упадка, и политического и экономического, оказывались не на высоте положения, то и новое государство, облеченное всей полнотой власти, в этом отношении вовсе не оправдывало своего названия—просвещенного абсолютизма. Просвещение масс, в тесном смысле слова, было ему весьма чуждо. Даже Фридрих Вел. находил, что в деревнях достаточно слегка обучать чтению и письму, иначе жители, «слишком много набрав знаний, бегут в города и добиваются секретарских и иных подобных должностей». Баварский бюджет 1800 г. в 5,8 милл. гульд. содержит и отдел «Kultus», в размере 206 тыс., куда входят расходы на академию наук, картинную галлерею, придворную библиотеку, рисовальную школу, пособия художникам и некоторым «университетским индивидам». Присоединив однородные расходы по другим ведомствам (балет, лесное учи-

[1]) См. Кулишер. Комунальное обложение в Германии в его историческом развитии. 1914. Стр. 49-50.

лище и т. д.), все же на просвещение в широком смысле, церковь и призрение бедных не получим и 5 проц. бюджета, причем статья начальной школы вовсе отсутствует [1]).

Неудивительно, при таких условиях, если во Франции накануне Революции синдик общины не умел читать, а сборщик податей не способен был записать расчеты, от которых зависело благосостояние его соседей и его собственное, вынужден был вести с собой писца [2]), если в Германии еще в эпоху наполеоновских войн находим в оффициальных документах пресловутые три креста, ибо мало кто в состоянии был подписать свое имя.

Однако, отсутствовали не только расходы на народную школу; и латинские школы или гимназии содержались на частные или церковные средства, в особенности духовными орденами. Университеты же еще в начале XVIII ст. нередко рассматривались в главе об увеличении государственных доходов; жаловались на то, что есть и «такие академии, от которых ни страна, ни государь не имеет выгоды, которые вызывают даже больше расходов, чем они приносят дохода». Юстус Мозер в 1736 г. заявлял, что «цветущий университет является рудником вдвойне, ибо студенты (внося плату за учение) непосредственно доставляют золото и серебро, уже превращенное в монету, не вызывая расходов на чеканку». Во многих случаях расходы государства на содержание университета были минимальны, напротив, благодаря учреждению его, сильно возрастали поступления от акцизов.

Во всяком случае, начав с высшей школы и поощрения наук и искусств, государство лишь мало-по-малу взялось и за народное образование. По мнению Рошера, тот факт, что «солнце государственной милости сначала обращает свои лучи на вершины гор и лишь постепенно спускается в долины народного образования, нельзя порицать, ссылаясь на то, что всякий строитель начинает снизу и подымается вверх; истинная наука создает массу духовных ценностей общественного значения, становящихся впоследствии такими же «свободными» благами, как воздух и лучи солнца» [3]).

---

[1]) Hoffmann. p. 210-15. Schmelzle. Staatshaushalt Bayerns im XVIII Jahrh. p. 210.

[2]) Taine. L'ancien régime. p. 406. Tocqueville. II Ch. 12.

[3]) Roscher: II, 203—07.

Во Франции вся милость, оказываемая народному образованию, выражалась в начале XIX ст. в характерной цифре—50 тысяч фр., т.-е. сводилась, в сущности, к нулю. Но к середине столетия она сразу перескочила на 1 миллион, поднявшись в 20 раз; когда же она, в 80-х годах, снова совершила скачек в 100 раз (до 100 милл.) и должна была, по выработанному плану, постепенно еще удвоиться, то стали говорить о свойственной эпохе железнодорожной и школьной горячке. Причина небывалого роста заключалась в признании народного образования обязательным для всех и бесплатным с принятием расходов на казну. Вследствие этого, расходы казны на начальное образование с 1889 по 1900 г. повысились на 60 милл. фр., или более, чем в полтора раза, а в 1900—1907 г.г. снова более, чем на третью часть — с 147 до 202 милл .фр.

В то время, как расходы на армию и флот за тридцатилетие 1872—1911 г.г. все время находятся в пределах 24—29 проц. расходного бюджета, обнаруживая постоянные колебания вверх и вниз, а доля платежей по государственному долгу даже сокращается, процент расходов на народное просвещение, напротив, непрерывно растет—с 1,6 проц. (в 1872 г.) до 3,14 проц. (в 1880 г.), до 6 проц. (в 1890 г.) и до 7 проц. (в 1911 г.) [1]).

Еще резче обнаруживается совершившаяся перемена в Германии, где, как известно, «школьный учитель победил» и Францию в 1871 г. и весь мир, наводнив его произведениями германской индустрии при помощи ученого немецкого «конторщика», т.-е. прекрасно подготовленного купца и банкира. В Пруссии доля расходов на народное образование (включая церковь и народное здравие) с 20-х до 80-х годов почти удвоилась: с 4.7 до 8,9 проц. бюджета— в 1888 г. введено обязательное бесплатное обучение в народной школе (принцип был торжественно провозглашен уже конституцией 1850 г.), и участие в нем государства сразу поднялось с едва 3 милл. в 1871 г. до 14 милл. в 1886 г. С 1881 по 1906 г. расходы (обыкновенные) империи и союзных государств по этой статье повысились на 254 проц. (и составляли 11,4 проц. бюджета вместо 8,6).

---

1) Ballod. Grundriss der Statistik. 1913. p. 279-80.

тогда как на армию и флот всего на 142 проц. (упали с 33 до 30 проц. бюджета), а все расходы, вообще, на 165 проц. [1]).

Но это еще далеко не все. Отняв у городов их былую независимость, государство превратило их, как и сельские общины, в подчиненные органы, которым поручено выполнение определенных функций, именно задач культурного свойства, заставило их заботиться о школе, о народном здравии, об общественном призрении, о сооружении и содержании дорог. Во Франции им в значительной мере приходит на помощь государство: в 1907 г., напр., из всех расходов на народное образование 70 проц. несла казна, всего 30 проц. общины; оно же приняло на себя значительную часть расходов на выдачу пенсий престарелым и инвалидам, на содержание воспитательных домов и т. д. [2]). Напротив, в Грмании, несмотря на огромные расходы империи и государств на народное просвещение (в 1908 г. 407 милл. мар.), последние включают лишь небольшую часть расходов на народную школу (в 1906 г. 150 м. из 523), тогда как все остальное падало на общины. Прусские города с населением свыше 25 тыс. увеличили свои расходы на начальное образование за 1869—1905 г.г. более, чем в 5 раз (на душу населения), уделяя ему 12—14 мар. (на душу), т.-е. не менее того, что Германия тратила на содержание армии (12,3 м. на душу), во многих случаях даже более. Третья часть всех расходов (чистых, за вычетом издержек по коммунальным предприятиям, покрываемых их доходами) германских городов за 1906 г. уходила на их «любимое детище»—на школу, более половины всех налоговых поступлений вызывалось нуждами просвещения [3]).

Но эти усилия не пропали даром—они дали обильную жатву. Из 10 тыс. новобранцев в Германии уже в 1880 г. насчитывалось всего 157 неграмотных, в 1890 г.—51, а в 1904 г.—только 4. Во Франции число их за 20 лет (1884—1903) сократилось втрое; по переписям населения на 10 тыс. неграмотных приходилось в 1872 г. старше 7 лет 3,1 тыс., в 1901 г. старше 5 лет—1,8 тыс. В Италии

---

[1]) Sevin. Deutschlands Kulturausgaben (Die Bildungsausgaben). 1912. p. 38-43.

[2]) Кулишер. Местное обложение в иностранных государствах. Ч. II. 1913. Стр. 148-51.

[3]) Denkschriftenband zur Begründung des Entwurfs etc. I. 1908. p. 690, 707. Sewin. 61-66, 88. 108-9. Кулишер. Коммун. облож. в Герм. стр. 52—54.

численность неграмотных (старше 7 лет) сократилась (на 10 тыс. населения) за 40 лет (1861—1901 г.г.) с 7,5 до 4,8 тыс. [1]).

Хуже всего обстояло всегда дело народного образования в России—здесь оно в течение двух столетий никак не могло сдвинуться с мертвой точки. Со времен Петра многократно делались попытки набирать «для науки молодых ребяток», их хватали, держали в тюрьмах и «за караулом». Но такое образование «по казенной надобности, а не по внутренней потребности, давало тощие мерзлые плоды»; вызванное не стремлением облицевать русских людей на подобие просвещенных иноземцев, а доставить необходимый материал для «казарм и канцелярий», оно получило характер «правительственного заказа или казенной поставки подростков для выучки по определенной программе», для «легкой перегонки недорослей в доморощенных школах и экзотических пансионах». Школа, превращавшая воспитание юношества в дрессировку зверей, выработала среди школяров примитивный способ борьбы—дезертирство, и школьные побеги вместе с рекрутскими стали хроническими недугами русской жизни.

В ту эпоху, когда «туманно занималась заря русского просвещения», когда возникала «натуральная повинность» учения, на образование (школы и академии) расходовалось (бюджет 1724 г.) 27 тыс. из 6,2 милл. руб., или менее ½ проц. (37 тыс. на медицину и 36 тыс. на духовенство и благотворительность); но и при Екатерине II училища и благотворительность лишь в последний год достигли 1½ проц. всех расходов (с 1781 по 1796 г. повысились с 540 до 1.340 тыс., бюджет с 41 до 78 милл.). Повсюду городские обыватели заявляли, что «купецких и мещанских детей в школах не состоит, да и впредь к изучению в училища отдавать детей они не намерены», почему отказывались давать и средства на их содержание [2]).

Поскольку же вообще тратились средства, возникали «дорогие дворянские кадетские корпуса, инженерные школы, воспитательные общества для благородных и мещанских девиц, академии художеств, гимназии», по своему духу напоминавшие «прародителей»—морскую академию Петра, где выписанный из-за границы

---

1) Petersilie. Analphabeten. Handwört. der Staatwiss. 3 Aufl. I.

2) Ключевский. III. 9 сл. IV. 317 сл. 322 сл. Милюков. Госуд. хоз. 495. Очерки 296 сл. Чечулин. 289. 315 сл.

начальник бил «морскую гвардию» палкой при всей школе, и другую академию того же времени—Глюка, «разных языков и кавалерских наук, на лошадях, на шпагах и т. д.». Но «на протяжении двух столетий не открыли ни одной общеобразовательной или земледельческой школы», ибо «земледельцам других наук, состоянию их не принадлежащих, совсем иметь не следует, кроме российской грамоты, а грамоту могут оные иметь и без учреждения для них училищ, как и доныне было». Правда, устав 1804 г. предусматривал и сельские приходские училища, но они должны были содержаться в казенных и удельных селениях на счет самих крестьян, почему число их до половины 30-х годов не превышало 660 и значительно увеличилось лишь в следующие два десятилетия. Мысли о введении содержания народной школы в государственный бюджет правительство и впоследствии не допускало. Расход по этой статье за все тридцатилетие 1866—95 г.г. стоял на микроскопической цифре 0,3 проц., а весь расход государства на народное образование только в 70-х годах минувшего века превысил 2 проц., в начале нового столетия достиг 4 проц., а накануне войны—6 проц.

В области содержания народной школы узел был разрублен учреждением земства, которое любовно принялось за школьное дело и уже в 1868 г. истратило по 27 губ. 408 тыс.; в 1895 г. расход его на начальные училища доходил до 8,3 милл. или составлял почти 15 проц. всех расходов, а за 1895—1913 г.г. он увеличился в 34 губ. в 8 раз (с 9,3 до 77,3 милл.), повысившись с 15 до 31 проц. земских бюджетов и занимая в 1913 г. первое место среди земских расходов. Однако, теперь уже государство приходило на помощь земству; столь быстрый рост земских расходов на школу оказался возможным лишь благодаря тому, что пособия земству возросли с 1895 по 1913 г. (особенно за трехлетие 1911—13) с 1 до 46 милл. (с 1,5 до 16 проц. земских доходов), из них же наибольшая часть приходилась на народное образование (в 1913 г из 46 милл. 35); так что в 1913 г. 40 проц. земских расходов на школу покрыто было казенными средствами, лишь прошедшими чрез земские кассы [1]).

---

[1]) Доходы и расходы земств 40 губерний по сметам на 1913 г. (Изд. Департ. Окл. Сбор.) 1915.

За обще-культурными расходами следует в последней четверти XIX века новая группа расходов—социальных, смысл и назначение которых видны из самого названия их: это фабричная инспекция для охраны труда, это государственное страхование рабочих, это организация по приисканию труда. В Германии прибавка казны в области страхования престарелых и неспособных к труду рабочих достигла за 20 лет (1891—1911) 693 милл. мар. плюс 249 милл. на страховые учреждения и получали ренту в качестве нетрудоспособных за это время около 2,8 милл. человек. Во Франции с 1870 по 1913 г. податное бремя на душу населения повысилось в 2½ раза, но за это время расходы социального характера увеличились почти в 6 раз. Еще более блестящую картину развернул Ллойд-Джордж при внесении в парламент бюджета в 1913 г., хотя противники его и заявляли иронически, что он обладает талантом составления проспектов для акционерных компаний. Эффект получился, действительно, огромный, фейерверк ослепительный, когда, сопоставляя свой бюджет с бюджетом Гладстона на 1861 г. и отмечая рост его за это время с 70 до 195 милл. фунт. (с 48 до 86 шилл. на душу населения, или на 80 проц.), он мог похвастаться 16-кратным возрастанием издержек на народное образование (с 1,2 до 19,2 милл. плюс 16,6 милл. местных расходов на образование, итого вместо 8 пенс.—180 пенс. на душу нас.), далее, выдачей общинам новых 11 милл. на иные культурные потребности и, наконец, 20 милл. на потребности рабочего класса, в тесном смысле. Это был совершенно новый расход на страхование от старости. «Жестоко заставлять престарелого рабочего расчищать себе дорогу к могиле с окровавленными руками и израненными ногами чрез колючие тернии и шиповники. Мы соорудим ему новую дорогу, более легкую, более приятную, чрез волнующиеся нивы колосьев, так, чтобы 200.000 бедняков могли тронуться в путь». Тот богач,—прибавляет Ллойд-Джордж,—который отказывается нести эти новые расходы, не только грязен, но и близорук. Он забывает о том, что народ с хорошими школами, хорошо питающийся, хорошо одевающийся и имеющий хорошие жилища, во много раз увеличивает богатство страны, что законы о школах и общественном здравии обошлись дорого, но дали еще гораздо больше [1]).

---

[1]) Lloyd-George, p. 64. 108.

Действительно, при современной солидарности интересов всего населения, при тесной связи и зависимости друг от друга всех нас, сплетенных жизнью многочисленными тонкими и неразрывными нитями между собою, вновь выдвигаемые жизнью потребности тех или иных групп приобретают по необходимости широко-общественный характер. «Невежество при связанности людей в настоящее время — общеопасно, и нужно принимать против него меры», так же, как против скученности жилищ, негигиеничных условий производства или чрезмерно продолжительного рабочего дня. Отсюда новейшая «политика национального минимума», начинающаяся фабричным законодательством и доходящая вплоть до нормирования заработной платы [1]). Все, что влияет на производительность человеческой машины (подготовка, состояние здоровья, общий культурный уровень рабочего), отзывается на всем населении, поднимает успешность труда всех и каждого, становится, следовательно, истинно-коллективной потребностью, средством народной защиты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Государственные доходы.

Домены. — Регалии. — Государственные предприятия. — Пошлины. — Налоги.

Старейшим источником государственных доходов являются домены (dominus, dominium, отсюда domanium, domaine, Domänen или Kammergüter) или государственные имущества, казенные земли и леса. Первоначально это собственность государя, на которой покоится его материальное существование, ибо других источников у него нет,—но и его сила и власть. Без них он становится «государственным нищим», выпрашивающим подаяния в виде на-

---

[1]) См. Озеров. Основы фин. науки. I. 9, 13.

логов, из господина превращается в «раба своего народа». Но и с точки зрения государственной казенные земли считались важным достоянием, которое нельзя легкомысленно расточать. Всякий, кто советует продать домены, замышляет гибель государства,—заявлял Жан Боден в XVI ст. Продав домены, пришлось бы вновь приобретать их,—утверждал еще Монтескье в XVIII веке. Но их мудрым советам не следовали, не могли и не умели. Домены раздаривались и расхищались, продавались или закладывались, — в сущности, одно и то же, ибо и заложенное вернуть себе обратно невозможно было. Учением Смита, объявившим, что хозяйство казны никуда не годится, эта печальная необходимость была возведена в достоинство. В результате, казна «освобождалась» от своих земель, отказывалась от конкурренции с частными лицами, от «сокращения им пропитания», от желания превратить своих подданных «в сидящих на ее земле крепостных». Берк и Кант, Штейн и Умпфенбах—все они одобряют такой образ действия, примыкают к Смиту. К тому времени, когда домены из рук государя (получившего взамен их цивильный лист) перешли к государству в качестве его имущества, от этого богатого некогда наследства уже остались одни воспоминания.

В Пруссии домены еще в первой половине XVIII столетия давали половину всех доходов (3,3 из 7 милл. талер.), в начале XIX ст. уже менее третьей части (8,7 из 31 милл.). Абсолютный рост дохода объяснялся возростанием цен на сбываемый хлеб и лес. В 1913 г. Пруссия выручала 16 милл. чистого дохода с казенных земель и 78 милл. мар. с лесов. Во Франции со времен Революции остались почти одни лишь казенные леса, и с них Франция, по словам Стурма, могла бы существовать не более 4 дней в году; еще меньше они (также одни лишь леса) в Англии (530 тыс. фунт.). Больше дают государственные земли и леса только у нас: в 1913 г. 33 милл. руб. первые, 72 милл. вторые, но по сравнению с обширным протяжнием неустроенных и запущенных казенных лесных площадей, последняя цифра—гроши, извлекаемые из огромных богатств, которые еще ждут государственного человека, сумеющего их использовать.

Домены уже рано начинают таять, дворянство без труда присвоивать себе их. И верховные права феодалы сумели прибрать к рукам, в XVII—XVIII ст. нередко государю уже почти ничего

не оставалось от прежнего великолепия. А, между тем, расходы его ширились и множились—эпоха Ренессанса и последующих столетий предъявляла к нему, ко всей придворной жизни новые требования. Беспрерывные войны означали «деньги, снова деньги и ще раз деньги». Наконец—или прежде всего—надо было укреплять свою власть, строить новое территориальное государство, бороться с «конкуррентами», предъявлявшими требования на ту же территорию и на тех же подданных, надо было быть не первым между равными, а единственным, центром всего, солнцем, вокруг которого все вращается.

Как же быть? Налоги были почти недоступны, их можно было получить лишь с согласия земских чинов на чрезвычайные надобности, приходилось выклянчивать с большим трудом. Дворянство и духовенство признавало дарения, добровольные подношения, но отнюдь не принудительные платежи. Нельзя ли попросту производить деньги, выделывать золото? Алхимия, действительно, процветала, государь верил в нее не меньше, чем монах или крестьянин; алхимики, эти придворные кудесники, они же нередко придворные астрологи, были в большом фаворе. Но не они одни—прожектеров всякого рода имелось великое множество, они наполняли приемные королей и министров, предлагая наперерыв свои идеи и изобретения, фантастические, детски-наивные, вычурные, но всегда развиваемые с математической точностью. Изобретая «тинктуры жизни», «универсальные эссенции», «элексиры, дающие вечную красоту», они в первую голову строят великие и широкие планы обогащения государей всего мира, обогащения, не требующего ни одного гроша из кармана подданных, обогащения немедленного, огромного, которое должно в равной мере осчастливить и главу государства и его подданных.

Погоня за золотом, охватившая всех лихорадка, гнала и за океан. Короли поощряли «благородных пиратов», столь же ревностно служивших Марсу, как и Меркурию. «Суеверное искательство кладов и суеверные поиски камня премудрости соединяются с суеверной надеждой найти страну, где золото лежит тут же пудами, и превращаются в безудержную погоню за новыми завоеваниями по ту сторону океана» [1]).

---

[1]) Sombart. Der Bourgeois. 1913. p. 94.

Но все это были грезы, мечтания: повседневная действительность с ее немедленными требованиями заставляла вернуться от сказок к реальной жизни, где способ производства золота—столь близкий, почти уже найденный, как думали,—еще не известен. До завтра ждать нельзя было, деньги нужны были уже сегодня, и их приходилось добывать не теми способами, которые сулило возбужденное воображение и всякого рода беспокойные фантасты, романтически настроенные и верящие в свою звезду, или пронырливые, способные провести всякого своими «художествами»,—не этими, а другими, хотя и не менее извилистыми путями, но все же вполне обыденными, прозаическими. Раз налоги недоступны, невозможны в их чистой, откровенной форме, то надо использовать с фискальными целями права, принадлежащие государю, обойти согласие земских чинов, взимая те же налоги, но в скрытом виде, налоги, укрывающиеся под иной, с виду безобидной и, во всяком случае, не вызывающей никаких сомнений в правомерности формой.

Так, в борьбе с сословиями новой государственной власти, которая старалась разорвать наложенные на нее цепи феодального права, возник новый источник доходов—регалии (regalis от rex—король), фискальные права, доходные прерогативы казны (iura utilia fisci), которые последняя брала в свое исключительное пользование, изъяв их из частного оборота, из сферы деятельности населения. То, что Токвиль говорит по поводу одного вида их—продажи должностей,—применимо к регалиям вообще: «эти учреждения создались в промежутках между собраниями сословий; они порождались желанием вовсе не созывать последних и необходимостью замаскировать в глазах населения налог, который не осмеливались показать в его истинном виде».

Регалии являются, таким образом, переходной ступенью от доманиального хозяйства к построенному на налогах государству: «домен уже недостаточно, налогов еще недостаточно».

Регалий было много, они имелись всевозможных сортов и видов, отыскивались и создавались в самых разнообразных областях жизни, возникали по самым различным поводам. Авторы XVI—XVII ст. пытались их подсчитать: один нашел 125 видов регалий, другой—208, Каспар Клок (в XVII ст.) даже 400, причем он же заявил, что «трудно дать определение того, что такое регалии».

Они, действительно, являлись своего рода сборной категорией, в которую сваливали все, что не подходило ни под домены, ни под налоги, производили впечатление крайней бессистемности, хаотичности—результат нагромождения институтов различных эпох, слияния и смешения прав средневекового вотчинника и нового территориального государя.

Регалией являлось, прежде всего, все то, что никому не принадлежало, что не составляло ничьей собственности. Отсюда право короля на найденные вещи; на спасенный при кораблекрушении груз: на клады, весьма частое явление в те времена, когда зарывали ценности в землю, пряча их от врагов; на выморочные наследства (целые роды вымирали, в виду междоусобий и эпидемий); на оставшееся после смерти иностранцев имущество—«иностранец живет, как свободный, умирает, как раб»,—все это «ничье» имущество. Но из этого же вытекали и крупнейшие регалии—лесная, горная, соляная, речная, рыбной ловли, охоты, водяных и ветряных мельниц. На эти объекты государю принадлежало верховное право собственности, ибо они находились над поверхностью земли—в воздушном пространстве (ветряные мельницы) или под поверхностью ее в недрах (рудники), или, наконец, поскольку речь шла о поверхности земли, это были угодья (леса, реки, озера). Все это он мог самостоятельно эксплоатировать, сдавать в оброк или аренду, взимать сборы за право, предоставляемое населению. Отсюда же вытекает и право разрешать проезд по территории государства, по его рекам, по прилегающим к нему частям моря и взимать за это особые сборы: речные, мостовые, дорожные. Дания брала сбор со всех проходящих чрез Зунд судов, ссылаясь на свою морскую регалию, которую она называла своим виноградником, тогда как немцы усматривали в нем «возмутительную и позорную дань, взимаемую со всей Германии». Но и Венеция считала своей собственностью Адриатическое море, Турция—Черное море, Испания и Португалия—«открытые ими моря», омывавшие их колонии.

Так получилась таможенная регалия, взимание налога с привозимых, вывозимых и провозимых товаров, как и с продаваемых на рынках, по существу своему налог, но не требовавший согласия сословий,—собственность короля. Не менее выгодны были монетная и судебная регалии, вытекавшие прямо из прерогатив верховной власти. Первая означала чеканку неполновесной монеты, в кото-

рой серебро постепенно исчезало, уплывая в карманы короля, вторая выражалась рядом с продажей должностей, о которой мы выше упоминали (стр. 24—25), «мало-по-малу обратившейся в нечто такое, чего мир не видал», в судебных штрафах и конфискациях, которые Клок, один из основателей финансовой науки в XVII ст., называет наиболее справедливым, полезным и священным источником доходов, ибо этим путем ведется борьба с преступностью. Другой автор заявляет, что Бог не желает смерти преступника — пускай живет и платит. Только Зонненфельс счел возможным утверждать, что в денежных штрафах кроется желание, чтобы законы возможно чаще нарушались.

Характерно для этой эпохи учреждение т. наз. «Chambres ardentes» — чрезвычайных комиссий для расследования деятельности заведующих финансами короны, откупщиков, банкиров, снабжающих короля деньгами. Результатом являлась казнь их и конфискация имущества или только последняя в большей или меньшей степени. Такой образ действия сравнивали с турецкой манерой давать пашам наживаться, а затем эту впитавшую в себя губку выжимать в казну султана, система, которую Монтескье находит вполне естественной для деспотий, Конринг же называет похвальной, справедливой и благодетельной даже для Франции.

Во Франции первые шесть «Surintendants des finances» в 1315—1426 г.г. погибли на эшафоте. Ришелье учредил в 1624 г. чрезвычайную комиссию для расследования всех злоупотреблений, начиная с 1707 г., и выручил этим путем около 11 милл. ливр., и даже Кольбер прибегал к этому средству, отняв у различных откупщиков в 1762—65 г.г. свыше 70 милл. ливр. В 1716 г. был составлен снова список из 726 «gens d'affaire», приговоренных ко взысканию 147 милл. ливр., причем суммы колеблются между 2 тыс. и 6,6 милл. ливр. для отдельных лиц (19 свыше 1 милл.); но в казну из них, повидимому, попало не более 20 милл. Словом, «сначала конфискуют, чтобы наказывать, а затем наказывают, чтобы конфисковать». Революция этого не прекратила, напротив, в эпоху террора «гильотина доставляла больше денег, чем станок, выделывавший ассигнации», и даже наполеоновские процессы над казенными поставщиками во многом напоминают старые «chambres ardentes»—«вооруженное банкротство», как их называет Левассер.

Но этим не исчерпывается область регалий. Помимо фискальной эксплоатации верховных прав и присвоения объектов природы, не составляющих частной собственности, имелось еще много других предметов, на которые нарождающееся государство могло наложить свою руку, не нарушая, в сущности, или только формально, прав частных лиц. Во Франции, напр., промышленность была объявлена droit domanial, и хотя цехи этим не упразднялись и права их членов на производство промысла не уничтожались, но все же казна имела возможность на них наживаться, «то с помощью продаваемых правительством патентов, то путем учреждения новых вакансий для ремесленников, которые цехам поневоле приходилось выкупать». Эдикт 1673 г. сделал последний вывод из принципов Генриха III, обязав все ремесленные корпорации получить, конечно, за плату, грамоты на утверждение их и заставив всех ремесленников, еще не принадлежавших к корпорациям, войти в их состав. «Эта операция дала казне 300 тыс. ливров». (Летронь).

Тем более оснований казна имела обратить в доходную статью возникавшие отрасли промышленности, учреждая мануфактуры (по терминологии того времени), фарфоровые и зеркальные, суконные и чулочные, мебельные, мыловаренные и другие; они работали на счет казны или сдавались частным предпринимателям, или, наконец, устраивались последними на основании особой привилегии. В случаях последнего рода казна делится прибылью с предпринимателем. Когда в Англии парламент усиленным и решительным натиском добивается отказа ее от этого образа действий и требует предоставления исключительного права производства лишь действительным изобретателям и на определенный срок, то это новое патентное право на изобретения, появляющееся уже столь рано (в начале XVII ст.) в Англии, оказывается, в сущности, лишь дальнейшим развитием в смягченном виде прежней промышленной регалии, вытекает в значительной мере из нее. Первоначально оно обнаруживает сходство и в том отношении, что изобретатель известную долю своего дохода ежегодно отдает казне и лишь гораздо позже ограничивается уплатой небольшого сбора при получении патента (современная система), когда изобретения уже перестают быть доходной статьей казны.

Период XVI—XVIII ст. ознаменовался появлением новых отраслей и форм торговли, товарообменом с вновь открытыми странами

с «обеими Индиями». Все государства—Португалия и Испания, Нидерланды, Франция, Англия наперерыв стараются усилить свое колониальное могущество и объявляют торговлю с колониями своей регалией, превращая ее в чисто казенную монополию, как Португалия, или же, как прочие страны, наполняя свои сундуки доходами от исключительных привилегий регулированным, а затем в особенности вновь возникающим акционерным компаниям [1]).

Из вновь открытых тропических стран появились и новые товары. Почему бы их не превратить в собственность казны? Ими ведь до сих пор никто не торговал, их никто не потреблял. С табаком первоначально повсюду велась ожесточенная борьба: его объявляли вредным для души, богомерзким «напитком», произведением сатаны, запрещали нюханье, жеванье и куренье его, учреждали специальные суды для нарушителей запрещения, грозили им высокими штрафами, изгнанием, у нас даже кнутом, рваньем ноздрей и ссылкой в Сибирь. Но ничто не помогало—денежные штрафы оказывались весьма обильными и выгодными для казны; создалась, как и раньше уже в борьбе с роскошью, альтернатива—либо подчиниться, либо платить. А затем перешли и к совершенно упрощенному приему—заставить платить всякого, кто желает потреблять табак. Последний превратился в регалию: в XVII ст. продажа табаку и изделий из него объясняется повсюду исключительным правом казны—в Англии (1620 г.), Франции (в 1674 г)., Австрии (1670 г.), Испании (1636 г.), Португалии; в следующем столетии так же поступают Бавария, Вюртемберг, Саксония, а также Россия при Петре Вел. Частью табачная регалия сдается на откуп (Австрия с 1725 г., Франция с 1674 г., Испания, Португалия, Италия, Россия при Петре и при Елизавете), частью эксплоатируется казной — переходит в ее собственные руки (в Австрии с 1784 г., во Франции с 1810 г.).

В Пруссии не только учреждались казенные стекольные и зеркальные заводы, фарфоровые, медные, сталелитейные и другие, вводилось при помощи гугенотов производство обоев, мыла, вязанных изделий на новом станке, новых видов сукна и т. д., но Фридрих Вел. захватил в свои руки и торговлю хлебом и лесом,

---

[1]) См. Кулишер. Ист. экон. быта, 325, 387 сл. 436.

заменил запрещения потребления табаку монополией, переданной в 1765 г. французским эмигрантам, и лишь после банкротства компании перешедшей в казенное управление. Мало того, и другой продукт заморских стран, появившийся в XVII ст. из Аравии и Индии,—кофе—подвергался в Пруссии и других немецких государствах преследованиям: конфисковывались даже кофейники и кофейные мельницы. Фридрих Вел. предлагал заменить кофе супом из пива, на котором он был воспитан. Только когда привозной кофе стали заменять «прусским», под которым разумели цикорий, сбыт кофе был также объявлен монополией казны, у которой его обязано было приобретать в готовом виде население, тогда как привилегированным сословиям выдавались (за плату) свидетельства на право жжения кофе. После смерти Фридриха, в 1787 г., обе монополии, табачная и кофейная, были упразднены; их заменили акцизами и привозными пошлинами. В других странах сразу использовали таможенную регалию для извлечения дохода из таких новых товаров, как кофе, привозимый из Китая чай, тростниковый сахар с Антильских островов, какао из Америки; когда же тростниковый сахар в начале XIX ст. был заменен европейским, выделываемым из свеклы,—открытие это было сделано Ахардом,—то для того, чтобы не лишиться прежнего дохода, и его обложили, но уже внутренним налогом на потребление.

Бехер, переехав из Нидерландов в Австрию (в 1666 г.), предлагал пойти еще гораздо дальше и создать грандиозную «коммерческую регалию», соединяющую сбыт жизненных припасов с производством промышленных изделий, с обширными торговыми операциями и с банком, охватывающую, в сущности, все народное хозяйство. До этого, правда, не дошли, но помимо ряда отраслей торговли и промышленности, государство не оставило без внимания и другие стороны жизни. Все, что вновь ни появлялось, банки ли, лотереи, страховые общества, или новое средство сообщения—почта, которая, по словам современников, перевернула жизнь вверх дном, перелила ее в совершенно иные формы,—все стало регалией, служило фискальному интересу.

Не отставала от Запада и Россия. У нас находим горную и соляную регалии, звериную, рыбную, птичьей ловли, ямчужную и селитряную и многие другие. Царь имел право охотиться повсюду, имел свои ловли и свои «ловища» (места для охоты), которые сда-

вал на откуп (ясак в Сибири), взимал сбор с частных звериных и сокольных промыслов. С рыбных ловель оброк уплачивался «по воде и рыбе»; некоторые виды рыб должны были обязательно доставляться к царскому столу. При Алексее Михайловиче, с оживлением нашей торговли с иностранцами, важнейшие объекты ее сбывались иноземным купцам казной—пенька, юфть, соболи, сало, смола, поташ, смольчуг; частные лица обязаны были продавать их в казну. Казна взяла в свои руки и продажу вывозимого из Сибири и высоко ценимого за границей «чудодейственного» корня-ревеня. Она же торговала и другими вывозными товарами—клеем, воском, льном,—купец, явившись на ярмарку в Архангельск, не смел торговать, пока не окончится торговля царская. «Цена невольная и купля нелюбовная, и во всем скорбь великая, и вражда несказанная, и всей земли ни купити, ни продати не сметь никому же помимо».

При Петре к прежним казенным монополиям прибавились новые: соль, табак, мед, деготь, рыбий жир и... дубовый гроб — «эта последняя роскошь древнерусского человека была отобрана в казну, которая продавала ее вчетверо дороже». Доходной статьей стали и страсти людские: карты, кости, шахматы и другие игральные инструменты, как табак и водка вошли в число монополий и отдавались на откуп; «заплатя пошлину, вольно играть». Наконец, вновь созданные фабрики и компании, где «соединялась принудительность предприятия с монопольностью производства»,—обещали «в сборах казны пополнение». И у нас появились прожектеры или «доносители», трактовавшие самые разнообразные предметы; они «сидели и чинили государю прибыли», т.-е. изобретали новые виды доходов; Петр читал их проекты, даже самые вздорные, и награждал: «они для меня трудились, мне добра хотели» [1]).

В результате, везде и повсюду казна шла по пути наименьшего сопротивления, руководствовалась принципом: бери, где можешь, присвоивала все, что плохо лежало, не пропускала того, что плыло мимо ее рук. Но в то же время она умела заполнить свободные места в хозяйственной жизни; казенный предприниматель занял

---

1) Костомаров. Очерк торговли Моск. госуд., 181. 256. 311. 315. Ключевский III. 303. IV 155. 170. 176.

пустые пространства, поставил свою ногу туда, где еще никого не было и где никакого движения не было бы, если бы он не проявил своей инициативы, своего коммерческого таланта. Из государевой вотчины, из большого поместья государство превращалось в крупное предприятие, создававшее горное и соляное дело, учреждавшее плавильные и литейные заводы, суконные, стеклянные и фарфоровые мануфактуры, устраивавшее банки, почтовые сообщения, заокеанские компании для открытия и завоевания новых стран. Передавая новые отрасли частным лицам на управление и на откуп, выдавая привилегии, поощряя иммиграцию иностранцев, ради привлечения которых оно даже жертвовало фискальным принципом («касса короля как бы стояла на рынках и больших дорогах и ждала тех, кто изобретал что-либо новое»), государство давило на население, заставляло его выйти из обычного инертного и апатичного состояния, старалось «вытащить застрявшую в грязи телегу народного хозяйства». Трогательную картину представляют собой попытки Кольбера подталкивать своих особенно неподвижных современников, хоть несколько ускорить их бег; с удивлением читаем длинные диалоги английского короля или королевы с Дрэком или Ралеем, старающихся подвинуть их на новые путешествия вокруг света. «Он был первым предпринимателем среди своей нации,—говорит Бецольд о шведском короле Густаве Ваза,—он сумел и извлечь богатства из недр Швеции, и использовать их в интересах казны, и указать купечеству новый путь не только торговыми договорами и охранительными пошлинами, но и собственной широко поставленной морской торговлей» [1]). При Петре Вел. Россия представлялась впечатлительным иностранцам одним сплошным заводом. Повсюду извлекаются из недр земных скрытые дотоле сокровища, повсюду слышен стук молота и топора, и повсюду виден сам царь, как мастер и указатель.

Словом, государство тянет своих подданных за уши или, по выражению одного автора XVIII века, «тащит их за нос и за руки к новой выгоде, ибо иначе они не покидают своей старой погудки». Государство воспитывает население, обучает и наставляет его на новый путь заработка и наживы, указывает ему новые способы и системы хозяйственной деятельности. Конечно, действует оно не

---

1) Bezold. Staat und Gesellschaft des Reformations—Zeitalters. 1908. p. 64.

особенно нежно и бережно. Петр, ведь, попросту приказывал завести казенные суконные фабрики и отдать их торговым людям, образуя компанию: «а буде волею не похотят, хотя в неволю». Но этот произвол и вмешательство во все и вся, открывают, хотя и в детски-наивной и грубой форме, новую эпоху, а деятельность самого государства на новом поприще деловой жизни снимает пятно с «грязных промыслов», недостойных джентльмена, и возводит профессию добывания денег на ступень приличного и благородного занятия.

Но пробужденные государством силы постепенно перерастают его, освобождаются от его опеки, убегают от своего воспитателя. Самое государство преобразовывается, фискализму ставятся определенные границы, его пытаются изгнать из торгово-промышленной жизни.

Уже Юсти в конце XVIII века сознавал и чувствовал новые веяния, приближение нового века. Он искал оправдания для вмешательства государства, старался подвести фундамент под колебавшееся здание фискальных регалий. Разбив все доходы государства на три группы—домены, регалии и налоги, деление, переходившее затем по наследству от одного автора к другому, Юсти пытается облагородить понятие регалий, внося в него идею общего блага, объединяя их пестроту этой единой общей целью, тогда как фискальная выгода является лишь дополнительной прибавкой. Внешняя и внутренняя таможни, почта, рудники, соляная и монетная регалии могли быть использованы в весьма вредных, с точки зрения интересов государства, целях, если бы фискальная задача стала главной, основной. Следующая эпоха, идя под знаком доктрины Адама Смита, заявлявшего, что едва ли можно найти большие противоположности, чем государство и торговля, конечно, протестует против казенных монополий, готова лишь в виде исключения оставить казне отдельные регалии, да и то под двояким условием: если это вызывается безусловной общественной необходимостью, невозможностью допустить частную инициативу, и с тем, чтобы фискальные цели были совершенно элиминированы. Даже почту хотели бы изъять из рук государства, частные лица будут хозяйничать бережливее и больше считаться с удобствами публики; если же она все-таки остается казенной, то отнюдь не должна давать избытка, а в случае превышения дохода над расходами

надо понизить тариф—это увеличивает национальное богатство — или улучшить почтовые дороги и экипажи.

Новейшие финансисты уже вовсе исключили регалии из реестра современных доходов казны, признав их «исторической категорией», свойственной определенной эпохе, когда нужда заставляла переодевать налог в платье иного покроя, всячески маскировать его. Их ухо резала не только старая, сохранившаяся во многих курсах попрежнему, деревянная систематика регалий по объектам, в которую были включены вновь открытые железнодорожная и телеграфная регалия—продукты совершенно иной эпохи—но еще более нарушало их душевное спокойствие уж одно объединение под именем регалии монетной, табачной, почтовой. Что общего между членами этого, столь смешанного общества? Монетная регалия преследует исключительно общественные цели, никаких доходов не дает и давать не может. В почтовой они могут быть на-лицо, но на первом плане стоит гарантия быстроты и удобства передачи известий; ведь почта просвещает и ознакомляет население (газеты), снабжает товарами, соединяет незримыми нитями целые территории, страны, части света. Наконец, табачная регалия действительно фискальная, принимает ли она облик казенной монополии или упрощенную форму налога на потребление (акциза). В последнем случае ясно, что казна вовсе не желает облагодетельствовать курильщика и поощрять потребление табаку, но и в первом, если она берет сбыт и даже производство его в свои руки, задача нисколько не изменяется, тот же доход является побудительным мотивом.

Но возмущение совершенно напрасное, даже непонятное со стороны тех, кто принимает историческую точку зрения. Из того, что регалии являются исторической категорией, порождением известных эпох, уходящим в вечность вместе с ними, неминуемо следует, что те же институты в процессе исторического развития могут менять свой характер—фискальную цель, заменяя общественно-полезной. «Разрывая тонкий покров регальности», они выходят наружу в качестве предприятий или учреждений, преследующих интересы исключительно населения, но отнюдь не казны. Но, наблюдая эту современную природу их, не следует забывать об их сравнительно недавнем прошлом, когда существовала еще не столько монетная регали и регалия мер и весов, сколько право выделки фальшивой монеты и неверных измерительных при-

боров. Заявлял же Посошков, что в России, не как в других странах, курс денег зависит единственно от воли государя: прикажет копейке быть гривной, и она станет гривной. Но столь же «патриотически-смелым взглядом» смотрели на это и иностранные финансисты, находя, что государю вполне подобает сокращать ценность монеты и обрезывать ее, «когда этого требуют его дла». И в этом, конечно, нет ничего странного в области монеты, раз нередко доходы от суда были не ниже поступлений податных и доходы государства разбивали на две основные группы—получаемые при помощи отправления суда и все прочие.

При таких условиях соседство монетной, почтовой и даже судебной регалий с табачной, горной или соляной вовсе не является соединением несоединимого и, во всяком случае, представляет собою гораздо меньший диссонанс, чем искусственное пристегивание к регалиям казенных железных дорог или телеграфа. Первые долго шли рука об руку с прочими регалиями и лишь впоследствии их пути разошлись; вторые принадлежат к иной эре, возникли под другим знаком и выдвинулись под иным флагом. Они появились на свет слишком поздно, чтобы стать регалиями; эти детища новой науки, произведения пара и электричества, ничего общего не имеют и не могут иметь с созданиями эпохи алхимии и поисков perpetuum mobile.

Отбросив тяжкий и безнадежный труд установления понятия регалий, современная финансовая наука, выйдя из полумрака камералистических построений, одним ударом старается покончить с теми призраками, которые столько времени смущали ее представителей. Она попросту раскассировала регалии, распределив их без остатка между другими областями, следуя в этом отношении за самой жизнью, совершившей этот необходимый процесс ликвидации старинных, переживших себя, институтов.

Многие регалии совершенно выброшены были за борт под влиянием доктрины о единоспасающей свободной конкурренции, о вреде всякой монополии. «Как вам всем известно, безопасность—злейший враг смертных», заявлял еще Шекспир и повторяла за ним в разных вариациях классическая школа. «Если промысел сам по себе выгоден, то монополия не нужна, если же он без монополии убыточен, то монополия лишь вредит общественному хозяйству» (Лоренц Штейн). Приводили примеры того, как казенный фарфо-

ровый завод в Пруссии мог существовать лишь благодаря тому, что каждый еврей, вступавший в брак или получавший разрешение на производство промысла или торговли, обязан был закупить у него на 100 и более талеров изделий, как Великий курфюрст сам признавал по поводу своей торговли с Гвинеей, что каждый дукат, чеканенный из африканского золотого песка, ему обошелся в два дуката в виде прусских товаров. Рассказывали о том, что монополия риса в Бенгалии, принадлежавшая английской остиндской компании, в 1767 г. стоила жизни двум миллионам, умершим с голоду, что французский король, узнав об улучшении качества соли, продаваемой казной и увидев прекрасную белую соль, заявил, что для подданных это весьма выгодно, но для него большой убыток.

Государству пришлось отказаться от своей предпринимательской деятельности, отойти в сторону, очистить путь свободной инициативе своих подданных, пришлось создавать торговлю и промышленность, кредит и страхование «своим отсутствием», неделанием. Закрылись казенные фабрики и заводы, появились частные банки, частные торговые компании. Рыболовство и охота, водяные и ветряные мельницы, добыча каменного угля и руды всякого рода, — все стало объектом частной предприимчивости, признанного зрелым и не нуждающимся более в казенных помочах населения. Лишь немногие образцовые предприятия, которые должны были развивать художественный вкус населения, пробуждать в нем новые идеи красоты и новые замыслы в промышленности, сохранились, но отнюдь не преследуя фискальных целей (они, напротив, шли на убытки), сохранились в качестве остатков былого величия, как пережитки той эпохи, когда казна являлась одинаково великой в качестве предпринимателя и в военной и в мирной жизни.

Это не значит, что государство совершенно отказалось от всякого влияния на хозяйственную жизнь народов. В одних случаях предоставляя полную свободу деятельности всем и каждому, оно в других надзирало и контролировало, выдавало концессии и разрешения, устанавливало нормы. Но все это уже относилось к сфере управления, а не финансов. Не добывание денег руководило его помыслами, а соображения общественной целесообразности, не допускавшие единой мерки для всех многообразных видов хозяйственной деятельности.

Собственная же деятельность государства была сведена к «про-

изводству» защиты и порядка, военной и правовой охраны, к суду и образованию, т.-е. к отраслям, на которых оно не только не зарабатывает ничего, но где, напротив, вынуждено еще докладывать из других средств, ибо они уже не покрывают даже своих расходов. Эта область деятельности, построенная на принципе чистого расхода [1]), и составляет сущность современного государства, как его представляло себе фритредерство. Но и пройдя светлую полосу либерализма и окунувшись с головой в социальные идеи, государство в фискальном отношении немногим изменило свой облик. Временно исключенное вовсе из производственного процесса, превратившись исключительно в производителя нематериальных ценностей, оно, правда, впоследствии вновь стало завоевывать отнятые у него области и отчасти успевало в этом, но принцип, что казна «не для того существует, чтобы дела делать», сохранился в его чистом, нетронутом годами виде. Почту и монету казна оставила за собой, бури фритредерства не могли вырвать их из ее рук; железные дороги, телеграф и телефон она полностью или отчасти приобрела, когда они появились на свет. Но это уже были не фискальные регалии, а государственные предприятия, управляемые не по принципу возможно большего дохода, а по способу покрытия расходов, на пошлинном основании.

Пошлина, состоит ли она в сборах казны в их чистой форме (актовая, канцелярская и т. п.), или в тех же сборах, взимаемых казенными предприятиями, отличается тем, что цель ее лишь покрытие издержек данного учреждения или предприятия, не более того, но и не менее: без убытка, но и без чистого дохода. Покупая билеты на железной дороге, наклеивая марку на письмо, уплачивая за телеграмму или за пользование телефоном, мы вносим такую же пошлину, как приклеивая к прошению гербовые марки или уплачивая наличными весовой, квитанционный или иной сбор. Во всех этих случаях принцип оплаты один и тот же — стоящий посредине между принципом чистого расхода и принципом налоговым, фискальным—получения избытка. Конечно, таков принцип; практика может отклоняться от него и в ту и в другую

---

[1]) Незначительные поступления от высшей и средней школы, от больниц для состоятельных классов, от судебных пошлин не меняют дела, покрывая лишь минимальную долю расходов казны на эти цели. У нас в 1918 г. и эти платежи отменены, чистый расход получился в полном смысле слова

сторону, попадать в соседние области. Наши железные дороги всегда давали убыток, прусские—чистый доход, хотя идея и тут и там была одинаковая, в равной мере отрицавшая и то и другое. Когда Бисмарк добивался национализации прусских (первоначально всех германских) железных дорог, он рисовал мрачную картину образовавшихся при частной инициативе 63 различных «железнодорожных областей, территориальных государств в сфере путей сообщения, из которых каждая снабжена средневековыми аттрибутами штапельного права, права устраивать таможенные заставы, конвойного права и права облагать передвижение товаров и людей произвольными поборами в интересах своей частной казны, прибегающих даже к праву ведения междоусобных войн—с соседними и конкуррирующими обществами». Заявление, что железные дороги, по его убеждению, гораздо более предназначены служить целям передвижения, чем финансам, спасло его проект, хотя впоследствии они стали давать Пруссии по несколько сот миллионов мар. чистого дохода ежегодно, тогда как другие предложения того же Бисмарка, табачная и винная монополия, где фискализм выступал в совершенно обнаженном виде, неминуемо должны были оказаться мертворожденными.

Ограничившись до поры — до времени путями сообщения и средствами передачи известий, в качестве государственных предприятий ,на ряду с эксплоатацией земель и лесов, на основании частно-хозяйственного принципа прибыльности,—казна на этом не остановилась. Если в дальнейшем ее социальная деятельность и потекла по другому руслу—социального обеспечения, и могло казаться, что в первом направлении она выдохлась, ее энергия усыплена, то великая война народов показала, что в действительности под почвой работали скрытые силы, которые с наступлением благоприятного времени немедленно выбились наружу и заставили сделать крупный и резкий скачек в смысле поворота от частной инициативы к огосударствлению народного хозяйства. Конечно, война—явление временное, и столь же временны и созданные ею хозяйственные условия, а, следовательно, и соответствующие им учреждения. С наступлением мира многое должно отпасть, подобно засохшим сучьям дерева и пожелтевшим листьям. Эти институты исполнили свой долг и могут уйти с возвращением к правильной, нормальной хозяйственной жизни, к мирному мировому обмену.

Но далеко не все. Война дала толчок, пробудила новые стремления, хотя и на том же старом пути, но в более широких размерах, поставила, хотя, быть может, еще в отдалении, цель, о которой раньше лишь немногие мечтали, но и они не смели открыто говорить. «Государство, это—мы все», все население, которое ради общественных соображений не только может, но и должно элиминировать из частного оборота то, что созрело для государственной деятельности. Там, где жизнь предлагает на выбор частную или казенную монополию, картеллированную или трестированную в немногих руках промышленность или же государственное предпринимательство, там не может быть сомнений, там наступило время для государства выйти из своей сферы неделанья в торгово-промышленной области, отказаться от роли статиста. В эпоху свободной конкурренции вера во всемогущество стоящего над частными интересами государства еще имела основание. Оно могло выполнять подсобные, дополнительные нематериальные функции, нужные народному хозяйству, предоставляя первые роли частным лицам. Но когда торгово-промышленная жизнь начинает сама организованно выступать, стремясь фактически захватить власть в свои руки, создавая свое право и свою казну, превышающую по размерам государственную, когда явно выдвигаются опасные конкурренты государству, тогда ему волей-неволей приходится снова превратиться в основное предприятие, секуляризируя хозяйство, с виду частное, на самом деле столь же публичное, как и в государстве. Такой ход будущего развития несомненно намечается. Требование сохранения в Англии в руках казны временно взятых ею в свое ведение и управление рудников, железных дорог, торгового судоходства еще более свидетельствует об этом, чем приближающийся переход к Германской империи каменноугольных и металлургических предприятий—наряду с обещанием восстановить мелкие и средние предприятия в других областях производства и снова развязать, при первой возможности, руки внутренней торговле, — еще более, чем переход всего снабжения продуктами и товарами, всего производства полностью к государству в пределах новой сокращенной России. Англия, ведь, всегда считалась страной неискоренимого фритредерства, на которое, как уверяли, ее обрекало и островное положение, и ее туманный и влажный климат, будящий силы к безудержному стремлению вперед, не

терпящий опеки и вмешательства ни с чьей стороны. «Так называемый индивидуализм англо-саксов—в значительной степени продукт климатических условий», ибо когда англичанин покидает свою страну и попадает в совершенно лишенные орошения пустыни антиподов, он становится, если не социалистом, то, во всяком случае, очень близкими к социализму; потому-то в Австралии мы находим такую широкую правительственную деятельность, какой ужаснулись бы в метрополии». Те, кто утверждал это до сих пор, должны сами еще более поразиться и ужаснуться тому, что англичанин у себя дома способен пойти еще гораздо дальше, чем еще так недавно у «антиподов». Они должны разувериться в своих «климатических условиях», видя, как цитадель фритредерства готова пасть под нажимом новых требований жизни.

Насколько быстро пойдет этот процесс, зависит, конечно, от условий времени и места, от подготовленности отдельных отраслей производства для бездефицитного управления ими в руках государства. Отдельные случаи могут носить характер опытных полей, лабораторий, подготовляющих новую демократию к заведыванию процессом производства и сбыта, но превратить всю территорию в одну сельско-хозяйственную станцию, питомник или ферму и все заводы в одну технически-промышленную школу или учебную мастерскую, это значило бы обречь государство на такой дефицит, какой оно даже кратковременно способно переварить лишь с величайшим ущербом для той самой демократии, которая должна этим способом воспитываться и готовиться к новой роли.

Таким образом, из трех групп учреждений и предприятий, оставленных в наследство старыми регалиями и впоследствии включивших в себя новых членов, одна выпала вовсе из рук государства, другая дает ему один убыток, третья лишь покрывает свои расходы. Но при ликвидации категории регалий осталась все же еще и четвертая группа ,которая сохранила свой фискальный характер, хотя и она отреклась от своего прежнего имени: это уже не верховные права, а государственные монополии, но монополии фискальные, которые должны наполнять казенные сундуки. И такие монополии существуют: табачная, питейная, соляная, спичечная, в будущем появятся, быть может, и сахарная, чайная, каменноугольная, нефтяная, страховая, электрической энергии. Послевоенное время потребует наряду с социальными монопо-

линиями и фискальных, потребует новых источников доходов и в этой, обычно наиболее обильной и доходной, форме. Подобно тому, как те предприятия построены на пошлинном принципе, это—попросту налоги, которые, как и пошлины, могут взиматься в двоякой форме—непосредственно или путем фискальной монополии—посредством сбыта казной тех или иных монополизированных ею товаров. Но разница между подоходным налогом или акцизом на сахар, с одной стороны, и питейной или табачной монополией—с другой, такая же чисто-внешняя, формальная, как разница между пошлинами, уплачиваемыми за отправку телеграммы (в цене ее) или при подаче прошения (в форме покупки гербовой марки).

В чем же сущность налога в многообразных его формах и видах? Не в принудительности взимания, ибо и пошлина принудительна. Кто желает воспользоваться услугами правительства или путешествовать по железной дороге, так же обязан ее уплатить, как он подлежит налогу, если владеет домом или потребляет сахар; отказ от обращения к казенному учреждению или от поездки столь же освобождает его от пошлины, как продажа дома от подомового налога или готовность пить чай без сахара от сахарного акциза. Дело и не в характере преследуемых государством целей. Пошлины и налоги в равной мере предназначены на содержание государственных институтов, на отправление функций, признанных необходимыми правительством. Государство сооружает железные дороги и учреждает органы суда и управления не ради того эластичного и меняющегося круга лиц, которые ими пользуются, а делает это так же, как оно содержит армию и флот, исходя из определенных задач целого, всего общества, преследуя цели высшего порядка, по сравнению с которыми частные выгоды отдельных плательщиков стушевываются, отступают на задний план.

Ставя себе эти многообразные задачи, вытекающие из самой сущности политической, хозяйственной и культурной жизни, государство, однако, разбивает их на две группы по способу покрытия сопряженных с осуществлением их расходов. Одни учреждения и предприятия имеют самодовлеющий характер, добывают сами необходимые им средства, не обращаясь к посторонней помощи,—пошлинный принцип. Другие, напротив, на свой счет жить не в состоянии по самому характеру своему, как, напр., армия, или в силу преследуемых ими культурных задач, как низшая

школа. На покрытие этих многообразных расходов, расходов всех тех учреждений, где равновесие между издержками и поступлениями отсутствует, государство и взимает налоги, применяет налоговой принцип. В обоих случаях жизненные интересы личности и обнимающего ее публичного союза теснейшим образом сплетаются и переплетаются. Но в первом случае рядом с общими выдвигаются и специальные интересы определенных лиц и групп, интересы, которые, благодаря возможности их особого индивидуализирования, выделения и разграничения, допускают и установление специального эквивалента, «специальных» или «особых» налогов, как именовали прежде пошлины, «заместителей налогов» или «предварительных» налогов с отдельных лиц. Во втором же случае взимаются «общие» подати со всего населения, имеющие характер «общего эквивалента», единого и нераздельного. В одном случае плательщику как бы дается возможность непосредственного чувственного восприятия доставляемых ему выгод, за которые с него взыскивается определенное, установленное казенными тарифами, возмездие,—система ясная и понятная плательщику. В другом случае, напротив, она отличается своеобразным характером, чуждым всем прочим областям хозяйственной жизни, порождая столкновение двух различных, резко противоположных начал, одного на стороне плательщика, другого—на стороне государства. Населению налоги нередко представляются в виде своего рода набегов саранчи, пожаров, или градобитий, уничтожающих известную долю его продукта. На самом деле государство вовсе не поглощает в своей пасти сотен миллионов, «конфискованных» у плательщиков, а возвращает ему левой рукой то, что отнято у него правой, дает ему компенсацию в виде ряда принимаемых на себя функций, в виде возможности «беспошлинного», дарового пользования целым рядом учреждений, организованных по принципу «чистого расхода» и требующих на свое покрытие таких «общих» налогов. Все эти пробелы, не заполняемые пошлинами, расходы, которые остались необеспеченными после привлечения специальных интересов, когда-то составлявшие исключения, успели обратиться в общее правило. Покрываемые самостоятельно расходы с принятием начального образования, отчасти и страхования рабочих на счет казны стали оазисами среди тех, на которые требуются общие средства государства.

Специальный эквивалент может и далее разбиваться на отдельные самостоятельные части и частицы, вплоть до самых мелких, может расчленяться на эквивалент индивидуальных актов—плата за письмо, за железнодорожный билет, за наложение клейма, за рассмотрение прошения. Но рядом с такой ценой, столь обычной для нашего представления, заимствованной, в сущности, из частно-хозяйственного оборота, но перенесенной затем на совершенно иную почву принудительных отношений,—эквивалент принимает в других случаях техническую форму огульных платежей, взносов единовременных или периодических, но не заходящих столь далеко, как в первом случае. Выделенный из прочих самостоятельный интерес не допускает дробления, разрезывания на отдельные части, так что его приходится брать, как нечто единое, цельное. Таковы взносы (Beiträge) землевладельцев на устройство плотин, на дренаж, на размежевание, промышленников—на сооружение подъездных путей, домовладельцев—на содержание мостовых, на освещение улиц, на канализацию.

Но какова бы ни была внешняя форма этих целевых платежей, производимых особо выступающими интересами, оба приведенных момента—специальная цель и специальные интересы—создают свойственное пошлинному принципу самодовление, тогда как возможность учета и измерения особо выдвигающихся интересов только дает государству в руки средство осуществления этого принципа на практике, необходимый для этого технический аппарат.

Жизнь, конечно, комбинирует оба начала, специальное—пошлинное и обще-налоговое, в разнообразных формах, смешениях и пропорциях. Она знает намеренное сочетание того и другого — правительственные учреждения, частью содержимые на общие средства всего заинтересованного в них населения, частью покрывающие расходы пошлинами с особо заинтересованных лиц; здесь пошлины не хватает, нужны прибавки из общего кармана. Но возможно и противоположное—превышение доходов над расходами, взимание за услугу более, чем это соответствует связанным с ней расходам, прикрепление к пошлине налога, превращение пошлины в налог. Таковы многочисленные сборы с переходящих имуществ—крепостные (при продаже недвижимостей), биржевые (со сделок на процентные бумаги), квитанционные, вексельные и чековые сборы, сборы с договоров аренды и найма и т. д. Все они, в сущ-

ности, налоги. Доля налога значительно превышает содержащуюся в них пошлину. Мало того, есть среди них и такие—регистрационные сборы (в особ. во Франции),—где не платеж установлен ради покрытия расходов по регистрации сделки, а регистрация сделки ради платежа. Регистрация многих актов вовсе не нужна или, точнее, нужна не плательщику, а казне, чтобы плательщик не улизнул из фискальных сетей. Это фиктивные пошлины, пошлины, симулирующие особый интерес тех или других групп населения, на самом деле не существующий в природе.

Рядом с такими вольными экономическая жизнь знает, однако, и невольные отклонения, в виду невозможности, нередко и нежелательности, строго удерживаться на той идеальной, в сущности, точке, где поступления вполне совпадают с расходами. Отсюда колебания в ту и в другую сторону—дефицит, покрываемый общими платежными силами населения, или избыток, не возвращаемый плтаельщикам, как это делается в кооперативе, а составляющий милое сердцу казны явление—налог, но в сокрытой форме, не требующий ничьего согласия, избавляющий от всегда неприятного обращения к плательщикам. Недаром все завидуют Пруссии, которой железные дороги ежегодно подносят столь крупный подарок, обладательнице такого замаскированного налога на транспорт, проглатываемого населением, в виде засахаренной пилюли, охотно, без протеста и ропота.

Если в этом случае казенное предприятие превращается в фискальную монополию, то в других случаях оно было прямо задумано и проведено в жизнь в форме последней. Табак и спички, соль, спирт и многое другое облекаются в эту форму не в целях устранения частного предпринимательства, а ради извлечения дохода, как способ обложить население. Здесь не приходится, следовательно, говорить об избытках, поступающих в казенный сундук,—расход в этих случаях является не целью, а лишь средством, как бы «печальной необходимостью». Нет излишков, остающихся за покрытием издержек, нет дополнительного, выплывающего наружу, налога. Есть попросту открыто и прямо установленный, но, конечно, требующий известных расходов по взиманию, налог, получаемый при продаже казной производимых или же только сбываемых ею продуктов.

Переходные формы находим и в другом смысле. Наряду с налогами в чистом виде, привлекающими все население и все интересы к покрытию общих и нераздельных расходов целого, и такие, которым не достает одного из двух основных элементов налога, налоги хромающие, однобокие. В одних случаях все население разверстывает между собою податное бремя на покрытие определенных нужд, напр., на содержание армии, на ведение войны, на призрение бедных—целевые налоги, старейшая форма налогов, постепенно исчезнувшая, преобразовавшаяся в общий налог, им поглощенная, но окончательно не забытая, в отдельных чрезвычайных случаях и теперь еще выплывающая наружу. Другие налоги не страдают этим недостатком—у них нет специального задания, но зато они взимаются на общие цели не со всего населения, а с отдельных, особо заинтересованных в расходах государства и в особенности местных союзов, групп. Таково местное обложение владельцев недвижимостей или торгово-промышленных предприятий наряду с общим для всех подоходным налогом еще дополнительными налогами с земли, домов, промыслов («дополнительное» или «предварительное» обложение). Оно производится не столько в виду их повышенной платежеспособности, — ибо владельцы денежных капиталов свободны от дополнительного налога или привлекаются в гораздо меньшей степени,—сколько по причине особого интереса, связанного для ценности и доходности земли или дома, для оборотов предприятия с культурно-экономической деятельностью данного союза, как и в силу вызываемых недвижимостью или предприятием особых дополнительных расходов (на починку дорог, на содержание школ и больниц для рабочих, на освещение, на общественное призрение).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Возникновение налогов.—Связь между постоянной армией и постоянными налогами.

«Платить налоги и умереть должен каждый»,—сказал Бенъямин Франклин. А Мак-Куллох утверждал даже, что без налогов Англия была бы менее богата, чем теперь, что повышение налогов

действует так же, как увеличение семьи побуждает к усиленной деятельности и бережливости [1]). Однако, до сознания необходимости налогов не легко было дойти. «Какая отвлеченная идея,—говорит Шмоллер,—уделить безличному существу добровольно, без точного расчета с ним, часть всего дохода населения» [2]). Неудивительно, что в течение веков народы восставали против этой мысли, боролись, протестовали, что выразителем народной мудрости являлся не Франклин, а реакционный немец Галлер (начала XIX века), который не признает налогов, так как «господин должен кормить своих слуг, а не слуги господина [3]), или представитель Брауншвейга на собрании земских чинов в 1653 г., заявивший, что налоги противоречат природе государства, так как «люди объединились в публичные союзы лишь для того, чтобы сохранить свое имущество, а не отдавать его» [4]). Но и Жан Баттист Сэ еще находил, что лучший бюджет тот, который расходует наименьше, а лучшие налоги—наиболее низкие [5]). А Мирабо, исходя из иной точки зрения, утверждал, что народ должен платить возможно больше, но думать, что он платит возможно меньше [6]).

Налоги считались необходимым злом, к которому приходится прибегать временно, в виде исключения, в крайнем случае, при наличности особых условий, при стесненных обстоятельствах государства, когда никаких иных способов покрытия расходов не оказывается. «К ним нельзя обращаться ни в коем случае»,—говорит Жан Боден в конце XVI века в своем сочинении «О государстве»,—разве, что все иные средства отсутствуют; а чтобы они не отсутствовали, об этом должен заботиться благоразумный государь». Какие же это другие средства? Домены, всякого рода пошлины, в том числе судебные, ибо они сокращают число процессов, наконец, казенные предприятия (регалии), «ибо для государя все же приличнее быть купцом, чем тираном, а для дворя-

---

[1]) Mac Culloch. A Treatise on the Principles and Practical Influence of Taxation, or the Funding System. 3 ed. 1863 p. 7 сл.

[2]) Schmoller. Epochen der preuss. Finanzpolitik (Umrisse und Untersuchungen. 1898). p. 119.

[3]) Haller. Restauration: II. 321.

[4]) Roscher. I.291.

[5]) Say. Traité d'économie politique. 1803. T. III. 9.

[6]) Mirabeau. Théorie de l'impôt. 1761. p. 8.

нина—торговать, чем красть» [1]). Зекендорф, еще сто лет спустя, выражал надежду, что при хорошем управлении казна еще обойдется снова без налогов, в тесном смысле [2]). А английские юристы начала XVIII ст. (Стефенс) и конца этого столетия—Блекстон и даже Синклер в своем известном труде по истории английских финансов относит к обыкновенным доходам государства—доходы от домен и лесов, от конфискации имуществ, от права на выброшенных китов, на заблудших животных и на имущество, оставшееся при кораблекрушении и даже от надзора за идиотами и сумасшедшими. Вторую же группу составляют экстраординарные доходы (extraordinary)—всевозможные налоги и пошлины, вся система постоянных налогов [3]).

В Германии эта точка зрения сохраняется еще и в начале XIX века. В Нассауском эдикте 1809 г. предписано взимать налоги, лишь поскольку не хватает на расходы домен и регалий. Вюртембергский бюджет распадался на три части: 1) расходы, 2) поступления от домен и 3) покрытие недостающего по пункту первому. Пережитком от этих времен является обозначение в швейцарском кантоне Граубюнден расходов, на которые не хватает доходов от домен, под рубрикой «дефицит», как и постановления, не исчезнувшие и поныне из законов о местных финансах. Городские и сельские общины, на которые и до сих пор не перестали смотреть, как на союзы соседей, в целях взаимопомощи, могут, по прусскому закону 1893 г., прибегать к налогам лишь субсидиарно—поскольку недостаточно иных поступлений, от общинных имуществ, пошлин и сборов и пособий казны. За Пруссией это повторяют и другие германские государства; Вюртемберг даже предусматривает такие случаи, когда окажется возможным не только обойтись без налогов, но и получить избытки от других общинных доходов, слова,звучащие как волшебная сказка из давно минувших времен. В Саксонии еще в 1865 г. насчитывалось из 138 городов 24, в том числе некоторые весьма крупные, не взимавшие вообще никаких местных налогов, ни прямых, ни косвенных [4]).

---

[1]) Bodinus. De republica. VI. 2.

[2]) Seckendorff. Deutscher Fürstenstaat. 1655. III. Cap. 3. VIII.

[3]) Sinclair. The History of the Public Revenue of the British Empire, 1785—90. T. I. См. Янжул. Опыт изследованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. 1874. стр. 4.

[4]) Кулишер. Коммунальное обложеніе. 314-15. 321. 336. 345.

Таких счастливых государств, как эти саксонские города, мы уже давно не находим. Но были эпохи, и весьма продолжительные, когда налоги не были еще постоянным источником государственных доходов и на них не был еще построен весь бюджет, когда они имели, как этого требовали теоретики, временный и экстраординарный характер; теория и практика, следовательно, не расходились.

«В истории финансов, в конце-концов, наиболее важным и, во всяком случае, наиболее трудным является выработка системы налогов. Из замены натуральных повинностей, из подарков, подносимых государю, из пошлин за пользование публичными учреждениями, развиваются налоги в денежной форме» [1]). Государь первоначально тот же помещик, что и все прочие, сила которого определяется его доменами, более обширными, чем у феодалов; он, первый между равными, живет теми же чиншами и повинностями, сначала от своих земель, позже—в качестве сюзерена, и с владений вассалов, доходами от вир, от конфискаций, от проезжающих и охраняемых им купцов, от монеты, от бесхозяйных имуществ. К этому присоединяется помощь феодалов и населения, помощь натурой—участие в походах, постройка крепостей, содержание во время пребывания государя и его светы, которое было равносильно полному разорению данной местности, ибо не оставалось камня на камне; далее, помощь деньгами: adiutorium во франкской монархии, позже auxilia, aides во Франции, subsidia, dona, aids в Англии—все это обозначает ни что иное, как «помощь». Но тот же смысл имеют и германские precavia, Bete или Bede (от bitten — просить, по другому толкованию, от bäten — помогать).

Все они, как и французская taille , английское tallagia , имели временный, чрезвычайный и добровольный характер, взимались первоначально в силу обычая в известных «трех случаях» ленного характера: при пленении сюзерена, посвящении в рыцари его сына, выходе замуж его дочери. Не только последние два слу-

---

[1]) Schmoller. Skizze einer Finanzgeschichte von Frankreich, Oesterreich, England und Preussen. 1909. p. 4.

[2]) У древних германцев и отдельные лица и целые племена подносили своим предводителям скот или зерно, от других племен они получали лошадей, оружие, украшения (Тацит. Германия. Гл. 15). Франкские короли во время ежегодных собраний, получали дары и добровольные подношения (obsequia et dona).

чая, но и первый, имел вполне реальный характер: выкупать приходилось английских королей Иоанна и Ричарда Львиное Сердце, французских Людовика Св. и Франциска I, и такое событие вызывало сильнейший кризис в средневековых финансах. По исчислениям Лебера и Кламажерана, выкуп, при переводе на деньги XIX века (по их покупной стоимости) равнялся бы для Людовика 33 милл. франков, для Франциска—84 (101), для Иоанна—даже 247 (261). К этому присоединялись позже сборы на путешествие в святую землю (во Франции) и в Рим (императоров), почему последние получили название «Römermonate», на борьбу с норманнами и датчанами и на уплату дани последним («датские деньги» в Англии), наконец, вообще во время войн на содержание войска, на защиту страны.

Добровольные дарения — don gratuist — и приношения, пособия государю в экстренных случаях превращаются постепенно, в силу обычая (Herkommen, coutume, что равнозначуще слову «пошлина») в постоянные сборы, но последние все же взимаются лишь в определенные годы и на определенные цели и считаются добровольными, с согласия сословий установленными. В борьбе за право разрешать новые налоги или отказывать в них образовался английский парламент и создалась свобода английского народа. Но и на континенте Европы ландтаги возникли из союзов для защиты от произвольных податей и созыв их обычно являлся прелюдией обращения к ним за помощью. Даже во Франции, где абсолютизм ранее всего покончил с сословиями, еще Фуке, в пол. XVII ст., сочиняя новые налоги, представлял их парижскому собранию сословий, хотя роль последнего сводилась, в сущности, к регистрации,—пока Людовику XIV его духовник, на основании заключения Сорбонны, не доказал, что все имущество подданных принадлежит собственно ему, королю, так что ничьего согласия ему не нужно.

В Англии однако, такая идея не имела почвы под собой. В отдельных случаях короли и здесь нарушали права парламента, обходным путем вводили налоги, в виде, напр., обязанности доставлять корабли, возлагаемой не только на приморские, но и на про-

---

1) Leber. Essai sur l'appreciation de la fortune privée au moyen-âge. App. Clamageran. I. 379. II. 102.

ние графства (1634 г.), с заменой, в виду неосуществимости для графств, расположенных внутри страны, этой повинности, деньгами (ship-money writs). Или же прибегали к «беневоленциям» (т.-е. добровольным приношениям), превращавшимся в «малеволенции», в принуждение платить под страхом отдачи в матросы или иных печальных последствий [1]). (Генрих VIII этим путем наживал, по словам летописца, ежегодно 70 тыс. фунт. стерл.). Все же это были исключительные явления. II налоги с имущества—субсидии, «пятнадцатые» и «десятые» деньги, позже «месячные взносы» (monthly assessments) и подушно-поразрядные налоги XVII — XVIII ст., и появившиеся в XVII ст. в большом количестве акцизы—все они вводились с согласия парламента, обычно лишь на определенный срок—до окончания войны, но не дольше, или до уплаты долгов, вызванных также военными действиями. Рядом с поговоркой, что английский парламент все может, кроме превращения мужчины в женщину и наоборот, имелась и другая: королю все дозволено, только не введение новых налогов.

Английский парламент вплоть до половины XVII ст. не признавал постоянных налогов на общие цели. Во время борьбы «Долгого Парламента» против «короля и злоумышленников», кассы его наполнялись еще путем пожертвований, серебряной и золотой посуды, которую несли лондонские жители, украшений и драгоценностей, жертвуемых женщинами, и сбора, именуемого «недельным обедом», ибо пуританский обычай поститься раз в неделю должен был пойти на пользу казны, давая ей сберегаемую этим путем сумму; этот своеобразный налог просуществовал 6 лет и дал 600 тысяч ф. ст. Даже таможенные пошлины, превратившиеся в постоянный доход, мотивируемые обязанностью короля поддерживать спокойствие в стране и безопасность на море и взимаемые главным образом с иностранных купцов,—даже их король не мог повышать без согласия парламента и обходил это стеснение при помощи увеличения оффициальных прейскурантов товарных цен. Установление более высоких оценок товаров при уплате пошлин с цены увеличивало автоматически его доходы,

---

[1]) Dowell. History of Taxation and Taxes. Vol. I p. 228.

почему Яков I называл порты воротами короля, которые он может по своему усмотрению открывать и закрывать [1]).

Впервые в 1660 г., взамен упразднения остатков феодальных повинностей и платежей, половина дохода от восстановленного акциза на пиво, эль, сидр, перри и спиртные напитки была отдана королю и его наследникам навсегда. Это был выкуп. Король получил определенный ежегодный доход взамен прежних платежей, землевладельцы же, на которых лежала защита страны, освободились и от нее и от прочих повинностей, перенеся расходы на содержание войска на весь народ, в форме акциза. Так что сидевшие в парламенте ленд-лорды недаром пошли на такой компромисс, согласились сделать акциз вечным, признать новую, совершенно неслыханную до того времени, систему постоянных налогов. Они превращались этим путем в поземельных собственников. Если одни современники, в виду этого, считали этот акт более великим приобретением, чем сама великая хартия вольностей, то другие, напротив, находили, что этим способом собственность всей страны была перенесена на один класс общества, который к тому же, освободившись от обязанности участвовать в войнах, не имел более основания в своих интересах протестовать против новых ненужных войн или торопить с их окончанием. С введением наследственного акциза, распространенного и на чай, кофе, шоколад, уксус, и с превращением второй половины его в том же году в пожизненный, всякая надежда на уничтожение акциза исчезла: домениальные доходы уступили место налогам.

Раз начало было положено, идея постоянных налогов на общие цели проникла в английские финансы, то дальнейшие шаги уже были легче, не требовали уже такого компромисса. При Вильгельме III появились новые акцизы — одни навсегда, другие на 93—99 лет, третьи без обозначения времени, зато акциз на соль всего на 16 лет, а некоторые—на бумагу, кожу и т. д.—лишь на время войны с Францией или до уплаты долга, после чего акциз или добавочный акциз, прекращал свое существование [2]).

---

[1]) См. Кулишер. Основные вопросы международн. торговой политики. Ч. I. 1918. Стр. 188.

[2]) Янжул, Акциз. 31 сл. 51 сл.

Господствовала, таким образом, смешанная система постоянных и временных налогов—первые еще не успели вполне вытеснить последних вплоть до половины XVIII ст. Только при Георге III акцизы были продолжены навсегда, так что налог уже не исчезал сам собою по прекращении расхода, которым был вызван, а «народ обязан попрежнему уплачивать его, пока корона не вздумает отметить его новым актом», — существенная и едва ли благоприятная перемена, — прибавляет современник, — «в смысле безопасности нашей конституции». В 1688 г., т.-е. в год реставрации, налоги давали менее 2 милл. ф., соответственно расходу на армию и флот, немногим превышающему 1 милл. Войны, поглотившие в первой половине XVIII ст. свыше 130 милл. ф., наполовину были покрыты займами, наполовину же увеличившимися до 5 — 6 милл. в год налогами. Во второй половине того же столетия (1792 г.) ежегодные расходы на армию и флот возросли до 6 милл. в год, а налоги до 17 милл. Наконец, революционные войны 1793—1815 г.г., стоившие 830 милл. ф. ст., рядом с увеличением долга на новых 500 милл. заставили поднять налоговые поступления до 68 милл. в 1816 г. [1]). Однако, прямые налоги, которые вплоть до XIX века вообще играли весьма второстепенную роль в английском бюджете, еще и теперь носили временный характер: поземельный налог, введенный в 1697 г., в течение столетия вотировался ежегодно и был закреплен лишь тогда, когда он был признан подлежащим выкупу, т.-е. стал совершенно исчезать. Его называли самым вредным и отяготительным налогом, который когда-либо существовал в Англии (Вальполь), ибо он ложится тяжело на знать и джентри, которые являются «главной опорой монархии» (Тэмпль). Напротив, акцизы находили «самым равномерным и беспристрастным налогом в свете» (Джозиа Чайльд), «лучшим средством поддерживать правительство во время продолжительной войны» (Дэвенент). Их применяли всячески, в самых широких размерах: «мы уже обложены, если едем верхом или гуляем, если остаемся дома или уезжаем за границу, если мы господа или слуги, если пьем вино или пиво, словом, обложены всячески, как только возможно»,—заявлял Берк в 1782 г.

---

[1]) Dowell. II. 402.

История прямого обложения в Англии начинается, в сущности, лишь со времени появления подоходного налога в 1798 году. Но и он имел временный характер, будучи вотируем первоначально только на военные нужды и каждый раз лишь на несколько лет. Парламент всячески боялся, как бы он не укрепился и не стал постоянным, почему предпочитал ему наследственный налог, который всякий уплачивает раз в жизни, но которым сборщик не тревожит его ежегодно. Еще в 70-х годах образовалась лига против подоходного налога, которая вела усиленную агитацию за отмену его: «если в стране будут продолжать взимать ненавистный подоходный налог, то не следует останавливаться перед революцией». Но избавиться от него уже невозможно было, и ежегодное вотирование числа пенсов, взимаемых с фунта дохода, объяснялось уже не несбыточной мечтой расстаться с ним, а желанием приноравливать размер его к меняющимся потребностям государства—долгое время это давало возможность угодливо держать налог на низком уровне, доставляя удовольствие консерваторам.

Во Франции первый постоянный налог появляется уже гораздо раньше: при Карле VII, в 1439 г. До того времени королю приходилось питаться теми бедными и случайными подачками, которые давали ему собрания сословий, а в результате наемные войска, не получая платы, жгли и грабили страну, отказываясь выполнять приказания маршалов короля. Последний предоставлял им определенные доходы на кормление, но так как их не хватало и война затягивалась до бесконечности, то Карл VII пошел дальше и совершил поистине переворот: он лишил феодалов права держать войско без согласия короля, и в тесной связи с этим—взимать со своих подданных произвольные подати (tailles). Отныне один король содержит войско—он назначает «капитанов», которые вместе с ним отвечают за действия наемников. Он же взимает на их содержание подать— taille —с населения, подвластного феодалам, наравне со своими непосредственными подданными.

Создание такой, хотя и небольшой, но постоянной, королевской армии превращает временную taille (tallagium) в постоян-

ную подать: miles perpetuus и denarius perpetuus сливаются вместе, из первого сам собою возникает второй. Ассигнованный королю в размере 1,2 милл. ливр. на содержание армии вечный источник дохода становится родоначальником постоянных налогов. «Давая королю возможность покупать солдат, феодальная аристократия освобождает себя и своих вассалов от военной службы»—все бремя взваливается на народ. И бремя волей-неволей должно расти, ибо не только в XV—XVI ст. Франция, а по ее милости и Италия, составляла один сплошной лагерь, но и в течение всего XVIII ст. временные передышки между войнами дают в сумме всего 21 год из 100. Рядом с taille приходится, ради ведения войн, взимать и дополнительные подати, имеющие пока еще экстраординарный характер. В 1695 г. возникает, в виду войны с Англией, новая подать— capitation, отмененная с окончанием ее, но восстановленная в 1752 г. из-за войны за испанское наследство. В течение той же войны—с 1710 по 1718 г. (до окончания ее) появляется «десятая» с доходов (dixième), позже несколько раз временно возобновляемая.

Во второй половине XVIII ст. обе эти подати окончательно укрепляются—и capitation, и вторая, в виде vingtième (20-я вместо 10-й). «Но государственные расходы росли скорее, чем понимание морально-политической природы государственных финансов» [1]). Правда, без этих постоянных налогов едва ли можно себе представить французское искусство, литературу и науку XVIII в.: «Буше, Ватто, Гред, Вольтер и Дидро, севрский фарфор и мебель Булла, несмотря на пороки времени Людовика XV, сохранили живую искру для лучших времен». Но все это окупалось дорогой ценой. Выгода от налогов, по словам Гока, была лишь та, какая получается от машины, движущейся, но не перерабатывающей материала, выгода состоит в том, что машина не покрывается ржавчиной [2]).

Везде и повсюду война, этот «отец всего», война с лицом двуликого януса, — разрушительница, но и созидательница, война родила на свет и подати, сначала временные, чрезвычайные, а затем, с появлением постоянного войска, и постоянные. Современ-

---

[1]) Schmoller Finanzgesch. p. 13—16.

[2]) Hock, Die öffentl. Abgaben und Schulden. 1863, p. 9.

ная армия и современная податная система—сиамские близнецы, неразрывно спаянные, неразлучные, неотделимые. Правда, это были долго еще наемные войска, но это не значит, что они не превращались в постоянные—противопоставление того и другого причиняет Зомбарту «прямо-таки физическую боль». Это была не народная армия, не «вооруженный народ», а наемная, для которой война являлась ремеслом, промыслом, не хуже всякого другого, во главе с типичными военными «предпринимателями», великими бандитами, жестокими и крутыми, глумившимися над всем, что было свято для других, но выделявшимися своим талантом, нередко боготворимыми своими людьми, которых они умели подчинять своей власти, как и умели использовать свою популярность в трудные минуты—знаменитые итальянские кондотьеры.

О военных операциях многих из них анналы молчат, но зато тем больше повествуют о предъявленных ими счетах. Ибо средства должен был дать государь, которому они служили, к которому нанимались. Он являлся посредником между армией и содержавшим ее населением, соединительным звеном между этими двумя концами. Бремя несло население во всяком случае, но способ обложения его мог быть и более упрощенный и более сложный. Упрощенный—когда у населения просто брали наемники то, что хотели и могли взять; более сложный—когда военачальникам предоставлялось налагать контрибуцию на отдельные местности для пропитания армии, вступая в соглашение с местными властями, и наиболее сложный, когда эта контрибуция взимается самим государством, централизуется в руках его—тогда она превращается в подать, сохраняя, однако, свое прежнее имя «Contribution».

Первый способ приводил к тем последствиям, о которых сообщает счет убытков, понесенных Пиемонтом во время войны за испанское наследство: из 34 милл. в виде сожженных строений, угнанного скота, отнятых запасов, вырубленных плодовых деревьев на долю врага приходится 26 милл., остальные же 8 с лишним миллионов лир ущерба нанесены своими же—союзными войсками; третья часть опустошений принадлежит им. Наемные банды не щадят ни своих, ни чужих—когда «фурия войны» охватывает страну, красный петух виднеется на всех крышах, посевы уничтожены, города разграблены, оставшееся население голодает, то всему этому оно обязано не только врагу, но и собственным кормящимся

войскам. Отсюда ужасы Столетней войны между Францией и Англией, опустошения Тридцатилетней войны, в значительной мере и бедствия Наполеоновских войн. Войска Валленштейна, правда, получали жалованье от своих начальников, которые взимали контрибуцию на содержание их (второй способ), но если начальники не платили своевременно, то армия заменяла наемную систему денежной платы системой грабежа в натуре, причем подданным прямо приказывалось, «если они не могут внести денег, содержать офицеров и солдат» (1623, 1629) [1]).

Курфюрст Бранденбургский уже вел ожесточенную борьбу за превращение ландскнехтов, при помощи подрядчиков-начальников, нанимавшихся к нему, в постоянное войско, а вместе с тем и контрибуции в постоянную подать. В 1654 г. имперские земские чины постановили, что население обязано доставлять своим государям необходимые на содержание крепостей и гарнизонов средства. Но земские чины все же сохраняли за собой право ежегодного вотирования сумм, как и непосредственной передачи последних отдельным полкам—они не должны поступать в кассы государя.

Кроме « Kontribution» в Пруссии, Австрии, Баварии и т. д., войнами были вызваны и всевозможные иные налоги, подушно-поразрядные, как и в форме акцизов, в названиях некоторых прямо выражен их характер: Türkensteuer (на защиту от осады турками), Lehenritterpferdegeld, Kavalleriegeld и т. п. Нередко приходилось предварительно прибегать к займам, а затем уже испрашивать у земских чинов, в виду чрезвычайных обстоятельств, налог на покрытие их; последние разрешали, но внушительно прибавляли, что такие обстоятельства, надо надеяться, впредь не повторятся. Однако, ежегодное вторжение той же Kontribution превращало ее силой вещей в нечто постоянное, не требующее в сущности, согласия сословий, хотя и взималась она неизменно на тех же основаниях,—государи боялись ее трогать,—и в тех же размерах: повышать ее нельзя было. В Пруссии лишь в начале XVIII ст. удалось превратить временных наемников в постоянную армию, запретив всем, раз нанявшимся на службу, уходить, пока король их не отпустит. И одновременно с этим наносится удар сословиям. Победа принципа постоянного и государственного вой-

[1]) Sombart. Krieg und Kapitalismus 1912. p. 5 сл.

ска, вернее, двух принципов получает внешнее символическое выражение в постоянных средствах на содержание этой армии, которыми король свободно располагает,—«в политическом мире государь не имеет никакого значения, если у него нет средств и людей», как заявлял Великий Курфюрст.

В Австрии к концу XVIII ст. налоги составляли уже 58 милл. гульд. из общей суммы государственных доходов в 87 милл., причем наибольшая часть заключалась уже в постоянных налогах, к которым, впрочем, присоединялись и чрезвычайные на специальные цели. В Пруссии налоги давали значительно меньше: в 1786 г.— 33 милл. мар., но они уже почти вдвое превышали доходы от домен, рудников и соляных варниц [1]).

И у нас исходной точкой в обложении являются добровольные приношения своих и дани, собираемые с чужих племен. Жители подносят князю, принимающему власть, «дары» и «поклоны». В 1065 г. «Изяславу же идущу к граду изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой Кыяне, и седе Изяслав на столе своем». В 1176 г. «Михалко же еха... Ростову... утвердився крестным целованьем с ними и честь возма у них и дары многы у Ростовець». Добровольные приношения превращаются в обязательные, периодически доставляемые. В новгородской договорной грамоте: «А крюк (право объезда и взимания даров) по старине на третей год, а от волостей дар имати по старине». За дарами князья посылают: Ярополк в 1133 г. послал Изяслава к братьям в Новгород, и они дали ему печерские дани и от «Смолиньска дар».

Здесь дань и дар уже весьма близко подходят друг к другу, постепенно сливаясь в подать. Но первоначально дань возлагалась на покоренные племена. «А се суть нини языци, иже дань дают Руси». «Поча Олег воевати Деревляны, и примучив и, имаше на них дань по черне куне». Ольга «старейшины града изнима и прочая люди оных изби» и «возложи на ня дань тяжку». Ненасытный Игорь ходил трижды в «дань» — в третий раз («похожу и еще») древляне с ним, как известно, покончили. Позже этой дани или

---

[1]) Beer. Finanzen Oesterreichs im 19 Jahrh. 1877. p 339 и сл. Wagner. Finanzwissenschaft. III. 1. p. 109. Schmoller, Umrisse und Untersuchungen, p. 180.

полюдья появляется дань в пользу татар или ордынское серебро, первоначально, в XIII ст., взимаемое самими татарами (в 1259 г. в Новгороде начали «окаянные» ездить по улицам, описывая домы христианские). С XIV ст. великий князь и удельные князья сами, каждый раз по запросу ханскому, собирают со своих земель дань или «запрос», для чего в каждой местности княжеский «писец» составлял «книгу», первоначально «данскую», позже «писцовую», из всех «племенных» или «тяглых» людей, которые «тянули в дань», объединяя их в податные «сотни»; появляется тяглая организация населения. «А выйдет дань вел. князя ко орде дати», читаем в духовной серпуховского князя Владимира Андреевича, «и дети мои и княгиня моя возьмут дань кто же на своем уделе по уроке, что в сей грамоте писано... и пошлют к казне вел. князя». И прибавляет «и переменит Бог орду и князь великий не имать выхода давати в орду... а который мой сын возьмет дань на своем уделе, то тому и есть». Князья уже со времени Дмитрия Донского мечтают о том, что исчезнет орда, но эта радужная перспектива не соединяется у них с представлением об исчезновении ордынского серебра, а с переходом дани в их собственный сундук, с превращением ее в подать, собираемую каждым на себя. На самом деле этим розовым надеждам не суждено было сбыться: Бог переменил орду, но место хана занял великий князь. Иван III, «великий реформатор старого быта», пишет в своей духовной: «а дети мои, Юрий с братьею, дают сыну моему Василию с своих уделов в выходы ордынские, и в Крым, и в Астрахань, и в Казань, и во царевичев городок... и в послы татарские, которые придут к Москве, и ко Твери, и к Новгороду-Нижнему..., и во все татарские проторы тысячу рублев: сын мой Юрий дает 82 рубля без гривны, сын мой Димитрий дает 58 рублей с полтиною и 7 денег»...

С 1504 г. дань, таким образом, переходит в доход великого князя московского, предназначаемый на расходы по содержанию татарских именитых выходцев и послов и по прочим сношениям с ордой. Она превращается в целевой налог со всех уделов в пользу великого князя. Но, повидимому, еще раньше дань стала уже родовым понятием всякой подати. Так именуются доходы от вир и продаж, т.-е. от княжеского суда, к даням относятся торговые сборы (мыто, гостинная дань, корчмито). «Не на-

добе им ни которая моя дань»—освобождение от всяких сборов. В конце XVI ст. встречаем дани или «данные деньги», от чего и «подданные» и «подати»—дьяк Федор Янов взимает в казну царя Бориса «данных денег» 8 рублей 17 алтын и полчетверти деньги. Сюда вошли: «подать за присуд», «за наместнич корм», «поминочные», «ямские», «приметные» и «пищальные» деньги [1]).

Появились, таким образом, подати, сборы и повинности разного рода и названия. Первоначально «князь в своем уделе был, собственно, не правитель, а владелец, его княжество было для него не обществом, а хозяйством, он не правил им, а эксплоатировал, разрабатывал его», взимая всевозможные пошлины судебные, свадебные и иные. Но этих сборов, как и дополнительных, случайных «даров» и «даней» или данных денег теперь уже не хватало, приходилось превращать последние в постоянные подати. Рядом с хлебом и солью в Московский период ратным людям выдавалось жалованье деньгами («денежная придача») и ради этого вводились военные налоги. Налоги и у нас порождаются войнами и военными расходами. С конца XV века до смерти Петра Вел.,—говорит П. Н. Милюков,—Россия пять раз переживает коренную ломку во всем строе государственного управления и всякий раз в основе этой ломки лежит необходимость финансового переустройства. А необходимость финансового переустройства всякий раз вызывается вздорожанием военных расходов, вследствие тех или иных улучшений в технике военного дела». При Иоанне III находим лишь ордынское серебро да «ямские деньги» («ям»), или ямскую «дань» на содержание ямской гоньбы—и то и другое перешло к нему по наследству от ханов. Тогда имелась лишь дворянская конница, которой платили землями. Но для появившейся на службе московского князя отряда наемной пехоты—«пищальников», переименованных в половине XVI ст. в стрельцы, около 1550 г. создаются специальные военные подати—«пищальные деньги» (пищаль—огнестрельное оружие), «емчужные» или «ямчужные» (ямчуга—селитра, нужная для изготовления пороха), подать на «городовое» и на «засечное дело» (на укрепления и засеки—наваленный лес), «полоняничные деньги»—для выкупа пленных. Эти сборы взимались и в натуральной форме—поставка

[1]) См. Сергеевич. III. 181 и сл.

ратных или «даточных» людей, «резвых и стрелять из самопалов гораздых»; доставка к «ямчужным амбарам», где «ямчужный мастер ямчюги варит», дров, золы и людей, «разной сбруи» (латы, зерцала, панцыри, шолома, шишаки и т. д.), сооружение земляных «засечных крепостей» и «опасных острогов». Но в половине XVI ст. казна уже предпочитала нанимать самостоятельно ратных людей, взимая с общин наемные деньги, заменяя натуральные повинности пищальными, засечными и ямчужными деньгами.

В результате, обложение «четверти» пашни (в деньгах) увеличилось более, чем в полтора раза, а к концу XVI ст. оно повысилось в 6 раз, по сравнению с началом того же столетия (4 р. 70 к. вместо 80 коп. на деньги начала XX века). Рост расходов на содержание войска в XVII в., вследствие появления целых полков иностранных офицеров и солдат и обучения русских иноземному строю, создает рядом с прежней «малой» ямской податью «большую»—в 80 раз большую, рядом со старыми пищальными деньгами новые—«стрелецкие». Указом 1614 г. для нового войска — стрельцов—собираются и хлебное жалованье и сверх того деньги на жалованье, но пока это еще чрезвычайный целевой налог. С 1672 г. и хлеб заменяется постоянным сбором, именуемым стрелецкими деньгами, ибо горожане заявляли, что они «люди торговые, а не пашенные, и никогда воеводы в городах хлеба с посадских людей не сбирают, а собирают деньгами дорогою ценою». К концу того же века стрелецкая подать становится окончательно постоянным налогом и превращается из целевой в общую, предназначенную на нужды государства, и притом является наиболее важным налогом, сильно возрастая по мере увеличения стрелецких войск (в 1861 г. их имелось 22½ тыс., подать с 1630 по 1663 г. повысилась в 9 раз). Мало того, она расходуется теперь не только на нужды московских стрельцов, но и на иные потребности, хотя и сохраняет еще по старой памяти свое название [1]).

Такая же замена многочисленных сборов общими происходит и в других областях: ряд внутренних торговых сборов в 1659 г. объединен в рублевую пошлину, еще раньше начинается замена разноименных повинностей одним общим оброком. «А оприч того оброку не надобе им ни которая моя дань, ни ям, ни подвода,

---

1) Милюков, Очерки I, 149 сл. Лаппо-Данилевский. 8 сл. 13 сл.

ни иная ни которая пошлина, ни двора моего не ставят, ни коня не кормят, ни закос им не надобе»... «Даньщики мои в те их слободки и деревни не въезжают и дани с них не емлют и писец их мой не пишет». Грамота 1589 г. заменяет единым оброком всевозможные сборы («знают один свой срок») [1], что означает не только огромное упрощение и облегчение, но и большое преимущество, ибо при сборе этих многочисленных тягол даньщики «правят на них тягло себе в подмогу, и животы их грабят насильством, и самих их бьют, и им чинятся продажи и убытки великие».

Но разорение Смутного времени и тяжелые и продолжительные войны при первых Романовых заставляли прибегать и к чрезвычайным податям и «запросам» «на вспоможение», без чего государевой казне «быть не уметь». В 1614—16 г.г. собирали пятинный сбор или пятую деньгу, два раза он повторился во вторую польскую войну (1633 и 1634), а во время последующих войн в течение 27 лет (1654—80) взималась раз 20-ая деньга, раз 15-я, 5 раз 10-я и два раза 5-ая; так эти чрезвычайные налоги (в 5, 6, 6⅔, 10 и 20 проц.) приобретали постоянный характер. Но оправдать их можно было лишь волею всей земли, «всемирным приговором», который сообщал доброхотному даянию вид обязательного самообложения. Та же картина, что и на Западе: из всех соборов XVII ст. только три (не считая избирательных) не имели видимой связи с финансами. Но там государственные чины помогали казне не даром; у нас же, хотя недостатка в поводах и побуждениях к приобретению прав, уступок и гарантий не было, «всех городов выборные люди» только жалуются на великое разорение, плачутся на обнищание от податей, но прав не требуют, не просят, даже заявляют: где взять людей и деньги, в том ты, государь, волен и ведают то твои бояре, «вечные наши господа промышленники». «Едва затеплившееся чувство гражданского долга меркнет и чахнет». Вызванное «самозванческой встряской», «безгосударьем и безнарядьем», «вымученное бедой общественное единодушие», земское представительство мерзнет в уровне тогдашней «политической температуры». «Всесовершенным самодержцам» не нужна

---

[1]) «Наместничій корм, присуд. доход пошлинных людей, дани, запрос, поминочные, черные соболи, ямскіе и приметные деньги, посошное, городовое, засечное, ямчужное, казначеевы, дьячи и подъячи пошлины».

более «холопей мысль и сказка»; со времен Петра они обходятся без советов «лутших людей», хотя народу «тяжко вельми», его платежные силы «напряжены до переистощения» [1]).

Регулярная армия, «созданная и переработанная войной из сбродного ополчения вольницы и даточных» и построенный Петром флот (в 1696 г. решено «морским судам быть»), Северная война и последующие походы потребовали новых средств и новых податей для военный целей. Появились деньги рекрутские, драгунские, корабельные, подводные. Появились и всевозможные иные «пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные мелочные сборы», устроившие «генеральную облаву на обывателя»—Посошков находил их «Царскому Величеству весьма неприличными» и советовал «отставить». Однако, наиболее важный источник дохода составляла подушная подать или «подушина» со своей окладной единицей, ревизской душой. Заменяя прежнюю подворную подать, «вымышленники» ничего «не придумали умнее головы мужского пола», хотя даже Посошков, горячий поклонник Петра, отказывается понять новую подать, «понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены не имеющая». Но Петра в проекте переложения подати с дворов на «персоны» занимала лишь интендантская сторона дела, довольствие армии и флота. Он не понимал вопроса о согласовании военного расхода с платежными силами народа. «Он видел в податной области только два предмета—солдата, которого надо содержать, и крестьянина, который должен содержать солдата». Указом 1717 г. велено «распорядить сухопутное войско и рекруты морские, кроме жалованья, и провиант на крестьян, скольких душ или дворов один, что удобнее будет, солдат и драгун и офицер по рангам»—все прямые налоги заменяются одним военным, распределяемым на крестьян по расчету стоимости содержания солдата, драгуна или офицера. Каков будет этот военный налог, первоначально еще не было решено, позже остановились на «работных персонах». Самые полки расписывались и размещались по окончании войны на «вечные квартиры» по губерниям; цель губернской реформы была исключительно фискальная—она «получила отталкивающий характер пресса для выжимания денег» и возложение на нее самого руководства сбором по-

[1]) Ключевскій. III. 258 сл. 265 сл. 300. Лаппо-Данилевский. 22 сл. 26 сл. Сергеевич, III. 211, 215 сл.

душной подати («полковой двор стал властным и требовательным средоточием полицейско-финансового участка») означало для крестьян прямое нашествие, подобное наездам татарских баскаков. Победоносное полтавское войско, превратившись в разнузданные команды, отнимая у населения последние пожитки и скот, вызывало повальное бегство «за чужие границы».

Во всем этом—и в подушной подати, и в сборе податей самой армией и в превращении ее в шайки мародеров,—много сходства с Западом, где также в эту эпоху «все управление было направлено к целям войны, превратилось в генеральный штаб и военную кассу». Но там развитие на этом не остановилось так долго, как у нас, принцип: «требуй невозможного, чтобы получить наибольшее из возможного», исчез с наступлением XIX века, с установлением новой продуманной системы постоянных податей на общие нужды государства, и не одни только военные. Нас же подушная подать и свойственный ей старый дух диссонанса между государственными потребностями и народными средствами не покидала еще весьма и весьма долго. «Никакого государства в свете нет,—писал Петр,—которое бы наложенную тягость снести не могло, ежели правда, равенство и по достоинству в податях и расходах осмотрено будет». Несчастьем страны,—говорит Ключевский,—было то, что она никак не находила средств создать себе необходимое для успеха «ежели» [1])...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Идея налога.

Фискальный договор.—Налог, как средство покрытия бюджета.—Социальные цели обложения.

Тесная связь налогов с войной не могла не отразиться на теории обложения, должна была вызвать представление о налогах, как средстве, к которому прибегают, когда отечество в опасности,

---

[1]) Милюков. Госуд. хоз. 109. Ключевский. IV. 77. 129. 175. 179. 189. 211. 244.

как о плате, вносимой каждым на защиту страны, за охрану, которой он пользуется. «Совершенно ясно и признано всеми,—читаем у Вобана (1707),—что все подданные государства нуждаются в его защите, без которой они не могут существовать», и не менее ясно, что «государь, глава и правитель страны, не может дать им эту защиту, если подданные не доставляют ему необходимых для этого средств» [1]).

К защите от внешнего врага присоединяется поддержание внутреннего порядка и спокойствия в стране, для чего необходим суд, полиция и прочие государственные органы. На содержание их надо платить налоги. Получается обмен одних ценностей на другие: «подобно тому, как мы оплачиваем купца за купленные у него товары, адвоката за полученный совет, так мы платим и правительству за его услуги» [2]). Для цивилизованного человека жизнь потеряла бы всякий интерес, если бы он лишился охраны государства, гарантирующей ему личную свободу и пользование правами и «вынужден был бы вернуться к состоянию звериной дикости, вспоминая о потерянном рае» [3]). Этот обмен одних ценностей на другие, «услуг, оказываемых частным лицом обществу», за выгоды, извлекаемые им из социального порядка, производится, правда, «на особых основаниях, ибо никто не может отказаться от своего участия в платежах, как он не может отказаться от пользования общей охраной». «Хотя эта сделка далеко не всегда является добровольной и еще реже справедливой, но все же это обмен, и в конечном счете обмен выгодный, ибо самое неспособное правительство дешевле и лучше охраняет подданных, чем если бы каждый из них защищал себя самостоятельно и независимо от других» [4]).

Так установилась и распространилась теория выгоды, обмена, эквивалента, услуги-возмездия, атомистическая теория, исходящая из частно-правового взгляда на государство, находящаяся в тесной связи с учением о государстве, как результате соглашения между гражданами. Рука об руку с теорией «общественного договора»

---

[1]) Vauban. Dîme royale. 1707. Ed. Daire. p. 48.
[2]) Sargant. Journ. of the Statist. Society. 1862. p. 342.
[3]) Hoffmann. Lehre von den Steuern. 1840. p. 38.
[4]) Senior. Political Economy.

(contrat social), обосновывающей государство, идет теория «фискального договора» (contrat fiscal), объясняющая сущность и смысл обложения. В силу первой, люди объединились в государства для охраны жизни, свободы и имущества каждого, на основании второй—все участники для этой охраны и за эту охрану «отдают часть своего имущества, чтобы быть уверенными в другой части и спокойно пользоваться ею» (Монтескье) [1]. Государство прекращает войну всех против всех, и налоги являются той ценой, которой покупается этот мир [2],—читаем у Гоббса (1651). Плательщиков налогов Ад. Смит сравнивает с совладельцами поместья, Де-Пюпнод с участниками в общей кассе. Другие называют их пайщиками акционерной компании или членами страхового общества. Особенно распространена последняя параллель. Уже в XVIII веке один англичанин находил, что плательщик подобен комерсанту, который страхует свой товар от риска, сопряженного с опасностями мореплавания, и уплачивает страховую премию. Но подробно развил эту идею Тьер, и после него она повторялась многочисленными авторами—Жирарденом, Шлецером, Мак-Куллохом, который восторгается ее глубокомыслием, и рядом других писателей, почему теория выгоды или эквивалента получила и название теории страхования.

Только Прудон восстает против нее. Что такое,—спрашивает он,—представляет собою налог в свободном обществе? И отвечает. Он не есть дань, ибо дань несовместима со свободой. Он не есть выкуп, так как нельзя сравнивать положение французов или швейцарцев по отношению к их правительству с состоянием русских крепостных, ныне освобожденных, по отношению к помещикам. Он не есть вознаграждение, своего рода премия или награда, выдаваемая государю в качестве учредителя, инициатора и директора государства, как это практикуется в акционерных обществах, и как установлено обычаем, под названием цивильного листа, в конституционных монархиях. Народ не знает иного основателя, иного учредителя, иного директора, кроме себя самого; он слушается только своего разума, свободно выражаемого словом и печатью. Налог не есть и подношение или дар—признать послед-

---

[1]) Montesquieu. L'Esprit des Lois. 1748. L. XIII ch. 1.

[2]) Hobbes. Leviathan. Ch. XXX. part. 2.

нее значило бы обобщать исключение, которое устанавливала для себя церковь до французской революции, утверждая, что она ничем не обязана государству, напротив она является источником права государства и государя; она и подносила казне добровольные дары взамен налогов. Но применять это к целому народу, который несомненно нечто большее, чем церковь, было бы равносильно утверждению, что он состоит из стольких же государств, сколько имеется отцов семьи, предпринимателей, капиталистов и собственников, что все эти государства независимы друг от друга и что объединяющий их орган, которому поручены наиболее возвышенные функции и который вынужден производить крупные расходы, не может претендовать ни на что, кроме того, что граждане пожелают сами ему поднести. Наконец, налог не есть и страхование. Нельзя совершать такой несправедливости по отношению к населению, утверждая, будто бы, оно не признает права собственности и для охраны последней нужна грубая сила; нельзя усматривать во всяком, кто не собственник, врага, которого только вера в Бога или страх пред жандармом удерживает от насилия.

Но что же в таком случае налог? Налог, это—обмен,—заявляет Прудон, полагая, что он сделал новое и великое открытие. Вмешательство государства в деятельность, предоставленную частной инициативе, отвергается и наукой и принципом свободы. Но есть услуги, снабжение которыми не могут взять на себя частные лица, их регулирует и вознаграждает общество; они составляют специальность государства и являются объектом налога. Государство в этом отношении вовсе не является единственным в своем роде. Под ним существуют многочисленные корпорации, как, напр., прежние цехи и гильдии, ныне сельско-хозяйственные и промышленные палаты, компании арматоров для постройки доков и бассейнов и многие другие. Учрежденные для определенных целей, они также имеют свои доходы и расходы, свой бюджет. Закон, который ими управляет, тот же самый, который должен управлять государством.

Конечно,—признает Прудон,—идея изобразить государство в качестве одной из сторон в обмене ценностей не только еще нова, но и сводить государство с той мистической высоты, на которую его ставили, превращая в создание Божие и государя в помазанника, законы которого, согласно старинному обычаю, счита-

лись заветами веры: уподоблять власть одной из отраслей производства, это почти что святотатство, ересь. Но пора бросить эти, заимствованные из области теософии, представления и посмотреть просто на дело. Деловые отношения не совместимы с мистицизмом: они построены на бухгалтерии, принципе прибылей и убытков. Государство не означает только суд, полицию, дипломатию и войну, оно представляет собою помимо этого и орган, ведающий коллективные потребности населения, и поэтому, не взирая на свое высокое положение, с которым никакая иная корпорация, преследующая те или иные цели, не может сравниться, оно подлежит строгому закону дебета и кредита или попросту обмена ценностей [1]).

Но раз государство лишалось своего прежнего блеска и величия, превращалось в одну из многочисленных корпораций, образованных для определенных целей и снабжающих своих членов теми или другими ценностями взамен делаемых ими взносов, то все сводилось к вопросу о том, что же получают эти члены, что дается плательщику за уплачиваемые им налоги, вручаются ли ему действительные или же только мнимые ценности. Словом, проблема переносилась в область критики расходного бюджета.

У Мирабо государь должен держаться следующего принципа: «я стою во главе народа, который обязан мне повиноваться, так как он расчитывает, что я дам ему больше того, что я ему стою» [2]). По Монтескье, нужно считаться как с потребностями государства, так и с нуждами населения. Он боится переоценки первых, «болезненного стремления к преходящей славе, своего рода бессилия разума бороться с фантазиями», боится тех, «кто со своим беспокойным умом не способен отличать потребностей государства от претензий своих мелких душ».

Здесь, как и вообще во французской литературе того времени, и последующей эпохи, имеются в виду злоупотребления ancien végime'a, бесцельные и бессмысленные траты расточительных сеньоров, когда «народ кормил Версальский двор и чашка кофе с булочкой, подаваемая придворным дамам, обходилась

---

[1]) Proudhon. Théorie de l'impôt. 1861. p. 30—50.

[2]) Mirabeau. L'Ami des hommes. p. VII. Théorie de l'impôt. 1761. p. 6—7.

в 2000 ливров в год». Во время Революции тот же народ кормил парижскую толпу, пожиравшую еще больше, в 1795 и 1796 г.г. — в 25 раз больше, чем двор за 1783—86 годы (1200 милл. на хлеб для пролетариата вместо 45 милл. на гражданские и военные расходы короля в Версале). Лишь Наполеон со всем этим покончил. Результат тот же, но расходы в десять раз меньше; «из каждого человека и из каждого франка, им расходуемого, новый хозяин умеет выжимать всю его ценность» [1]).

Для Тэна противоположность между старой монархией и эпохой Наполеона I и выражается в том, что в то время, как прежде отнимаемые у населения деньги не давали ему соответствующего дивиденда, теперь новый правитель старается доставлять своим «пайщикам» взамен их взносов возможно большую прибыль: «всякий уплачивает свою долю сообразно получаемой выгоде, всякий получает выгоду сообразно уплачиваемой доле» [2]).

Такой же взгляд высказывает (в 40-х годах) и сам преемник Наполеона I—Луи-Наполеон Бонапарте (впоследствии имп. Наполеон III), сравнивая взимание налогов с действием солнечных лучей, поглощающих пары и возвращающих их затем земле в виде того же количества влаги. Вся суть, однако, в том, каково распределение последней; при правильном и равномерном возмещении получится обильный урожай, но если небо в своем гневе превращает поглощенные пары в местные ураганы и бури, то наступает бесплодие, ибо одним оно дает слишком много, другим—слишком мало. Иначе говоря, все зависит от того, используются ли налоговые поступления на создание новых производительных сил, или же, напротив, обращаются на непроизводительные цели [2]).

Подробно перечисляются те цели, на которые государство может распространять свою деятельность, у Гока; задачи эти возможно ограничиваются, так как государство, согласно индивидуалистической точке зрения, не должно без особенной нужды, стеснять свободу индивида. Его деятельность, ведь, по учению того времени, непроизводительна, хотя и полезна, его издержки производства следуют за издержками чисто-хозяйственного свойства,

---

[1]) Taine. Ancien régime. 127. 167. La Révolution. III 533. Règime moderne. I. 257. 263.

[2]) Louis-Napoléon Bonaparte. Extinction du paupérisme. (Цит. у Girardin. L'impôt. 1853. p. 155—56).

а вовсе не идут впереди. По словам Гока, всякий налог есть сокращение народного дохода, во всяком налоге, сколь бы справедливо он ни был установлен, содержатся части, которыя трудно вынести населению, всякий налог, наконец, является платой за услуги, оказываемые государством, и поэтому имеет основание лишь в том случае, если услуга стоит вознаграждения, т.-е. если она не может быть выполнена государством ли или иными корпорациями, за ту же плату дешевле или при том же количестве за меньшую плату.

Но в то же время Гок подчеркивает, с другой стороны, те крупные хозяйственные ценности, которые создает всякий с пользой употребленный налог. «Государство, подобно атмосфере, окружает нас беспрестанно, днем и ночью, от колыбели до гроба, и даже за пределами земной жизни, оно носит и греет нас, сохраняет наш пульс и дыхание, и действует наиболее благодетельным образом, когда мы не замечаем его присутствия». И от этого перехода, выясняющего роль государства, идет уже, как естественное заключение, хотя и противоречащее предыдущим утверждениям, что «налоги вовсе не представляют собою исключительно возмездия за услуги, оказанные государством, что, напротив, они, будучи вотированы свободными людьми и уплачиваемы с сознанием исполненной обязанности, возвышаются над уровнем платы и превращаются в сбор, предназначенный на сохранение того великого целого, к которому принадлежит плательщик, превращаются в пособие, что и выражается в самом названии «Steuer», (помощь, участие от «beisteuern»), «С уплатой налога, в этом смысле, связана, поэтому, известная гражданская гордость и государственная честь» [1]).

Так, Гок, начав с фискального договора, заключенного между государством и плательщиком, выяснив затем огромное значение государства в жизни плательщика, в результате вынужден сам же признать, что налог вовсе не есть плата за услуги, а нечто гораздо большее, что в нем выражается участие каждого в жизни целого, государства, имеющего самостоятельную ценность, составляющего высшую форму человеческой организации.

---

[1]) Hock. Die öffentlichen Abgaben und Schulden. 1863. p. 4—11, 25—26.

Такие колебания мы найдем и у многих других авторов. Они составляют переход от старой теории эквивалента, страхования, возмездия к новому пониманию налога, как необходимого участия в покрытии государственных расходов, как обязанности, вытекающей из самой идеи государства и из тех коллективных потребностей, которые удовлетворяются государством. Эта новая точка зрения должна была постепенно возобладать, вытеснить старые конструкции по мере того, как изменялся характер государства, его правовые основания и его задачи и цели, с одной стороны, и формы и условия обложения—с другой стороны, по мере того, как изменялось и отношение населения и к государству и к уплачиваемым в его пользу налогам.

Абсолютизм с его односторонним, не считающимся с волей населения, установлением налогов, сменился представительной формой правления, где избранные населением законодательные учреждения рассматривают и утверждают каждый налог. Система выпрашиваемых, добровольных, исключительных податей с их непостоянным, ограниченным по времени, снабженным всевозможными оговорками, характером, с их индивидуальным назначением на определенные, преходящие цели, превратилась в постоянный и необходимый, принудительно взимаемый и разверстываемый между всеми, предназначенный на общие нужды государства и независимый от той или иной цели, источник доходов. Наконец, задачи и функции государства расширились далеко за пределы «обязанностей ночного сторожа»; оно оказывалось производителем целой массы самых разнообразных, как материальных, так и нематериальных ценностей. Все эти моменты не могли не произвести полного переворота во взглядах на сущность и характер государственного хозяйства вообще и налогов, как основания его, в особенности. Не было более надобности доказывать существование каких-то особых выгод, которые каждый извлекает от государства, ссылаться на какой-то специальный, заключенный населением, договор. Выгоды эти оказывались столь обширными, прямо бесконечными, в виду расширения государством своей деятельности до крайних пределов, что самое понятие услуги превращалось в нечто до чрезвычайности расплывчатое, неопределенное, в противоположность прежней ясности и точности, и неминуемо должно было вылиться в нечто иное—попросту в функции государства,

в совокупность определяемых им же потребностей, которые оно считает нужным удовлетворять при помощи собственного хозяйства и для выполнения которых оно нуждается в материальной помощи населения.

Государство, по новому учению, есть необходимость, историческая необходимость, моральная необходимость. Этим обоснован налог. Подданство—правовое основание его, расходы—экономическое основание. К этому прибавляют, что государство нематериальный капитал, производящий нематериальные ценности, без которых, однако, производство материальных ценностей немыслимо. Немецкие экономисты (Шефле, Вагнер, Кон, Шалл и др.) любят подчеркивать этическую сторону налога, моральную связь между государством и личностью, подчинение частного хозяйства идее государственности и тем самым идее налога. «От всего того, что я составляю, имею и выполняю, значительная часть принадлежит тому, что я получил от общества»,—читаем у Штейна. «Общество не могло бы дать индивиду необходимых условий хозяйственного развития, если бы индивид не возвращал обществу части приобретенного им хозяйственного развития». «Это экономический принцип человеческого общежития», процесс взаимности, совершающийся и помимо сознания и воли каждого. Как условие, необходимое для жизни общества, возникают сборы в интересах последнего, в сущности которых народы первоначально еще не отдают себе отчета. Напротив, понятие налога наступает лишь вместе с идеей государства, с сознанием сущности, функций и права государства. В то время, как «сборы всякого рода столь же древни, как мир,—заключает он,—налог составляет одно из самых новых понятий и установлений в истории народов» [1]).

В противоположность этому, французские авторы (Леруа-Болье, Ковес, Париэ, Стурм и др.) весьма сухо упоминают лишь о налоге, как средстве покрытия потребностей государства, отказываясь рассматривать его под моральным углом зрения. Налог не есть ни добро, ни зло, он просто необходимость, ибо государству нужны деньги. «В этом его единственное оправдание, единственное извинение. Это чудовищное право,—прибавляет Стурм,—

---

1) Stein. Finanzwiss. II. 1, p. 349—50.

черпать ежегодно из карманов населения; оно может быть, следовательно, ограничено лишь узкими пределами. Всякое отклонение его от пути истинного, от его бюджетных задач грозило бы неисчислимыми злоупотреблениями».

Это протест против взгляда на налог, как на стимулирующее средство. Сравнения, «заимствованные из области гимнастики и скачек ничего не доказывают: можно ли поощрять труд, отнимая часть необходимых для него же средств?». Это протест против желания окружить налог ореолом святости, как дающий, якобы, средствам частных лиц «более благородное назначение, чем они бы сделали при своем эгоизме и склонности к наслаждениям». Едва ли плательщик согласится с теми, кто находит, что «лучший день в его жизни тот, когда он платит налог, ибо ему дается редкий случай совершить акт идеализма, санкционировать, жертвуя одной частью своего имущества, и все прочее, превратить богатство в нечто святое, сделать налог тем, чем были прежде пожертвования в пользу церкви за упокой души». Это протест против налога—«моралиста», вступающего в борьбу с объектами, вредными для здоровья, опасными, безнравственными, протест против фискального бича, различающего добродетельные действия от достойных осуждения, легко облагая первые и тем тяжелее вторые. Это, наконец, протест против налога «покровительственного», против таможенных заграждений, преграждающих доступ даже самым необходимым товарам [1]).

Но еще более, пожалуй, чем протест против этих открыто называемых дополнительных свойств налога и подсобных функций его, в этом многократном подчеркивании и повторении одной лишь фискальной задачи налога слышится не упоминаемая открыто, но читаемая между строк опасность преследования социальных целей в обложении. Внесение нового социального идеала в обложение в виде стремления к большей уравнительности в распределении доходов и имуществ, в виде уменьшения и этим путем пропасти между состоятельными и неимущими, — эта идея, выдвинутая преимущественно Вагнером, кажется, в особенности многим французским авторам, не только посторонней и чуждой идее обложения, но и вредной и опасной. А, между тем, Вагнер не

[1]) Stourm. Systèmes. p. 35—40.

произвел, в сущности, никакой революции в теории обложения, не выбросил за борт основной фискальной цели, «подменив» ее социальной, как его упрекали, а лишь выразил мысль, рожденную условиями новейшей эпохи, вытекавшую из общей перестройки экономической жизни на новых основаниях, мысль, которую жизнь потвердила, хотя пока осуществила лишь в первой, начальной ее стадии. Новые социальные идеалы, проникавшие во все поры жизни, охватывавшие жизнь со всех сторон и пропитывавшие ее насквозь, не могли остановиться на пороге податной области, сколь бы ревностно поклонники старых учений не старались забаррикадировать им вход. Эпоху фискального договора и эпоху налогов, как чисто-бюджетного средства, должен был сменить третий период—социальной системы обложения, перемещения податного бремени с плеч более слабых на более сильных. Но по этому новому пути, отвечающему «повышенной социальной чувствительности» момента, исходящему из «углубленного и облагороженного» понятия податной справедливости, обложение делает лишь первые шаги с начала нового века.

Заря новой эры в податной сфере еще только занимается, но мировая война ускорила наступление грядущего дня, дала финансовому строю, как и многим другим сторонам жизни, тот толчок, без которого он еще долго и напрасно топтался бы на месте. Многое из того, что казалось черезчур сложным и решительным, опасным, далеким и неосуществимым, мировая война сделала возможным и близким, даже необходимым и неизбежным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ НАЛОГОВ.

Вводя налог, государство прежде всего устанавливает объект налога, тот предмет, который является основой налога, масштабом его: совокупность дохода (подоходный налог), наследство (налог с наследств), свекловица, перерабатываемая в сахар, или готовый сахар (акциз на сахар) и т. д. Оно определяет далее единицу обложения—число, вес или меру, в которых налог берется, по которым он исчисляется: каждый отдельный дом или отдельное предприятие (в подомовом или промысловом налоге), каждая тысяча

рублей имущества (в поимущественной подати), каждый пуд табаку (в акцизе на табак). Оно составляет затем тариф ставок, которым определяется размер обложения—число рублей с каждой единицы обложения абсолютно или в процентах (75 коп. с пуда сахара, 4 проц. с цены недвижимости). Наконец, оно назначает лицо, физическое или юридическое, обязанное уплачивать налог: это плательщик или субъект налога (tax-payer, Steuerzahler), тот, кто по закону обязан внести налог, с ним государство только и имеет дело.

Этот первоначальный плательщик может быть и действительным, окончательным плательщиком, на которого ложится налог (tax-bearer, Steuerträger). В этом случае оба акта—первый (impact) и последний (incidence), предварительная и конечная уплата, совпадают, между ними нет расстояния. Выпущенный в плательщика заряд прямо и точно попадает в него, налог крепко сидит на нем, дальше не летит. Но может случиться и иное. Охваченный естественным желанием избежать бремени налога, уклониться от него, плательщик дальше перебросит выпущенный в него налог, отклонит его от себя и взвалит на кого-либо другого—налог только коснется его, но пролетит дальше и обрушится на третье лицо. Тогда окажутся два лица—первоначальный плательщик, который сделал предварительный взнос, внес налог в казначейство, и окончательный носитель налога, возмещающий его первому и действительно выкладывающий деньги из своего кармана. Между этими двумя актами имеется промежуточное действие, именуемое переложением налога (repercussion, shifting, Ueberwälzung).

Плательщик может переложить налог на впереди стоящего (forward, Forwälzung), например, торговец на потребителя, или на позади стоящего (backwad, Rückwälzung), напр., тот же торговец на производителя сбываемых им товаров. Промежуточный процесс может состоять и из нескольких актов переложения—когда налог летит с одного к другому, с другого к третьему и т. д., пока, наконец, не остановится на ком-нибудь и не осядет прочно. Торговец перелагает его на потребителя, последний, перерабатывая приобретенный товар, в свою очередь перелагает его на своего покупателя и т. д., и только последний в нередко длинной цепи участников оказывается действительным носителем налога,

вынужден взвалить на себя бремя налога. Такой процесс состоит из нескольких действий, является сложным переложением (Weiterwälzung), переложением по прямой линии (en surface, onward), как его нередко именуют, хотя он вовсе не всегда должен идти прямо, а может совершаться зигзагообразно. Примером может послужить установление в Пруссии налога на универсальные магазины в 2 проц. с оборота. Предприятия эти, с миллионными оборотами, являясь огромной экономической силой, разослали немедленно всем своим поставщикам циркуляр, в котором они требовали понижения цен на 2 проц., т.-е. заставляли промышленные предприятия, работавшие по их заказам, принять на себя новый налог. Последние вынуждены были это сделать, чтобы не потерять столь выгодных постоянных и крупных заказчиков. Однако, и они не пожелали нести налог, а переложили его далее на других своих заказчиков, более слабых, на средних и мелких торговцев, приобретавших у них товары, повысив им соответствующим образом цены. Между тем, самый налог с универсальных магазинов преследовал не фискальные, а социальные цели, был установлен не ради увеличения доходов казны, а в защиту средних и мелких торговцев, уничтожаемых конкуренцией всесильных крупных предприятий, которые объединяют в своих стенах самые разнообразные отрасли торговли. Налог, таким образом, вследствие процесса переложения, не только не достиг своей цели, не сократил прибыль универсальных магазинов и не заставил их повысить цены своих товаров, а, напротив, еще более ослабил их и без того слабых конкуррентов, подняв им цены на приобретаемые товары. Здесь процесс переложения состоял из двух частей: первое звено заключалось в том, что универсальные магазины перебросили налог назад—на промышленников, а второе в том, что промышленники дальше перекинули его вперед—на другую группу торговцев, так что налог совершил путь в виде треугольника, где вершиной является промышленность, поставляющая и тем и другим, а оба ребра изображают путь передвижения налога.

Влияние налога, экономические последствия его определяются не одним только фактом конечного падения на ту или другую группу плательщиков; но, во всяком случае, место давления налога (pressione), фактическое привлечение к несению данной или,

напротив, какой-либо иной группы плательщиков, желаемой или нежелаемой законодателем, является одним из решающих моментов при оценке всякого налога. Вместо того, чтобы налог попал в установленную прямую или, при помощи процесса переложения, косвенную цель (законодатель желает, напр., чтобы винокуренный заводчик, уплатив налог, переложил его на потребителя спирта), может произойти своего рода «error in obiecto» (как выражаются криминалисты), попадание по ошибке не в намеченную жертву, а в рядом стоящего. Истинный виновник, который обязан, по желанию закона, пожертвовать частью своего дохода или имущества, а не свалить налог на другого, может избегнуть этого, либо передавая налог дальше, если государство непосредственно взимает налог с него, либо отказываясь принять его на себя, если государство желает передать ему налог чрез посредство третьего лица. И в том, и в другом случае воля законодателя нарушается, в первом случае, вследствие наступления процесса переложения, во втором—в виду невыполнения его. Очевидно, все зависит от того, насколько тот или другой налог пригоден или непригоден быть объектом переложения, насколько легко или трудно его перебросить. Каково же это свойство, эта способность к перенесению давления с одного места на другое у различных налогов?

Рассуждения о переложении налогов столь же стары, как проекты новых налогов, ибо, предлагая свои податные изобретения, нужно было доказать, что они осчастливят человечество, а не лягут на него тяжелым бременем. Охотнее всего в пользу новых налогов приводилось, что их вообще никто нести не будет, что все от них только выиграют, в частности, давая средства государству на охрану страны, плательщики из этого извлекут гораздо большую выгоду, чем то, что им придется отдавать из своего кармана. Если же не заходили столь далеко, не утверждали, что налог есть лишь заем, возвращаемый с процентами, то настаивали, во всяком случае, на том, что тяжесть его распределяется равномерно, и беднейшие классы, имея лишь крайне необходимое для жизни, его, во всяком случае, не несут.

Такова была в особенности исходная точка многочисленных английских авторов, выступавших в XVII и начале XVIII ст. со всевозможными брошюрами и памфлетами в пользу широкого распространения налогов на потребление, в пользу «универсаль-

ного акциза», восхваляя его достоинства, в противоположность обложению земли. В то время, как последнее ложится на землевладельца, рушится на последнего всей своей тяжестью, заставляя его уплачивать вдвое и втрое более других, акциз, вносимый производителем или торговцем, перелагается на потребителя и равномерно распространяется среди населения. Всякий является потребителем и поэтому никто избегнуть его не может. Каждый уплачивает притом как бы незаметно, каждый сам себя облагает, а в то же время освобождается от обложения земля, источник всех богатств.

Но не страдают ли при таких условиях бедные классы, «более способные работать или воевать, чем платить»? Нет, как показывает опыт Голландии,—она служила тогда предметом подражания в Англии,—налоги только усиливают производительность рабочих; возрастание цен на съестные припасы прекращает их лень, их обычай работать три или четыре дня в неделю, гонит их на работу, притом всех членов семьи, мужчин, как и женщин, так что работа производится лучше и дешевле, бедные не страдают, а государство только выигрывает.

Правда, были и противники акцизов, находившие у них «тридцать три порока», утверждавшие, что поземельный налог платят богатые с земли, акциз же — бедняки со всех повседневных потребностей. Или же заявляли, что акциз несет торговец, не перелагая его; мнение, будто новый акциз на сахар падет на потребителя, называли насмешкой над торговцами, описывая в мрачных красках «рабство» последних, вынужденных после того, как они перетерпели все опасности мореплавания и уплатили таможенные пошлины, еще «подвергаться наказанию в виде акциза».

Но это все же были единичные голоса. Большинство было на стороне новых акцизов, быстро расчищавших себе путь и ставших господствующей системой обложения, тогда как поземельный налог исчезал.

Однако, последний нашел себе защитника в лице столь влиятельной величины, как Джон Лок, который в 1692 г. выступил с заявлением, что все налоги, в том числе и налоги на потребление, в результате падают на собственника земли. Торговец и все прочие посредники перелагают налоги на потребителя, потреби-

тель же, рабочий, не в состоянии их нести. Либо его плата растет, и тогда арендатор, вследствие повышенной платы и повышенной цены потребляемых им товаров при той же или даже пониженной цене хлеба и шерсти,—ибо налоги сокращают покупную способность населения,—вынужден добиваться понижения аренды или покинуть землю на произвол судьбы. Или же плата остается прежняя; тогда рабочий не в силах прокормиться, и содержание его ложится на приход, который в этих целях повышает обложение недвижимостей. Кто же к концу года несет налог, как не собственник? Если же напрасны всякие надежды обложить в стране, главным богатством которой является земля, кого-либо иного, кроме землевладельцев, то последним уже следует, по мнению Лока, предоставить решение вопроса, предпочитают ли они облагаться непосредственно, налогом на землю, или принять на себя то же бремя в форме пониженной арендной платы [1]).

Благодаря авторитету Лока, теория его приобрела много сторонников в Англии, но систему акцизов, дававших крупный источник дохода государству, она все же поколебать не могла. В течение XVIII века появились и противники Лока, спрашивавшие, разве при обложении мыла моется белье одних только земельных собственников, а с введением налога на кожу все, кроме землевладельца, ходят босыми ногами? Особенно восставал против идеи Лока другой, не менее известный писатель того времени — Давид Юм, указывавший на то, что всякий старается сбросить с себя бремя, налагаемое на него налогом; но так как все обнаруживают такое намерение и все в то же время находятся на страже, не желая получить перебрасываемых другими налогов, то едва ли можно думать, что какая-либо группа может оказаться победительницей в этой борьбе. Нет основания полагать, будто одни лишь землевладельцы оказываются жертвой такого положения дел и не в состоянии защищаться: предположение это настолько абсурдно, что,—прибавляет он,—если бы не авторитет известного писателя, то оно едва ли могло бы найти поддержку у кого-либо [2]).

---

[1]) Locke. Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money. 1692. (Collected Works. 1824. Vol. IV. 88—93).

[2]) David Hume. Political Discourses. 1752. Ch. VIII.

Еще более подчеркивалась химеричность, абсурдность и опасность такого утверждения к концу XVII века английскими авторами (Дугальд Стюарт, Артур Юнг) и эта теория была почти совсем предана забвению, когда ее вновь воскресили французские экономисты, экономисты в тесном смысле слова,—физиократы. Тот вывод, которого Лок еще не решался сделать (он предоставлял на выбор землевладельцам облагаться прямо земельным налогом или косвенно иными налогами) и который, хотя и с известной осторожностью, высказывали последователи его, был прямо и решительно установлен в виде основного положения физиократами. Земля—единственный источник, дающий чистый продукт (produit net), производящий новые богатства, тогда как во всех прочих случаях лишь возмещаются затраты земледельческого или торгово-промышленного класса, или содержание этих двух классов. Естественно, что эти классы никакого налога нести неспособны, их доходы несжимаемы, ибо представляют собою необходимый минимум, так что обложение их равносильно уменьшению производства или поднятию цен, или, наконец, понижению получаемой землевладельцем ренты; иначе говоря, либо истощится источник богатства—в первом случае,—либо налоги падут на собственника земли. Очевидно, единственно целесообразным является единый налог с земли, взимаемый с последнего, т.-е. с того излишка, которым является принадлежащий ему чистый продукт, налог, поглощающий часть этого излишка, так что будущему производству не причиняется никакого ущерба [1]).

Идея единого налога на землю, исключающего всякие иные налоги, и не была осуществлена на практике, если не считать неудачной попытки ученика физиократов маркграфа Баденского, произведенной им в конце XVIII ст. в трех общинах своего княжества. Но нападки физиократов на налоги на потребление и провозглашение земли единым источником доходов получили выражение в высоких налогах на землю во Франции, как во время революции, так и впоследствии, и в слабом обложении как дискредитированных ими предметов потребления, так и денежных капиталов,—хотя уже Вольтер в своем известном памфлете «L'homme

[1]) Dupont de Nemours. Discours en tête des oeuvres de Quesnay. Mercier de la Rivière. L'ordre naturel et essentiel des societés politiques. 1767.

aux quarante écus» насмехался над ними, изображая свободного от налога крупного коммерсанта, глумящегося над бедным земледельцем, который вынужден из своих 40 экю ренты вносить налоги и за себя и за коммерсанта.

В Англии тем временем, а позже и на континенте, вместе с распространением экономических идей Адама Смита, прививается и его учение о переложении налогов, отличающееся не меньшей категоричностью, чем взгляды Локка и физиократов, но по своему существу представляющее компромисс между теорией универсального акциза, равномерно распределяющегося между всем населением, всеми потребителями, и теорией конечного падения всех налогов на земельного собственника. По Смиту, налоги платят и те и другие. Все налоги перелагаются либо на потребителя, либо на земельного собственника: и домовладелец, и капиталист, и промышленник сваливают бремя обложения на одну из этих двух групп. Только поземельный налог, как и налоги на роскошь и на переход недвижимостей (по наследству или в виде купли-продажи) непереложимы. Таким образом, в сущности оправдывалось обложение как земли, так и потребления в форме акцизов, но не обложение денежных капиталов и не промышленности—они все равно ничего нести не будут [1]).

Напротив, Рикардо, исходя из своей теории дифференциальной ренты, утверждал, что поземельный налог был бы непереложим лишь в том случае, если бы он взимался с чистой ренты, которую дают только лучшие земли; но раз он берется со всех земель, в том числе с наихудших, не дающих ренты, то должен повышать издержки производства хлеба и, следовательно, цену его и, таким образом, падать в конечном счете на потребителя. Но главный потребитель—рабочий, и так как, по учению того же Рикардо, заработная плата колеблется вокруг своего естественного уровня—минимума средств существования, то налоги на предметы потребления должны неминуемо вызвать повышение заработной платы. А заработная плата и прибыль—третье положение Рикардо—обратно пропорциональны, возрастание платы равносильно сокращению прибыли. Иначе говоря, всякий налог, взимается ли он непосредственно с потребителя или перелагается на него земле-

[1]) Smith. B. V. Ch. II. 2.

владельцем, в результате сядет на капиталиста-предпринимателя. Дальше ему идти уже никуда. На возражение, что и предприниматель в цене сбываемых товаров может переложить налог на потребителя, Рикардо отвечает, что так как все производители взаимно потребляют товары друг друга, то всякий повысил бы в этом случае цену своего товара в размере уплачиваемого им налога, и этот процесс продолжался бы до бесконечности, что, очевидно, является абсурдом; кто же в результате платил бы налог при такой взаимной компенсации? [1])

Резкое противоречие между учениями Смита и Рикардо, основателей классической школы, в то время, как в других областях они взаимно восполняли друг друга, привело к крайней неясности представлений о характере переложения у последователей их как в Англии, так и на континенте, заменило их категоричность крайней неопределенностью, подчас даже растерянностью. Налоги ложатся на всех и на всякого—и притом не одни только налоги на потребление (акцизы), но и поземельный налог и налог на промышленность и все прочие; так что в сущности их никто не несет—они незаметно распространяются по всему хозяйственному организму, нигде не останавливаясь, находясь в постоянном движении. «Налоги обладают своеобразным свойством распространения; они обнаруживают стремление к уравнительности в пределах все более расширяющегося пространства». Установленный в каком-либо месте налог подобен камню, брошенному в озеро, он вызывает на поверхности круг, который образует второй и так далее, и в результате находится в возбужденном состоянии вся поверхность под влиянием движения, исходящего из центра».

При таких условиях, очевидно, безразлично, с какой группы населения взимается налог; в результате он будет распространен между всеми и притом на справедливых началах, путем соответствующего повышения цен, поднятия общего уровня цен всех продуктов, в том числе вовсе не обложенных, ибо «налоги, подобно многочисленным водам, вызывающим всеобщее наводнение, независимо от того, какими отдельными каналами они вливаются — в конце-концов, объединяются, затопляя решительно все».

---

[1]) Ricardo. Ch. XIV-XVII.

Характерно, что эта теория распыления или диффузии налогов (diffusion) среди крупнейших своих представителей и адептов насчитывает в особенности тех, кто доказывал, что налог не есть бремя, а составляет плату за услуги, оказываемые плательщику государством за охрану личности и имущества. В эту эпоху, когда постепенно устанавливались постоянные налоги и когда надо было всячески оправдать введение и увеличение их, происходившее в широких размерах и с крайней быстротой—положение о равномерном, естественном распределении налогов между всеми, так что, в сущности, никто от них не страдает и плательщику нет основания жаловаться на тяжелые налоги, является лишним козырем; оно доходит вплоть до утверждения, что налогов в результате никто не несет, никто не ощущает.

Так, Гамильтон в анонимном «Исследовании начал обложения» 1790 г. исходит из тех обширных изобретений и открытий—эпоха появления машин и пара в конце XVIII ст.,—которые чрезвычайно усиливают производительность труда; но каждое из этих усовершенствований в то же время создает новый фонд для уплаты налогов, ибо, какова бы ни была форма последних, налог выплачивается из созданного этими улучшениями избытка. В этом случае рост спроса на рабочие руки поднимает заработную плату, рост спроса на товары повышает их цены, рост спроса на сельскохозяйственные продукты вызывает подъем цен на землю, а рост спроса на землю приводит к увеличению ренты землевладельца, так что налог совершает круг, перелагаясь исключительно силой общего повышения спроса, и до тех пор, пока это имеет место, он не падает ни на кого. Иное дело при отсутствии прогресса: там может не обнаружиться увеличения спроса на те или другие продукты, и в этом случае «налоги, составляя бремя несчастных плательщиков, могут ускорить и усилить их разорение» [1]).

Дальнейшее развитие теория диффузии получила у Тьера, опять-таки рассматривавшего обложение в качестве взносов страхователей в общую кассу—государство страхует их от опасностей, гарантируя мир и спокойствие. Подобно тому,—говорит он,—как наши пять чувств часто вводят нас в заблуждение, возбуждая

---

1) Andrew. Hamilton. An Enquiry into the Principles of Taxation chiefly applicable to Articles of immediate consumption. 1790.

у нас предположение, что вращается солнце, а не земля. подобным же образом нам кажется, что данный налог ложится на определенный класс, другой—на иной класс, тогда как на самом деле он распределяется сообразно тому, что каждый потребляет, таким образом, что налог перелагается до бесконечности, одно переложение следует за другим, становясь необходимой составной частью цены товаров. Это и есть «диффузия налогов», выражение, заимствованное из физики, где диффузией света называются многочисленные отражения, вследствие которых свет, раз проникнув в темное место через самое небольшое отверстие, распространяется там во всех направлениях, настигая все предметы, которые он освещает, падая на них». Этот процесс передачи приводит к тому, что чем сложнее объект, чем более он имеет характер предмета потребления, чем больше рук он проходит в процессе производства, чем, следовательно, он дороже,—тем более в нем содержится налоговых частиц, удорожающих его, вследствие ударов и контр-ударов налога. Если бы можно было подвергнуть все предметы, которыми человек питается, одевается, украшает себя, услаждает душу и тело, столь же точному экономическому анализу, каков химический анализ, то в цене их можно было бы найти более или менее значительные части всех налогов в разделенных до бесконечности атомах.

Правда, и он оговаривается—это не значит еще вовсе, что все налоговые системы одинаково хороши: «избави меня Бог от такой ереси!». Если налог, переброшенный в цене вещей, является лишь авансом со стороны того, кто его уплачивает, то все же этот аванс составляет бремя, с которым необходимо весьма считаться, ибо он может быть возвращен недостаточно скоро. Он часто заставляет ценности двигаться в неправильном направлении и падает непосредственно на того, кто произвел аванс, пока цены не поднялись соответственно налогу [1]).

Таким образом, и Тьер, хотя и попутно, в скобках, упоминает о явлении, именуемом «трениями», в процессе переложения (frottement économique), задерживающими, затрудняющими и замедляющими этот процесс, явлении, о котором еще раньше Верри, один из предвестников теории диффузии, говорил, что это состояние войны, революционной борьбы между классами. Когда налог

---

1) Thiers. De la propriete. 1849. p. 219. 223-25.

установлен для богатых и сильных, им нетрудно свалить его на бедных и слабых, но когда он взимается со слабых, переложение и выравнение бремени обложения совершается медленно со всем тем запозданием и со всеми теми препятствиями, которые воздвигаются на пути у бедняка, добивающегося справедливости у богача. Эти промежутки между обложением и конечным падением налога,—заключает он,—представляют собою самые тяжелые экономические кризисы, их надо всегда иметь в виду при изучении всякого изменения в налоге [1]).

Из учения о трении неминуемо следовал вывод, что для многих налогов необходимо известное время, пока получится при помощи процесса переложения известное состояние равновесия, известная уравнительность в распределении налога среди общества. Иначе говоря, как утверждает один английский писатель конца XVIII века,—хотя недавно установленные налоги должны составлять большую тяжесть, отнимая у людей то, что им ранее принадлежало, но с течением времени они становятся все более легкими; они перестают быть бременем, — как это, — прибавляет он,—ни звучит парадоксально.

Однако, положение, что всякий новый налог плох, всякий старый хорош, связано в науке с именем писавшего почти одновременно Канара, почему его называют даже иногда «канаризмом» (Умпфенбах). Канар изображает ряд сообщающихся между собою сосудов; при наполнении жидкостью одного из них последняя перельется и во все остальные и течение не прекратится, пока не установится равного уровня во всех сосудах. Подобно тому, как жидкость распространяется между трубами пропорционально их диаметру, и налог распределяется между всеми покупателями-продавцами соответственно их платежеспособности. Законы равновесия в общей системе обращения те же, что и законы равновесия жидкостей. Налог, взимаемый в одной отрасли производства, подобен кровопусканию, делаемому хирургом; разрезанная им вена потеряла после операции не более крови, чем прочие части тела; когда налог сокращает доход в одной области, немедленно доход из прочих притекает, чтобы восстановить равновесие.

---

1) Pietro Verri Milanese. Meditazione sulla Economia Politica. 1771.

И все же это равновесие требует времени—происходят трения, серьезные столкновения. Не налог сам по себе плох, а то нарушение равновесия, которое он вызывает; поэтому-то надо избегать новых налогов. И правительство, не знающее твердой и неизменной системы налогов, подобно землевладельцу, который, разведя одни насаждения, недоволен ими, заменяет их другими, а эти опять третьими: в течение известного времени земля ничего не дает, собственник разоряется [1]).

Приятная, все оправдывающая теория Канара была подхвачена рядом авторов: получив санкцию времени, налоги не затрагивают уже ничьей собственности в отдельности, ибо каждый, устраивая свою жизнь, считается с ними. Они влияют совсем, как плохой климат или почва: общество, как целое, беднее, чем оно было бы при отсутствии этих недостатков, но это сокращение богатства распределяется равномерно между всеми физическими силами [2]). Всякая налоговая система, как ни велики ее недостатки в теории, улучшается с годами на практике под влиянием постепенного, часто медленного, но всегда неизменного и верного действия законов, управляющих экономической жизнью общества [3]). Поэтому не следует трогать даже наиболее абсурдной и жестокой системы налогов [4]),—она как бы сама созревает, подобно вину, ценится своим возрастом. Получается отрицание всякой реформы налогов: законодатель должен закрыть уши перед всяким новым проектом.

Такое крайнее мнение должно было вызвать протесты. Действительно, после того, как каждый плательщик многое сбросил с себя и многое другое было взвалено на него, к нему как бы приклеивается известная доля налога, и такое конечное распределение получается лишь в результате продолжительного существования налога. Но что из этого следует?—спрашивает Гок. «Едва ли можно утверждать, что налог в начале вызываемого им процесса обложения всегда распределяется менее справедливо, чем в конце его, ибо это значило бы исходить из предположения, что всякий даль-

---

[1]) Canard. Principes d'économie politique. 1801. p. 161. 180. 197.

[2]) Courcelle-Seneuil. Traité théorique et pratique d'économie politique. 2 éd 1867. p. 462.

[3]) Cherbuliez. Précis de la science économique. 1862. II. 457.

[4]) Prittwitz. Theorie der Steuern und Zölle. 1842 p. 107 сл.

нейший акт переложения справедливее предыдущего, а последний справедливейший из всех». Не доказано,—говорит он,—что «конечное состояние спокойствия, наступающее по прекращении процесса выравнения, является преимуществом по сравнению с движением в период переложений». Самое равновесие вовсе не отличается постоянством, а может быть нарушено в любой момент под влиянием колебаний рынка [1]). Другие авторы, правда, признавали, что старые налоги, подобно зажившей ране, менее чувствительны, чем новые: пока уровень процента, вследствие налога, действительно понизился, сколько пропусков срока платежа, расходов на ведение процессов, банкротств! Но со всяким новым повышением налога все прежние, как бы притупившиеся в процессе обмена углы снова возрождаются в их прежней остроте. Мало того, и они признают, что «полагаться при введении плохих налогов на исцеляющую силу процесса переложения равносильно прыжку в темноте». Они идут и дальше. Процесс переложения налогов рассматривается в качестве «нового зла, присоединяющегося ко всем прочим видам зла, связанным с обложением» [2]).

В этом последнем утверждении выражается новая пессимистическая точка зрения, которая, в противоположность оптимизму теории диффузии, не только не верит в благодетельные результаты процесса переложения, действующего подобно давлению воды и распространяющего обложение равномерно по всей поверхности народного хозяйства, но и вообще сомневается в том, существуют ли какие-либо законы переложения и можно ли в этой области вообще что-либо предвидеть и предсказать. Такое недоверие обнаруживает Сэ, заявляя, что взимание налогов нельзя уподоблять банкам, приставляемым к руке; богатство народа не есть и жидкость, стремящаяся к равновесию. Его скорее можно сравнить с деревом, у которого можно срезать ветвь, не уничтожая его, хотя, чем больше последняя, тем сильнее опасность для всего дерева. Налоги,—прибавляет он,—ложатся на тех, кто не в состоянии уклониться от них, но самые способы уклонения разнообразны до бесконечности, и нет ничего более неопределенного, ничего более

---

1) Hock. p. 106—99.
2) Roscher. I. p. 213. 251-61.

изменчивого, чем те пропорции, в которых различные классы общества несут налоги» [1]).

Как, — восклицает Сисмонди, — земледельцы превратятся в адвокатов или врачей, или в часовщиков или механиков по той причине, что их заработка (вследствие взимаемого с них налога) не хватает им более на жизнь? Неужели же потому, что налог на муку поднимает цену на хлеб с 4 до 6 су за фунт, крестьяне покинут простор и чистый воздух полей, чтобы замкнуться в городах, запереться в четырех стенах фабрик, пока плата сельских батраков не поднимется? Наивно думать, что безразлично, в какую чашу весов мы прибавим гирь и где их убавим, рассчитывая на то, что весы все же придут в равновесие. Прежде, чем оно будет достигнуто, разорение всех коммерсантов в тех отраслях, которые необходимо покинуть, лишило бы страну большого количества капиталов, чем налог доставил бы дохода казне, а смертность рабочих, потерявших заработок, отняла бы у нее больше человеческих жизней, чем самая кровопролитная война. Только при помощи таких жестоких мер уравниваются весы в общественной жизни [2]).

Но с жаром критикуя других, протестуя против надежды, что время все исправит, исцелит, внутренние, присущие хозяйственной жизни, силы все выравняют, Сисмонди сам никакого ответа на вопрос о том, как же совершается переложение налогов, на кого они, в таком случае, в результате все-таки падают, не дает. Как и в других случаях, он в бессилии разводит руками, не будучи в состоянии постигнуть окружающую жизнь.

Это бессилие проявляется и у ряда других авторов, знаменует собою целое направление, разуверившееся в теории диффузии, но не способное поставить что-либо иное на ее место.

Одни ограничиваются общими фразами, вроде того, что переложение налогов происходит, поскольку у плательщика имеется сознание возложенного на него бремени, желание избавиться от него, экономическая сила осуществить это желание [3]). Другие, ссылаясь на закон спроса и предложения, указывают

---

1) Say. Traité. L. III. Ch. X

2) Sismondi. Nouveaux-principes d'économie politique. 2 éd. II. 219-23.

3) Cohn. Finanzwiss. p. 311.

на постоянные колебания чаши весов то в одну, то в другую сторону, вследствие чего частицы налога падают то на одну, то на другую группу плательщиков и ни одна из них не оказывается непременной и постоянной, как бы предуказанной жертвой налога: обиженным вчера достаточно сегодня воздержаться от тех или других сделок, и немедленно же обнаружится реакция в цене, и угнетатели их вынуждены будут капитулировать. Причем эти колебания объявляются неуловимыми: как определить, какую часть налога содержит то или другое повышение цены? Каким образом установить при каждом изменении биржевых курсов, какая доля налога перелагается в ту или другую сторону [1])? Наконец, третьи называют учение о переложении налогов «призраком, которого никто никогда не видел, но которого всякий боится» [2]), или попросту объявляют вопрос неразрешимым: «единственный ответ тот, что никакой ответ невозможен» [3]).

Таким образом, доктрина о переложении налогов достигла апогея, дошла до своего конечного пункта, пройдя все промежуточные стадии,—или, вернее, уперлась в тупик, из которого не было выхода. Получалась азартная игра, которая могла нанести огромный ущерб народному хозяйству—законодатель, сам того не желая, мог больно ударить налогами обширные группы населения единственно в силу своего неведения, вследствие того, что он шел наугад с закрытыми глазами.

Если финансовая наука не желала совершенно закрыть себе дверь к пониманию сущности налогов и к построению рациональной системы, то она должна была сделать новую попытку выяснения того, как в действительности распределяется обложение по источникам доходов и по категориям плательщиков. Опыт предшествующих эпох привел, однако, к тому, что новейшие исследователи [4]), не полагаясь на распыление и испарение налогов во

---

[1]) Stourm. Systèmes. 394.

[2]) Vocke. Einführ. p. 205 и сл.

[3]) Avebury. Journ. of the Royal Statist. Soc. 1901.

[4]) Основныя положения установлены Pantaleoni (Teoria della translazione dei tributi. 1882) и рядом других итальянских авторов, американцем Seligman (The Shifting and Incidence of Taxation. 1899), у нас—В. Н. Твердохлебовым (Финансовые очерки. I. 1916). Историч. очерк теорий переложения кроме Seligman и Твердохлебова также у Kaizl. Lehre von der Ueberwälzung der Steuern. 1882. Falck. Krit. Rückblicke auf die Lehre von der Steuerüberwälzung. 1882.

времени и пространстве и не относясь безразлично к тому, что происходит под влиянием каких-то таинственных и неведомых сил, в то же время не возвращались к попыткам классической школы с абсолютной точностью определить степень переложимости того или другого налога и предсказать с безусловной достоверностью, на кого он сядет, а довольствовались известной мерой приближения, большей или меньшей склонностью налогов к переложению, подверженностью их этой процедуре в более или менее значительных пределах. Они исходили из возможности, вероятности переложения или непереложения их, сознавая, что различные обстоятельства, которые невозможно предусмотреть и установить заранее, а тем более измерить, могут видоизменить ожидаемый результат, отклонить его в ту или иную сторону, парализовать действие нормальных движущих сил.

Являясь, по определению Викселя [1]), одним из случаев распространения давления, оказываемого государством в одном пункте хозяйственного механизма, на другие части его, переложение налогов представляет собою тот случай, когда такое давление в виде налога, переносится на другие области народного хозяйства посредством меновых сделок, в целях перераспределения дохода между различными группами населения. Борьба из-за этого может принимать различный характер и разнообразные формы. В ранние эпохи переложение имеет характер принуждения одних частей населения другими, в силу власти, находящейся в руках последних, нести бремя налогов. Насильственным путем Рим освобождал от обложения собственное население, перелагая его на подвластные, покоренные им народы (провинции); средневековый город подчинял себе окрестные области, всячески эксплоатируя их в фискальном отношении. Привилегированные сословия—дворянство и духовенство,—принимая на себя обязанность доставления той или другой суммы налога, являлись лишь посредниками между государством и сидевшим на их землях крепостным населением. Таковы были уже римские магнаты в эпоху позднейшей империи, ответственные перед фиском за правильное внесение их коло-

---

1) Wicksell. Finanztheoretische Untersuchungen. 1896. p. 9.

нами поземельно-подушной подати—одна из причин прикрепления колонов к поместью. Такую роль развертывающего причитающиеся с феодального поместья налоги выполнял средневековый феодал, будучи лично свободен от обложения. Такое ius subcollectandi (право раскладки) принадлежало прусскому помещику еще в XVII ст.; оно доходило до того, что каждый распределял установленное для поместья по числу гуф обложение по своему усмотрению между своими подданными—крестьянами. В Австрии только Иосиф II (в конце XVIII ст.) лишил помещиков возможности сбрасывать с себя налог на крестьян, предоставив им самим производить раскладку податей внутри крестьянских общин [1]).

Освобождение человека от власти человека, сопровождаясь обязанностью всякого платить налоги, но вовсе не готовностью это делать, придает отказу от уплаты налога лишь иной облик, характер борьбы за свободу от обложения, проявляющейся в многообразных формах. «Прогресс и усовершенствованья во всех областях человеческой жизни являются результатом борьбы идеальных и материальных интересов, и в податной области эта борьба характеризуется особенно высокой степенью эгоизма, жестокости и классовой вражды,—говорит Шефле. Она ведется между правительством и народными представителями, в законодательных учреждениях, в свою очередь, между отдельными классами, сословиями, группами, в области управления между органами государства и уклоняющимися от уплаты налогов или контрабандистами. Это борьба за освобождение или сохранение свободы от налога на стороне плательщика по отношению к государству, борьба за переложение или обратное переложение налога между самими плательщиками» [2]).

В то время, как в парламенте борьба между фиском и представителями народа и между различными партиями ведется в форме борьбы из-за тех или иных, устанавливающих и распределяющих бремя налогов, законодательных актов, борьба среди самих плательщиков совершается уже по издании этих актов,

---

[1]) Schmoller. Umrisse und Untersuchungen. p. 135. 145. Grünberg. Die Bauernbefreiung etc. in Böhmen, Mähren, Schlesien. 1894. I. p. 50. 152. Schmelzle. Der Staatshaushalt des Herzogtums Bayern im 18. Jahrh. p. 352.

[2]) Schäffle. Grundsätze der Steuerpolitik. 1880. p. 164.

из-за фактического их выполнения, создавая многочисленные случаи принятия на себя тех или других налогов иными, не обязанными в силу закона к уплате их, группами населения, принятия формально-добровольного, фактически же вызываемого экономическим могуществом и экономическим принуждением. И в этом случае борьба может происходить не только среди различных групп того же народа, но и между народами. Тюрго (в конце XVIII ст.) обращал внимание на то, что Голландия, несмотря на незначительные размеры своей территории, в состоянии выдержать столь высокие налоги лишь по той причине, что в сущности эти подати несут другие народы, которым Голландия оказывает услуги, снабжая их товарами, перевозя их грузы на своих судах—в цене услуг она перелагает эти подати на иностранцев. И впоследствии различные западно-европейские государства облегчали бремя своих налогов, не только перенося его, в силу своей власти, на свои колонии, но и вследствие своего торгового преобладания, перебрасывая обложение на экономически более слабые, вынужденные прибегать к их услугам, народы.

Устанавливаемые в обмене—как внешнем, так и внутреннем,—цены товаров и услуг являются продуктом разнообразных моментов, и один из факторов, определяющих цену, представляет собою налог. Переложение налога в том или ином направлении означает соответствующее изменение цены, повышение или понижение ее, по сравнению с тем состоянием, которое получилось бы при отсутствии налога.

Из последнего нетрудно усмотреть, насколько велика непроницаемость самого процесса обложения в смысле возможности установить факт передвижения налога в том или другом случае. Лишь при прочих равных условиях, при неизменном состоянии рынка мы в состоянии с значительной долей вероятности приписать происшедшую в цене перемену введению, изменению или упразднению данного налога. Но достаточно каких-либо перемен иного рода, отражающихся в цене, и тотчас же возникает спорный вопрос, насколько изменившийся уровень цен должен быть поставлен на счет именно налогу, а не иному, параллельно в том же или в ином направлении действующему, элементу, подобно тому, как

---

1) Turgot. Ed. Daire. I. 449.

наличность двух болезней у того же человека ставит врача в тупик перед вопросом: какая из них причиняет повышение или понижение в температуре тела. Решить спор возможно и в том и в другом случае, лишь заранее зная свойства той или другой болезни или того или другого налога, их способности вызывать определенные последствия в виде лихорадки в первом случае, в виде переложения во втором.

В самом деле, лишь в отдельных случаях для финансиста создается такая обстановка, при которой он в состоянии проникнуть в совершающиеся факты переложения, непосредственно наблюдать этот процесс. Так, напр., Ласпейрес, путем сопоставления за продолжительные периоды цен на муку и на мясо в прусских городах, где эти продукты подлежали налогу на помол и убой, и за те же годы в городах, где этого налога не было, а также путем сравнения цен в этих городах в годы существования и отсутствия налога, на основании крайне сложных и кропотливых, отнявших у него свыше 20 лет жизни, массовых наблюдений, мог установить с известной достоверностью, что, повидимому, налог на помол и убой по общему правилу перелагался на потребителя [1]). Другой пример: повышение налогов на потребление в Германии в 1909 г. Акциз на пиво, взимаемый с пивоваренья и составлявший по новому закону 1,70 мар. с гектолитра, был немедленно же переложен пивоварами на трактирщиков, которые вынуждены были уплачивать его уже в размере 3,50 мар. с гект. «С глубоким пониманием дела» трактирщики последовали этому указанию и в свою очередь подняли цену на 7½ мар. за гект., так что налог не только ударил в потребителя, к чему стремился законодатель, но и соединился на пути с дополнительной прибылью в пользу пивовара и трактирщика, оброс новыми суммами: небольшой шар, путем спаяния казенной дани с частными, превратился в почти в пять раз большую величину.

Раз налог перелагается при помощи цены товаров или услуг, то все зависит, очевидно, от того, как установится цена, на каком уровне она окажется, иначе говоря, обусловливается экономиче-

---

[1]) Laspeyres. Statistische Untersuchungen zur Frage der Steuerüberwälzung, geführt an der Geschichte der preussischen Mahl-und Schlachtsteuer. Finanzarchiv. XVIII. См. также Schanz. Zur Frage der Ueberwälzung indirekter Verbrauchssteuern. Jahrb. für Gesetzgeb. 1882.

ской силой сторон в процессе обмена. Экономическая же сила в обмене, как известно, вытекает из соотношения между спросом и предложением, которое, в свою очередь, распадается на две части: на соотношение количественное, между количеством предлагаемых и потребных товаров или услуг, и на соотношение качественное, между степенью организованности выступающих на рынке сторон, между интенсивностью конкурренции среди той и другой стороны [1]). Результатом такой экономической борьбы является цена товара или размер заработной платы или процента; результатом ее определяется и возможность или невозможность переложения налога.

В частности, установление товарных цен на предметы потребления производится под давлением экономической силы промышленников и торговцев, которые, в виду своей сплоченности и организованности и единства интересов, имеют перевес, по сравнению с распыленными потребителями, интерес которых распределяется между массой разнообразных товаров. Отсюда, при нормальных условиях, передача налога от производителя через ряд звеньев вплоть до конечного плательщика-потребителя путем включения его в качестве составной части издержек производства. Да иначе это и не могло бы быть: акцизы устанавливаются для немногих определенных предметов—спиртных напитков, табака, сахара, нефти, соли и т. д., и невозможность свалить их на потребителя была бы равносильна сокращению прибыли именно этих отраслей промышленности или занятых сбытом их изделий комерческих посредников, ставила бы их в положение каких-то париев, вынужденных на своей спине нести особый налог, которому иные промышленники и торговцы не подвержены. Действительно, государство и не имеет вовсе их в виду, а обращается к сахарозаводчикам, винокурам, пивоварам, нефтепромышленникам, табачным фабрикантам лишь в целях облегчения и упрощения налоговой процедуры, рассчитывая на то, что они сумеют избавиться от подкинутого налога, разверстать и разложить его среди всей потребляющей массы населения.

Еще в средневековых городах власти, устанавливая цены на съестные припасы и напитки, в то же время сопро-

---

1) См. Кулишер, Политич. экономия, изд. 3-е, стр. 134 сл. 243 сл.

вождали обложение их сокращением их веса или меры с сохранением той же цены. «Чтобы от налога не несли ущерба те, которые вино продают», чтобы кабатчики могли «вернуть и возместить себе затраченное», уменьшается на $^1/_{16}$ мера пива или вина; а чтобы «пекарь не потерял на налоге на хлеб», сокращен вес продаваемого им печеного хлеба [1]). Там, где—как в обложении табаку и табачных изделий—еще и в настоящее время (напр., у нас) законодатель ограничивает экономическую свободу промышленника, допуская продажу различных сортов облагаемого товара не свыше определенной цены, он и теперь приводит цены в связь с размерами акциза, повышая одновременно и то и другое. Во всех же прочих случаях свободная конкурренция должна вместо него сделать свое дело и обычно она не обманывает, хотя опыт и показывает, что налогу тем труднее добраться до потребителя, чем больше расстояние между моментом обложния и актом потребления. При обложении сахара, табака, спирта по готовому продукту, т.-е. в конечной стадии процесса производства, когда точно известна сумма налога, приходящаяся на единицу обложения (например, 5 руб. с пуда фабриката), законодатель гораздо легче и полнее достигает намеченной цели, чем облагая те же объекты по количеству и ценности сырья или полупродукта (свекловицы, сахаросодержащего сока, сырого табаку, солода и т. д.) или по роду и производительности снарядов и аппаратов, когда еще вообще неизвестно, как распределится налог между отдельными фабрикатами и сколько придется на единицу готовых изделий. Это обстоятельство является лишним доводом в пользу практикуемого в настоящее время обычно обложения готового фабриката.

Так что в результате диффузия акцизов получается. Но это не та диффузия, которую в столь ярких красках рисовали авторы пресловутой теории, это не постепенное распыление налога при перебрасывании его от первого ко второму, от второго к третьему, вплоть до самого последнего, это не круг, не знающий начала и конца. Нет, дело гораздо проще—совершается продвижение налога от производителя через ряд звеньев к потребителю и не далее, прохождение определенного, заранее намеченного расстояния. Если и можно сравнивать такого рода налоги с камнем, брошенным в воду,

---

[1]) См. Кулишер. Коммунальное обложение, стр. 157.

то лишь в том смысле, что, вызывая широкие круги среди всей затронутой им поверхности хозяйственной жизни, он, в конце-концов, падает в определенное место и там останавливается. Кровопускание же в виде налога имеет мало общего с тем, которое происходит в человеческом организме: потеря крови не вызывает в обществе равномерного распределения остального запаса, а приводит, напротив, нередко к весьма сильной неравномерности в обложении, к сгущению и скоплению его в одних местах и к чувствительной потере в других, наиболее слабых,—хотя, конечно, нельзя отрицать того, что в утверждении, будто всякий налог, подобно вину, улучшается с годами, есть—при всей гиперболичности этого положения—доля правды. Время, исцеляющее раны, постепенно и тут залечивает их: хозяйственный организм приспособляется, больное место, ушибленное налогом, зарубцовывается.

Проф. М. Н. Соболев подробно рассмотрел вопрос о перелагаемости другого вида налогов на потребление—таможенных пошлин, произведя сопоставление цен внутри России на обложенные у нас предметы сырья с ценами на те же товары, но не обложенные за границей. Во всех случаях без исключения цены на русском рынке оказались не только выше заграничных, но и на сумму, превышающую величину как пошлины, так и издержек транспорта: и тут не только переложение импортером налога на потребителя, но и получение еще кое-чего в свою пользу [1]). Исключение составляли лишь цены на железо и чугун в 1900—02 г.г., когда они упали даже ниже заграничных цен. Но это была эпоха жестокого кризиса; исключением, следовательно, лишь подтверждается правило, которое действует при нормальных условиях рынка. Тот же автор установил и другое положение—совпадение удорожания цен у нас с повышением пошлин и удешевления с понижением их. За поднятием таможенного обложения следует либо попросту возрастание цен, либо поддержание их на том же уровне, несмотря на сильный скачек вниз мировых цен (перело-

---

1) Здесь впрочем главную выгоду извлекает—в этом суть протекционизма—не казна, а местный промышленник. Он прибавляет сумму пошлины и более к мировой цене, но получает эту возможность в силу ея переложимости. В противном случае (если бы пошлину принял на себя импортер) производитель не пользовался бы никакой охраной (см. Кулишер. Основные вопросы междунар. торговой политики. ч. II. 1919. Стр. 217 сл. 227.

жение пошлин выражается в виде такого тормаза), либо в некоторых случаях все-таки падение цен, но опять-таки в меньшем размере, чем в других, свободных от пошлины, странах. Во всех случаях имеется переложение пошлины на потребителя—он платит больше, чем с него причиталось бы при отсутствии внесенной формально импортером ставки [1]).

Много споров еще со времен Бисмарка вызывал вопрос о том, кто платит германские таможенные пошлины на хлеб: русский ли импортер или немецкий покупатель, в последнем случае—торговец ли зерном или потребитель? Защитники пошлин доказывали их безобидность, ссылаясь на то, что они немца не тронут, не будут удорожать ему жизнь. Но в таком случае, какой прок от них для помещиков? Ведь обещанная охрана состояла именно в поднятии цен внутри страны. Если они не поднимутся, то землевладельцы окажутся обманутыми, наполнится только казенный сундук, а это менее всего имелось в виду в данном случае. Что же показал опыт, что дало сравнение цен на зерно в Германии и Англии, цен на зерно, оплоченное и неоплоченное пошлиной на германских рынках? В 1892 г. разница между ценой на зерно в Познани и неоплаченным пошлиной зерном в Данциге составляла для пшеницы всего 60 проц. пошлины, для ржи еще меньше—53 проц., тогда как разница между мировой ценой (в Лондоне) и ценой в Западной Германии соответствовала полной пошлине. Но уже три года спустя, в 1895 г. (после введения ввозных свидетельств, поощрявших вывоз излишнего хлеба из восточной Германии), разница между ценой в Познани и ценой на неоплаченное пошлиной зерно в Данциге равнялась 95 проц. пошлины для пшеницы и 84 проц. для ржи, а в следующем году она превысила пошлину для пшеницы и равнялась пошлине для ржи (99 проц.), так что пошлина целиком перелагалась на немецкого торговца зерном.

Но немецкий торговец был в этом процессе лишь одним из посредствующих элементов. Как показывает параллельное движение цен на рожь, на ржаную муку и на печеный хлеб, а также вес последнего, пошлина на торговце не остановилась, а передвинулась на мукомола, от мукомола—к пекарю, а от пекаря—к потребителю, который получал со всяким повышением ее более дорогой

1) Соболев. Тамож. полит. России во втор. пол. XIX в. 1911. Стр. 337 сл.

хлеб и меньшего веса, тогда как в годы удешевления цен на зерно он пользовался более дешевым и больше весившим, как и лучшего качества, хлебом. «Обложение,—говорит Конрад,—постепенно перелагается на потребителя, хотя, конечно, и обнаруживаются колебания в отдельных моментах, как и в силу местных условий; весы статистического обследования не настолько точны, чтобы они могли всегда выражать действие этих факторов. Низкая пошлина настолько стирается посредствующими звеньями торгового оборота, что ее невозможно проследить, нередко она даже прилипает к посредникам, пока особенный случай, сильное изменение цен и т. д. не является толчком к большим надбавкам; тогда они стараются наверстать пропущенное» [1]) [2]).

Но является ли потребитель всегда конечным пунктом или движение идет дальше, т.-е. начинается ли от него новый период в процессе переложения? В частности, как реагирует на попытку свалить на нее бремя налогов на потребление рабочая масса? Приняв на себя уплату их в качстве потребителя, имеет ли она с своей стороны силу перебросить их дальше на предпринимателя?

Тышка устанавливает влияние германских хлебных пошлин на заработную плату—в изменениях ее выражается способность переложить этот налог—следующим образом. Немецким рабочим не только удалось увеличить, в некоторых случаях чуть ли не вдвое, плату с 1880 по 1900 г., в других—на 25 и более проц. с половины 80-х годов, но, что еще важнее, в самый период высоких цен на хлеб и повышенных (с 1906 г.) пошлин (в начале XX века) они снова подняли свою плату на 13—25 и даже на 35—40 проц. Напротив, в Англии подъем заработной платы, обнаружившийся в последние два десятилетия XIX века (в среднем на 25 проц.), сменился в 1900—1910 г.г. застоем [3]).

---

[1]) См. Roncador. Wesen und Wirkung der Agrarzölle. 1911. p. 11—22. Conrad. B. 90. 1900. p. 107—12.

[2]) Однородные результаты дало исследование пошлин на хлеб в Италии: в первое десятилетие XX века пошлину целиком несли итальянские потребители, тогда как разница в цене в предыдущие десятилетия не выражала всей пошлины, т. е. бременем их Италия делилась с Россией и другими экспортирующими странами. Fraccari. Il dazio sul grano in Italia. 1908. Костров. Торговля России с Италией 62 сл.

[3]) Tyszka. Löhne und Lebenskosten in Westeuropa im XIX Jahrh. 1914. p. 221. 283—86.

Таким образом, мы могли бы утверждать, что немецкие рабочие переложили пошлину дальше на промышленника, повысив свою заработную плату. Но приведенный автор выражает это иначе. В то время, как английский рабочий, не добившись с 1900 г. никакого повышения денежной платы, все же улучшал попрежнему свое положение, единственно вследствие сокращения расходов на жизнь, в частности, благодаря понижению цен на хлеб, немецкий собрат его никогда не мог порадоваться уменьшению расходов. Рост цен на съестные припасы лишил его возможности воспользоваться выгодной конъюнктурой, реальная плата его осталась та же, что и прежде. Блестящее развитие германской промышленности дало ему возможность повысить свою заработную плату (денежную), но этот свой увеличенный заработок он не мог использовать для себя, а вынужден был передать землевладельцу, являясь лишь резервуаром, соединяющим промышленника с помещиком, ведя ожесточенную борьбу с первым как бы для облагодетельствования второго [1]).

Итак, где же причина и где следствие? Откуда исходит толчок? Был ли подъем денежной платы немецкого рабочего вызвая борьбой за налог, стимулирован желанием перебросить его на предпринимателя, или же он означал попросту выгодное для рабочего положение рынка, являлся последствием определенного соотношения сил на рынке труда, и этот перевес на стороне рабочего дал ему возможность покрыть повышенной платой и дополнительные расходы на съестные припасы? Иначе говоря, есть ли основание предполагать, что и при отсутствии всякого повышения пошлины на сельскохозяйственные продукты, по германскому тарифу 1902 г., заработная плата все же обнаружила бы повышение, ибо промышленная конъюнктура, усиливавшая спрос на рабочие руки, в связи с ростом и укреплением профессиональных организаций, позволяла рабочему отвоевать себе большую долю в продукте?

Повидимому, более правильным является последнее объяснение, исходящее из того, что параллелизм между движением цен на хлеб и заработной платой составляет необходимость только в том случае, когда плата не превышает минимума средств суще-

---

1) Tyszka, l. c. 274, 283 и сл.

ствования. Тогда всякое повышение цен на хлеб, в том числе и вызываемое введением или усилением обложения его, должно отразиться на заработной плате. Рабочий нести его «физически» не в силах: где ничего нет, там ничего не возьмешь. Подтверждение—таблица хлебных цен и заработной платы в Англии, составленная Committee of Lords on the Poor Law в 1830—31 г.г., и другая, приводимая Стеффеном на основании его собственных вычислений. Обе относятся к периоду 1760—1830 г.г. и обе с несомненностью устанавливают поразительное совпадение в изменениях цен и заработной платы сельскохозяйственных рабочих по десятилетиям и даже по пятилетиям (при резких колебаниях и отклонениях за отдельные годы) [1]). Напротив, с половины XIX ст. этот параллелизм исчезает: цены на хлеб падают, особенно быстро с 70-х годов ,заработная же плата не только не обнаруживает того же движения вниз, но, напротив, почти беспрерывно и сильно растет как в земледелии, так и в промышленности. Под этим двойным давлением (повышение денежной платы с 70-х г.г. до 1900 г. вполтора раза, падение расходов при неизменном бюджете на 25—30 проц.) создается возрастание реальной платы в два раза, по Bowley—с 45 в 1830 г. и 55 в 1860 г. на 100 (100 в качестве индекса) в 1900 г. Получилось, таким образом, контрарное движение, которое дало пищу так называемой контрарной теории—заработная плата и цена на хлеб движутся в противоположном направлении. Но это верно лишь для данной эпохи, когда заработок рабочего значительно превышал минимум средств существования. Тогда изменения в ценах на хлеб и иные съестные припасы, в том числе и вызываемые обложением, вовсе не должны немедленно отзываться на денежной плате: в последней имеется достаточно простора, имеется свободный, чистый доход, который может расширяться или сжиматься, принаравливаясь к ценам и обусловливаясь положением рынка.

Раз переложение налогов является результатом меновых сделок, то из этого следует, что там, где обмена нет, не может быть

---

1) Journal of the Royl statistical society. T. XXIV. Artur Joung. Inquiry iato the Rise of Price in Europe during the last 25 years. 1814. Tooke-Newmarch. History of Price. II. p. 490. Steffen. Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter. B. II. T. 1. 1902. p. 28 и сл. Hasbach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Iahren. 1894. p. 126. 213.

и переложения; там процесс переложения должен остановиться и прекратиться, налог находит своего истинного носителя. Поэтому налог на предметы роскоши оседает на потребителе и дальше не двигается: он не входит в состав какой-либо новой меновой сделки, стоимость этих предметов в цену сбываемых им товаров не включается, так как они не составляют необходимых издержек производства. Утверждение, будто бы всякий налог перелагается до бесконечности, ибо всякий является потребителем, может, следовательно, свой шар перебросить дальше, не различает производительного потребления от непроизводительного, забывает о том, что налоги платят и те, кто ничего не производит, и что всякий, кто производит, потребляет производительно лишь часть предметов. Расходы на объекты комфорта или роскоши не вызывают новых отношений между производителем и потребителем, так что полученный налог в этом случае некому передать.

Не перелагаются обычно и прогрессивные налоги (т.-е. со ставками, растущими скорее, чем доход или имущество, напр., 1 проц. при 1000 р., 1½ проц. при 5 тыс., затем 2 проц. и т. д.), напр., подоходный налог, но по другой причине. Сокращая общий уровень доходов, они производят это хотя и в неодинаковой пропорции, но равномерно, не обижая чрезмерно ни одну группу населения, так что никто не хуже других и не имеет основания улучшить свое материальное положение на счет соседа. В таких налогах, как налог с наследств, переложению противодействует, помимо прогрессивного характера ставок, и другое свойство его—единовременность, непериодичность взимания. Мыслимо ли включение такого случайного, раз в жизни уплоченного, налога в какие-либо сделки, развертание его между какими-либо покупателями, нанимателями, поставщиками и т. д., перебрасыванье его «вперед» или «назад» на случайных контрагентов данного получателя наследства и в данный, следующий за получением его, период? Ведь, общая рыночная цена товаров или услуг вовсе не думает считаться с этим особым расходом наследника.

Этими же качествами, умаляющими склонность к переложению,—прогрессивным и непериодическим характером,—отличается и налог на прирост ценности имуществ, взимаемый при отчуждении их. Собственники городских недвижимостей и в особенности крупные спекулирующие землей компании, отбиваясь от

надвигавшейся на них опасности, пугали тем, что налог этот падет на покупателя и тем самым вызовет вздорожание городских недвижимостей, сократит строительную деятельность в городах и в результате вызовет рост квартирной платы, ложась на наиболее нуждающееся население. Он не только не облегчит, а, напротив, еще более усилит, следовательно, скученность населения и квартирную нужду, вопреки, якобы, социальному характеру налога. Свои угрозы они подкрепляли действиями, заставляя приобретателей земель брать на себя обязанность уплаты нового налога. Но это обстоятельство ровно ничего не доказывало. Являясь «вносителем» налога, покупатель земельного участка вовсе не должен был быть в то же время и «носителем» его: он мог легко обмануть и продавца, и всех других, понижая продажную цену и тем самым возвращая ему налог обратно. И, действительно, опыты, наиболее богатые в Саксонии, где свыше 55 общин, городов крупных и мелких, пригородов и сельских местностей установили налог на прирост ценности земель, привели к тому общему выводу,—все они при опросе сообщили результаты,—что налог не оказал влияния ни на строительную деятельность, ни на цены земельных участков, ни на квартирную плату, иначе говоря ни о каком переложении налога не может быть речи. Даже в тех немногих местностях, где обнаружилось сокращение оборотов на землю и уменьшение числа построек, оно ставится сведущими лицами вне всякой зависимости от налога, являясь единственно результатом экономического упадка данной местности [1]).

Несравненно труднее определить степень перелагаемости налогов на отдельные виды дохода или имущества—поземельного, подомового, промыслового, с денежных капиталов. Селигман приводит примеры обложения в Америке ипотек (ссуд под залог земель), когда должник вынужден был брать на себя налог, несмотря на то, что законодатель имел в виду обложить кредитора и признавал противоречащие этому соглашения недействитель-

---

[1]) См. Leuckart von Weissdorf. Entwicklung und Ergebnisse der Wertzuwachsbesteuerung im Königreich Sachsen. 1911. p. 77. Boldt. Die Wertzuwachssteuer 3 Aufl. 1909. p. 23 сл. Damaschke. Zum Kampfe um die Reichszuwachssteuer. 1910. p. 21. Keller. Die Besteuerung der Gebäude und Baustellen. 1907. p. 252 сл. Köppe. Finanzarchiw B. 33 p. 1 сл. Твердохлебов. Обложение городских недвижим. II. 1909. стр. 167.

ными. Это приводило лишь к тому, что процент повышался не только на сумму налога, но и сверх размера последнего, включая известную премию за риск. Он признает, что общее правило относительно перелагаемости этого налога нарушается в различных случаях (если налог очень незначителен, если процент по ипотекам очень высок, если спрос на них весьма ограничен), но полагает, что с экономическим развитием страны эти случаи становятся все реже и реже—лишь в колониях они могут иметь существенное значение. В отношении подомового налога он утверждает, что при нормальных условиях роста городов и городского населения налог несет квартиронаниматель, притом полностью, если налог имеет исключительный характер, в виду отсутствия обложения других видов недвижимостей или доходов, напротив, лишь частью, распределяясь между домовладельцем и нанимателем, если налог лишь превышает прочие виды обложения; тогда последний берет на себя только эту разницу, остальное же несет собственник дома. В. Н. Твердохлебов и П. П. Гензель также исходят из того, что этот налог по общему правилу падает на население, по трем причинам. «Производство квартир» плохо приспособляется к спросу; далее, «нахождение дома в пределах городской территории служит как бы своего рода таможенной охраной», наконец, «все домовладельцы повышают цены, а жилище—наименее гибкая потребность» [1]). Повышение у нас в 1910 г. как обложения, так и во многих городах оценки доходности домов, вызвало панику среди домовладельцев, усилив их бремя в Петрограде нередко в 7—8 и более раз, но и откровенное признание их в своем намерении перевести налог на квартиронанимателей. Это они, судя по многим данным, и сделали, прямо заявляя квартиронанимателям, что последние обязаны, вследствие усиления налога, прибавить квартирную плату; жилищный голод превращал это требование в приказание. Сила была на стороне домовладельцев, а налоговое бремя, по сравнению с предшествующими годами, когда домовладельцы в сущности пользовались привилегией ничего не платить, было

---

[1]) Гензель. Новейшие течения в коммунальном обложении на западе. 1909. Стр. 349. Твердохлебов. Доклад в Общ. Финанс. реформ «Госуд. налог на недвижим. имущ. в городах» (Изв. Общ. 1912. № 5. Стр. 53).

настолько велико, что оно поглотило бы весь их доход, если бы они вздумали добросовестно выполнить волю законодателя.

Напротив, австрийская анкета по поводу подомового налога в городах, превышающего там 62 проц. доходности, не дала ясного ответа, хотя большинство исследователей полагало, что на окраинах, т.-е. там именно, где ютится беднота, он перелагается. Леруа-Болье полагает, вообще, что не только каждый город, но и каждый квартал в этом отношении имеет свой порядок—общего решения быть не может [1]).

Во всяком случае, упомянутые налоги дают гораздо более пищи, чем прочие, тем, кто приходит в ужас от неизвестности, куда падет налог. Здесь наиболее возможна ошибка, почему Селигман советует законодателю всячески избегать их. Пусть он берет подоходный налог, наследственный налог и т. д., если желает прямо и открыто настигнуть плательщика, пускай облагает потребление акцизами, таможенными пошлинами и т. д., если желает тайно, незаметно вытаскивать деньги из кармана действительного плательщика. Но он сознается, что этих налогов может не хватить, и тогда придется пользоваться наименее надежными, которые могут сыграть с законодателем плохую шутку. Во всяком случае, он должен дать себе во всем этом ясный отчет, отрекаясь от мысли, что теория переложения есть ни что иное, как чистая мистификация и жонглерство, помня, что она «ни ангел, ни дьявол финансовой науки».

Приведенная третья, сомнительная, категория налогов имеет, однако, еще одно, отличающее ее от прочих, свойство. Она допускает рядом с переложением, в тесном смысле, еще и другую своеобразную, как бы дополнительную, форму переложения, именуемую амортизацией (погашением), капитализацией или поглощением (absorption), по крайней мере, в тех случаях, когда налог на тот или другой вид дохода является исключительным или чрезмерным, когда законодатель щадит или более щадит прочие виды доходов. Такой неравномерный налог ложится всей своей тяжестью или избытком тяжести на облагаемое имущество, экспроприирует случайного

---

[1]) См. Keller. Besteuerung der Gebäude etc. 144 сл. Myrbach. Besteuer. der Gebäude und Wohnungen in Oesterreich. Zeitschr. für Staatswiss. 1882. Твердохлебов. I: 167 сл.

владельца его, ибо приобретатель, имея возможность поместить свой капитал в менее высоко обложенные виды имущества, отказывается взять на себя эту разницу, вычитая и капитализируя ее при покупке земли, дома, фондовой бумаги, предприятия. Становясь собственником такого ежегодно приносящего доход имущества и будучи обязан уплачивать налог, он на самом деле ничего не платит, а платит его прежний владелец, у которого он произвел вычет, образовав фонд для ежегодного взноса налога. В отличие от переложения в тесном смысле, налог здесь не перебрасывается при помощи многочисленных сделок, среди которых он каждый раз развертывается, а возлагается на предшественника один только раз, он антиципируется. Плательщик не выжидает с переложением наступления срока платежа налога, а гораздо раньше, раз за много лет, навсегда устраняет это бремя, капитализируя налог путем помножения на известное число лет и вычета из капитальной ценности имущества. Тогда ему нет, очевидно, более надобности перелагать тот же налог в дальнейших меновых сделках, производить переложение в тесном смысле. Налога уже нет на нем, налог исчез, нередко весьма давно, и всякая такая прибавка являлась бы чистою прибылью, а не переложением.

Тот собственник пострадал, часть его имущества была конфискована, ибо отнят не доход, а самый капитал—внешность обманчива—почему всякий новый налог на недвижимость опасен, опасно даже всякое повышение его. Но и отмена такого налога недопустима—она чистый подарок, освобождение того, кто в действительности налога не нес, присвоение им отнятых у его предшественника для передачи казне денег. Остается лишь среднее—неподвижность, неизменность такого рода налогов, как утверждает ряд авторов: только не трогать их с места. Они превращаются в реальную повинность, лежащую на имуществе. Но эта теория правильна—по указанию Шефле, Мирбаха и в особенности Селигмана — лишь постольку, поскольку данный вид дохода обижен, по сравнению с прочими и только в этих пределах. Поскольку имеется такая неравномерность, она своей выдвигающейся, выходящей за пределы обложения иных видов дохода, частью сокрушает данного случайного владельца и освобождает всех его преемников. Но всю остальную часть налога, повидимому, и послед-

ние несут, оказываясь в равных с владельцами прочих видов доходов условиях, так что одинаковое облегчение или обременение в дальнейшем всех групп не составляет ни для одной из них ни особой льготы или подарка, ни специальной контрибуции или конфискации имущества [1]).

Наконец, есть еще один вид податного давления, который также относят нередко к переложению, под названием уклонения от налога (Abwälzung, transformation, evasion, remozione), когда юридический плательщик освобождает себя от налога не путем передачи его другому, а попросту лишая казну его: ни он, ни кто либо иной не платит налога, и делается это на вполне законном основании. Но такой процесс, как справедливо указывают Панталеони, Натоли, В. Н. Твердохлебов, П. П. Гензель, ничего общего не имеет с переложением, напротив, составляет противоположность ему (ибо где происходит уклонение, там переложение немыслимо—они взаимно исключаются), входит в иную, весьма широкую область—«экономических эффектов» обложения. Сокращение спроса на предметы роскоши под влиянием высокого обложения их, являясь выражением уклонения от налога, вызывает пертурбацию в хозяйственной жизни, от которой производители их страдают нередко гораздо больше, чем отказывающиеся от них потребители. Последние не переложили налога на первых, самого налога никто из них не почувствовал, он испарился. Но зато его экономические последствия дали себя знать многим, в особенности всем причастным к производству данного рода товаров группам населения.

Такое законное уклонение—в противоположность контрабанде, утайке дохода или невзносу налога—может быть ненамеренным со стороны законодателя, добровольно производимым плательщиком по своей инициативе в качестве своего рода протеста, самозащиты. Увеличение в Англии акциза на бутылки вызвало то, что $14^1/_2$ милл. англичан (в 30-х г.г. XIX ст.) потребляло меньше бутылок, чем раньше 7 милл. Поднятие в Германии накануне войны налога на пиво привело даже к организованному уклонению плательщиков—к бойкоту питейных заведений. Но налог может иметь по самой цели своей запре-

---

[1]) См. Schäffle. Grundsätze. 191. Myrbach. Zeitschr. 1886. Seligman. Shifting. 247 сл.

тительный характер, стараясь сократить потребление, ведя борьбу с ним. Так это было в XVII—XVIII ст. с обложением табаку, преследовавшим первоначально полицейскую, а не фискальную цель (искоренение «богомерзкого зелья»), впоследствии с акцизом на спирт, в Америке с обложением окна и билетов, выпускаемых частными банками. Всем этим случаям уклонения можно противопоставить противоположный, также экономический эффект налога: увеличение потребления, вследствие уменьшения акциза или таможенной пошлины, рост поступлений путем борьбы с прежним, как законным, так и незаконным освобождением от него. Такие явления наблюдались, напр., в Англии в конце XVIII ст. после таможенной реформы Питта (рост потребления и дохода, сокращение контрабандного привоза) и после отмены многочисленных акцизов в первой пол. XIX ст., а на континенте Европы—после понижения акциза и пошлин на сахар (потребление на душу населения возросло с 1900 по 1910 г.: во Франции—с 13 до 17 килогр., в Германии—с 13,3 до 19,5).

Что же общего имеет и то и другое действие с переложением, т.-е. с передвижением налога путем меновых актов и с усилением налогового бремени других групп населения?

Но столь же неудачно включение в это название и уклонения от платежа при помощи «не обмена, а производства». О такого рода случаях, когда производитель улучшает технику производства, чтобы избегнуть платежа высокого налога путем выработки большого количества, против предположенного, английские авторы сообщают еще из эпохи XVIII ст. Новый налог на спирт вывел шотландские спиртоочистительные предприятия из их летаргического состояния и создал цветущую индустрию [1]). Подобным же образом винокуреные заводчики на континенте сумели «превратить убыток в прибыль», лихорадочной работой, подняв выкурку спирта с 2½ до 5, затем до 7% и более с ведра затора, стараясь извлечь возможно больше из каждого ведра, тогда как законодатель постоянно отставал, рассчитывая лишь на гораздо меньший выход его. Еще больше было расстояние между средним предполагаемым размером готового продукта и действительно получаемым на хорошо оборудованных сахарных заводах. Техника

[1]) Mac CuHoch. Taxation. p. 151.

делала прямо головокружительные успехи, ничего не щадя, чтобы только обойти намерения законодателя и понизить требуемый им налог [1]).

Но как ни блестящи были результаты такой погони в области соответствующих отраслей промышленности, как ни двигали они быстро и решительно производство—по милости налога, но все же переложение тут не при чем, а речь идет попросту о последствиях обложения, вначале совершенно неожиданно обнаружившихся вследствие применения неудачной формы обложения—по количеству сырья, по снарядам и т. д.,—позже сохраненной, несмотря на печальные фискальные результаты, ибо прогресс производства ставился выше других, отрицательных, сторон этого способа обложения.

Как бы с целью особенно яркого освещения того обстоятельства, насколько речь идет только об экономических эффектах, опровергая сам себя, Гок приводит и иного рода «Abwälzung», сложение налогов—действительное понижение поземельного налога. Поземельный налог в Англии, первоначально установленный (в 1696 г.) в 20 проц. чистой доходности, упал к началу XIX ст. в среднем до ½ проц., поземельный налог во Франции с 20 при первоначальной оценке земель до 8 проц. несколько десятилетий спустя, в Австрии с 16 до 6 проц. Такого рода «сложение» Гок находит не менее полезным для народного хозяйства, чем вызываемое сокращением издержек производства или усилением производительности труда [2]).

На последнее рассчитывали английские писатели XVII—XVIII ст. «Если английская промышленность,—читаем у Томаса Мэнли (1669),—не в состоянии конкуррировать с нидерландской, то причина в высокой заработной плате. Высокая плата вовсе не составляет блага для рабочего: он зарабатывает ровно столько, чтобы не умереть с голоду, и оказывается беднее, чем тогда, когда его плата была низка, работает же он тем меньше дней, чем выше его плата». «Когда вязальщики или производители шелковых чулок,—как бы вторит ему Гаутон (1681),—получают высокую

---

[1]) Большую роль в этом стремлении играл возврат пошлин, превратившийся в вывозную премию. См. Кулишер. Основные вопр. торгов. политики. Ч. II. 236 сл.

[2]) Hock. 99—100.

плату, то они не являются на работу в понедельник и вторник, а сидят в пивных и тавернах. Ткачи обычно пьяны в понедельник, во вторник у них болит голова, а в среду они не имеют необходимых инструментов. Сапожники же скорее повесятся, чем откажутся от праздника в честь св. Криспина в понедельник (синий понедельник), и обычно это продолжается до тех пор, пока у них имеется хоть пенни в кармане или на пенни кредита». Он предлагает, поэтому, не только премию на вывоз хлеба (которая, действительно, была вскоре установлена), но и увеличение акциза на пиво и спиртные напитки и введение налога на шерсть. Результат будет тот, что низшие классы не будут отвлекаться от приложения своих сил, а дороговизна заставит их больше работать, возрастет производство и понизятся цены на изделия. На такой же точке зрения стоит и Уильям Петти (1690), как видно из самого названия посвященной этому вопросу главы в его книге: «некоторые налоги и публичные доходы скорее увеличивают, чем уменьшают богатства страны» [1]).

Здесь о переложении налога и речи нет—рабочий его сам несет, и в этом цель обложения, на это именно законодатель возлагает большие надежды, ждет существенного «экономического эффекта». Причем эффект—в отличие от случаев уклонения от налога при помощи роста техники—простейшего свойства: плательщик старается наверстать утраченное в виде налога путем усиления своей производительной деятельности и в связи с этим увеличения своего дохода. В XVII—XVIII ст., когда даже в промышленной Англии рабочий класс немногим отличался от современных индусов, довольствующихся небольшим количеством риса и по получении его прекращающих работу, ибо большего им не нужно, налог мог служить таким стимулом к продолжению работы, таким возбуждающим средством. Но с точки зрения интересов народного хозяйства налог может приписать себе такую заслугу лишь при одном условии: если вызываемый таким путем рост богатства не сопряжен с переутомлением и изнурением плательщика, иначе и самый рост богатства оказывается лишь кратковременным.

---

1) См. об этом Кулишер. Лекции по истории экон. быта. стр. 332

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАЛОГОВ.

Установив,—как мы видели,—основное положение, что всякий налог, с кого бы он ни взимался, в конце-концов, падет на землевладельца, Джон Лок находил, что налогам, падающим на последнего косвенно, следует предпочесть непосредственно взимаемый с него налог—directly. Получилось деление на налоги прямые —direct taxes— и налоги косвенные, перелагаемые. Сто лет спустя, физиократы, «экономисты секты доктора Кенэ», подтвердили и углубили это деление, исходя из того, что один лишь доход землевладельца действительно чистый доход, из которого платятся все налоги. Естественно, что один только налог с земли являлся прямым налогом, все остальные же признавались косвенными, ибо они лишь косвенно падали на того, кто должен был платить их в конечном счете (см. выше стр. 90—91).

Термины «прямой» и «косвенный» являлись, таким образом, равнозначущими «неперелагаемым» и «перелагаемым». И этот смысл они сохранили и тогда, когда теория «чистого дохода» отошла в область преданий и, следовательно, налоги могли нести не одни лишь землевладельцы, но и другие группы населения. Соответственно этой перемене, и под прямыми и косвенными налогами разумели уже нечто иное: область первых расширилась на счет вторых. К прямым налогам относили, кроме поземельного и подомового, также промысловый, с денежных капиталов, подоходный, поимущественный, наследственный—все они не перелагаются или, по крайней мере, не подлежат переложению, по мысли законодателя. Косвенными являются налоги на предметы потребления, как производимые внутри страны,—на спиртные напитки, сахар, соль, табак, спички и т. д., так и привозимые из-за границы—таможенные пошлины: они перелагаются на потребителя, во всяком случае, законодатель этого желает.

В таком виде эта классификация укрепилась в теории и стала уже в начале XIX века «обычной на практике». Решающей инстанцией для одних являлась действительность—факт перелагаемости, для других намерение законодателя — назначение перело-

жить или нет; третьи,—и таких было большинство,—смешивали то и другое вместе, несмотря на то, что издание распоряжения и выполнение его далеко не одно и то же. «Прямыми налогами,—читаем у Вагнера,—называются те, где, согласно предположению или желанию законодателя, плательщик налога является и носителем его, где, следовательно, переложение налога не предполагается и еще менее является желанием законодателя, иногда даже запрещено и наказуемо. Напротив, косвенными мы называем налоги, где плательщик предположительно не является носителем налога или даже намеренно не должен быть им, а законодатель ожидает и желает переложения на других, даже приказывает произвести его» [1]).

Классификация эта оказалась настолько живучей, что даже изменение взглядов на процесс переложения налогов не могло ее поколебать,—хотя с признанием того, что многие из так называемых прямых налогов могут быть переложены не хуже тех, которые именуются косвенными, последние же перелагаются не всегда и не всегда полностью, самая основа деления налогов на перелагаемые и неперелагаемые должна была пасть. Раз любой налог мог оказаться то в той, то в другой группе, то различие между ними исчезало, они с этой точки зрения составляли одну общую нераздельную семью [2]).

К этому присоединялись и другие возражения. Таможенная пошлина на привозимые для собственного потребления товары, так же, как налог на потребляемые самим производителем продукты (вино — виноторговцем, табак — табачным фабрикантом и т. д.) превращается из косвенного налога в прямой. Еще существеннее, пожалуй, чем эти, в конце-концов, исключительные, явления, случаи обложения предметов потребления в форме казенной монополии. Сбывая спирт, табак, спички, соль и т. д., казна

---

[1]) Wagner. II. 269.

[2]) Достоинство налогов на переход имущества (напр. с продажи недвижимостей, процентных бумаг и т. д.) Тэн даже усматривает в том, что ни тот ни другой из участвующих в сделке лиц не видит, кто из них действительно платит налог; продавец может думать, что несет налог покупатель, но покупатель расчитывает, что платит продавец. Благодаря такому заблуждению, они менее чувствительны к той операции стрижки, которой подвергаются, и каждый подставляет свою спину, будучи уверен, что это спина другого. (Taine. I. 273).

непосредственно взимает в цене их причитающийся с потребителя налог, не прибегая ни к каким косвенным мерам. Плательщик налога и носитель его совпадают, обложение этих продуктов превращается в прямое.

Делались, поэтому, попытки иной классификации, сохранявшие, однако, ту же группировку налогов на две категории (в одну входили подоходный, поимущественный, поземельный, промысловый и т. д., в другую—налоги на предметы потребления), с некоторыми лишь частичными изменениями (налог на наследство попадал то в первую, то во вторую группу). Критерий принимали новый, перелагаемость заменяли иным признаком, но получались те же две группы, включавшие прежние виды налогов. Нередко даже терминология оставалась та же—с обычными названиями прямого и косвенного обложения не решались расстаться.

Таким вторым способом деления налогов на прямые и косвенные является принятое в особенности во французском законодательстве и во французской литературе разграничение их по способу обложения и взимания («в административно-техническом смысле»). Прямые налоги построены на основании явлений и признаков постоянного характера или предполагаемых более или менее постоянными и поэтому заранее определимых, как-то: владение или пользование имуществом; они взимаются по личным (окладным), периодически составляемым, спискам плательщиков, на основании кадастра (земель, домов и т. д.) и в определенные сроки. «Существовать, владеть, производить торговлю или промысел—вот постоянные признаки человека, которые казна может проследить в их движении и подвергнуть, так сказать, правильным ударам при помощи периодических налогов». Косвенные налоги исходят из явлений изменчивых, преходящих, более или менее случайных, поэтому таких, которые заранее выяснить невозможно, из отдельных событий, действий, фактов, как, напр., из различных актов потребления, сделок, услуг, облагаемых на основании определенных тарифов (Парьэ, Стурм, Пасси, Кламажеран, Гарнье). Глагол «быть» или «иметь»,—говорит Фовиль,—характеризует прямой налог, глагол «делать» определяет косвенный налог.

В старую терминологию здесь вносится совершенно несоответствующее ей новое содержание. Почему обложение на основании постоянных признаков именуется прямым, — едва ли кто-нибудь

сумеет объяснить; но не лучше и название прямых налогов «кадастровыми», косвенных—«тарифными». Кадастр и тариф принципиально не исключают друг друга (пример: промысловый налог), а с другой стороны, есть именно прямые налоги тарифные, но лишенные кадастра (подоходный).

Однако, основной дефект и этой классификации не в терминологии. Последнюю, в крайнем случае, можно сохранить—слишком велика сила привычки, чтобы удалось ее изгнать. По словам Рошера, «о прямом и косвенном обложении можно говорить столь же спокойно, как в науке говорят о восходе и закате солнца». Несравненно хуже то обстоятельство, что эта классификация исходит из внешних моментов, а не из существа различных видов налогов, не из их внутреннего характера, не из технических приемов и форм обложения и взимания.

Поэтому-то наука не могла удовлетвориться и такими результатами. В поисках лучшей классификации она то называла прямыми налогами обложение имущества, косвенными—обложение поступков (Гофман), то различала налоги на производство и налоги на потребление, или характеризовала прямые в качестве обложения средней налогоспособности, в отличие от косвенных, как индивидуализирующего элемента, примыкающего к отдельным актам потребления, сбережения, приобретения (Шефле), или, наконец, подчеркивала обложение прямыми налогами определенного источника, тогда как косвенные обращаются к общей платежеспособности лица (Рикка-Салерно). Однако, по поводу этих попыток надо возразить следующее. Те налоги, которые обычно относят к прямым, облагают вовсе не одно только имущество (первое предложение), но и доход; облагают не производство (второе), а извлечение дохода из производства, тогда как самое производство является объектом налогов на потребление (обложение производства сахара, спирта, табака и т. д.). Не одни только налоги на потребление имеют индивидуализирующий характер (третье), определяясь расходами каждого отдельного плательщика, и подоходный налог облагает вовсе не средний нормальный доход, а действительный доход каждого, считаясь, кроме того, с его особым материальным положением (скидки для больших семейств, в случае тяжкой болезни и т. д.). Он, таким образом, исходя, правда, из дохода, все

же берет в качестве масштаба общее положение плательщика, охватывая всю совокупность дохода и ряд иных признаков, так что и в этом отношении (четвертое) едва ли отличается от налогов на потребление.

В результате такой неудачи, постигавшей всевозможные классификации налогов, некоторые экономисты дошли до состояния отчаяния, выбросив вообще косвенные налоги из категории налогов (Фокке) или заявив, что никакая классификация немыслима (Н. Х. Озеров). В сущности, такой же отказ от всякого ответа на поставленный вопрос означает игнорирующее принципы логики тройственное деление налогов на прямые или подоходно-поимущественные, налоги на потребление и налоги на обращение; последние портят все дело, ибо к критерию доходного и расходного бюджета в частном хозяйстве присоединяют новый принцип обложения в момент перехода имущества, в противоположность обложению последнего в состоянии покоя. Напротив, исключив эту третью категорию (о ней речь будет ниже), получим действительно стройное деление на подоходно-поимущественное обложение (обложение хозяйства в процессе приобретения и накопления — Wirtschaft als Erwerbsgemeinschaft, по Гекелю) и обложение расходов, потребления (хозяйство, как потребительная единица — als Verwendungs-und Verbrauchsgemeinschaft). В первую категорию войдут налоги как с совокупности дохода и имущества (обще-подоходный и обще-поимущественный), так и с отдельных частей того или другого (поземельный, подомовый, промысловый, с денежных капиталов и с личного труда), взимаемые по доходности или по ценности (т.-е. по имуществу) или, наконец, в комбинированной форме. Вторая группа состоит из налогов на потребление, взимаемых как непосредственно с потребителя (квартирный налог, налоги на предметы роскоши, на железнодорожные билеты, на различные продукты в форме фискальной монополии), так и с иных лиц (производителей или торговцев), в расчете на переложение их на потребителя (налоги на продукты в форме акцизов).

Подоходно-поимущественную группу можно назвать прямыми налогами, налоги на потребление—косвенными, но только понимая эти названия не в смысле перелагаемости, а сообразно тому, исходят ли они непосредственно из платежеспособности лица, определяемой его доходом и имуществом, или же лишь косвенно, судя по

ею расходам, т.-е. презюмируя связь между доходом плательщика и его потреблением. Соотношение между тем и другим доступно измерению или, по крайней мере, приблизительной оценке, но далеко не всегда, и поэтому такой обходный путь обложения дохода посредством учета расходов на различные цели не всегда дает правильные результаты. Размеры потребления сплошь и рядом вводят в заблуждение относительно степени платежеспособности лица, ибо обусловливаются явлениями, лежащими в совершенно обратном направлении, как напр., величина семьи при расходах на необходимые или общеупотребительные пищевые продукты или на квартиру. Отсюда обычное утверждение, хотя и требующее оговорок и ограничений, что налоги на потребление обнаруживают тенденции в смысле обратной прогрессии, т.-е. более сильного обременения низших ступеней доходов и низших классов населения, по сравнению с слоями общества, занимающими более высокое место в лестнице доходов. В противоположность этому, прямые налоги не только прямо бьют в цель, улавливая платежеспособность в ее наиболее ясном и доступном учету виде—доходе и имуществе, но имеют возможность во многих случаях принимать в качестве дополнительного момента в соображение и расходы (напр., величину семьи в подоходном налоге, болезнь и т. д.), причем эти обстоятельства являются для них отрицательными показателями платежеспособности, ее умаляющими, а не положительными, как для налогов на потребление. Иначе говоря, первые двигают ставки налога не параллельно, напр., размерам семьи, а в противоположном направлении.

И прямые налоги знают обложение по внешним признакам—система реальных налогов наиболее близка к налогам на потребление. Устанавливая обложение по роду и виду торговли или промысла, по числу рабочих или служащих, машин или двигателей, по размерам владений и характеру сельско-хозяйственных культур, по площади, занимаемой зданием, и т. д., они косвенно заключают отсюда о размерах доставляемого тем или другим объектом дохода,—в отличие от подоходного налога, исчисляющего самый доход. В этом смысле, в построении обложения на ясных, определенных, заранее известных и не подлежащих сомнению, объективных данных, реальные налоги обнаруживают сходство с обложением по признаку расходов (так же, как обложе-

ние предметов потребления на основании количества и рода потребляемого в производстве сырья, изготовляемого фабриката, вместимости сосудов и т. д.). Они занимают как бы среднее место между личными прямыми налогами (общеподоходным и поимущественным или частичными налогами с действительного дохода или имущества), требующими оценки дохода или имущества, и налогами на потребление: игнорируя вовсе момент расходов (индивидуальное положение плательщика), они не принимают его ни в положительном смысле, как вторые, ни в отрицательном, как первые.

Все же разница между ними и последними велика: признаки, принимаемые за масштаб обложения, далеко не одинаковы. В одном случае признаки относятся к свойствам самых объектов, доставляющих доход—характер земли, предприятия, дома, выражающийся в тех или иных качествах их (размеры, вид угодий, отрасль производства, помещение и т. д.), в другом—к расходам, свидетельствующим до известной степени о доходе. Первые не только ближе вторых к цели—к моменту платежеспособности, но и являются, в сущности, лишь суррогатом, который рано или поздно заменяется обложением по действительному доходу или имуществу, как дальнейшей ступенью, к которой неминуемо ведет усовершенствование этой формы прямого обложения. Реальные налоги, таким образом, как бы поглощаются личными, являются несозревшим личным обложением, предварительной стадией, которую должна пройти налоговая система в области прямого обложения. Напротив, налоги на потребление, пользуясь косвенными показателями доходности, выражающимися в расходах, хотя и совершенствуются с течением времени, отыскивая более показательные предметы потребления и переходя к более правильным способам учета доходности, но самую систему внешних признаков, т.-е. расходов, не покидают. В отличие от прямого обложения, это для них не проходная ступень, а самая сущность. Отказ от такого обходного образа действий означал бы смерть налогов на потребление, сведение всего обложения к одним лишь налогам, непосредственно учитывающим платежеспособность, т.-е. к личному обложению.

Между тем, ни одно государство не обнаруживает намерения пожертвовать косвенным способом обложения по платежеспособности, несмотря на дефекты его в смысле действительного уловле-

ния последней. Эта группа налогов ценится за другое свое качество, свойственное как акцизной форме, так и казенной монополии (но не налогам на роскошь, занимающим, правда, по своему значению последнее место).

Мы имеем в виду то обстоятельство, что эта «вторая жатва»,— выражаясь словами Тэна,—сопряжена с гораздо меньшими неудобствами, чем первая (прямое обложение), с меньшими неудобствами и для плательщика, и для государства, которое ее производит. Прежде всего, плательщик меньше ее ощущает. По отношению к казне он уже не является просто должником, обязанным внести такую-то сумму в такой-то срок. «Его взносы факультативны: ни время уплаты, ни самая сумма ему не указаны; он платит лишь при покупке и сообразно размерам покупаемого, т.-е. когда он желает, и в том, хотя бы самом незначительном, размере, в котором он желает... А, с другой стороны, при взимании этих налогов казна может укрываться, и если она понимает свое дело..., она сумеет спрятаться за спиной торговца. Покупатель, который должен подвергнуться стрижке, не видит ее ножниц, по крайней мере, он не чувствует их особо, отдельно, а у рядового гражданина, у обыкновенной овцы, ощущение непосредственное, минутное, животное вызывает крики, конвульсии, страх и столь заразительный психоз. Когда его избавляют от этого опасного эксперимента, он охотно подставляет свою шкуру, в крайнем случае, он жалуется на тяжелые времена, но не сваливает дороговизну на правительство... Он не умеет рассчитывать, исчислять, выяснять размер прибавки к цене, вымогаемой у него налогом». Эти прибавки для него нечто абстрактное, нереальное, цифры, висящие в воздухе. «Совершенно иное впечатление получилось бы у него, если бы рядом с лавочником, отпускающим ему соль или кофе, он собственными глазами увидел таможенного чиновника или служащего по соляному управлению, тут же стоящими и собирающими с прилавка причитающиеся им каждый раз монеты» [1]).

Таковы «добрые» косвенные налоги, — заключает Тэн. Насколько они добры или злы, это другой вопрос. Не надо забывать, что такая операция под хлороформом, незаметно извлекающая кровь у плательщика, имеет и свои отрицательные стороны, что баран «из народа», которого стригут невидимые ножницы, от этого

[1]) Taine. Régime moderne. I. 273 сл.

страдает, страдает, в виду первой указанной выше особенности налогов на потребление. Но, во всяком случае, эта вторая отличительная черта их не менее существенна и характерна, чем косвенный способ обложения по платежеспособности. Это — уплата в то время, какое удобно плательщику, и в тех дозах, которые он считает целесообразными, уплата незаметная, при которой цена товара и налог сливаются в одно нераздельное и неразличимое для него целое, уплата, соединенная с получением не одной голой квитанции, а желаемого продукта, удовлетворяющего его потребности.

Остается еще третья категория—налоги на обращение. Но весь вопрос состоит именно в том, являются ли они третьей категорией, самостоятельной группой налогов, и не правильнее ли, игнорируя их своеобразную внешнюю, но только внешнюю, форму и исходя из внутренних свойств, отнести их к одному из приведенных двух разрядов налогов—к подоходно-поимущественному обложению или к налогам на потребление. Во французской литературе в особенности преобладает склонность включать налоги на переход имущества в состав косвенных налогов. Но вследствие этого, обложение доходов с денежных капиталов во Франции оказывалось совершенно разобщенным как с обложением доходов с денежных капиталов в других странах, так и с обложением иных видов доходов в той же Франции. Случилось это исключительно по той причине, что эти доходы облагались не в нормальной, периодической форме, в момент владения ими, а посредством иного, весьма искусственного способа, напр., в виде сборов при выпуске или отчуждении процентных бумаг, т.-е. при переходе денежных капиталов из одних рук в другие. Такой прием обусловливался тем, что Франция признавала лишь обложение по видимым признакам, реальные налоги, не допуская прямого и непосредственного учета размеров дохода или имущества, требующего разоблачения коммерческих тайн. А так как для денежных капиталов невозможно было найти таких указаний, как, напр., квартирная плата для подомового налога или характер промысла, число машин и рабочих и т. д. для промышленных предприятий, то пришлось бы заставить плательщика попросту заявить о размерах своего дохода с денежного капитала. Опасаясь такой «инквизиции» пуще огня, Франция и предпочла обходный путь—обложение этих капиталов в состоянии движения, нередко в руках посредника (так что иму-

щественное положение плательщика не разоблачается), притом обложение каждой акции или облигации, как таковой, благодаря чему общий подсчет доходов данного лица по этой статье не производится. Но при всем том мы имеем все же перед собой обложение дохода с денежных капиталов, аналогичное обложению дохода с земли, дома или предприятия, т.-е. все-таки обложение дохода непосредственное, сообразно размерам действительной платежеспособности и открыто производимое — качества, свойственные подоходно-поимущественным налогам.

Любопытно, что и Германия прибегла к столь неуклюжей, замаскированной форме денежных капиталов—к штемпельным сборам с биржевых операций, взимаемым империей, причем в качестве мотива введения такого рода налогов открыто выставлялось недостаточное обложение союзными государствами денежных капиталов, по сравнению с сельским хозяйством, промышленностью и торговлей. Но почему же империя не пошла прямо и не установила попросту налога со всех владельцев процентных бумаг и иных денежных капиталов, как это делали издавна те союзные государства, где налог с этих капиталов — хотя во многих из них и невысокий—уже существовал? И здесь имелась особая причина, хотя и иная, чем во Франции, но также вытекавшая из совершенно побочных обстоятельств, а не из сути дела. Причина эта состояла в том, что германская империя появилась на свет весьма недавно, являясь лишь надстройкой над давным давно существовавшими многочисленными германскими королевствами, герцогствами, княжествами и вольными городами. Эти, объединившиеся и развившие свои самостоятельные податные системы государства готовы были пожертвовать в пользу империи лишь безусловно необходимой, но не более, дозой своей власти вообще и своего податного суверенитета в частности. В имперской конституции говорилось, правда, что, поскольку не хватает империи таможенных пошлин, налогов на потребление и доходов от почты и телеграфа, она пользуется взносами союзных государств (Matrikularbeiträge) до тех пор, пока не введены имперские налоги. Последние означали, очевидно, не просто налоги, а особый вид их, в отличие от упоминаемых ранее налогов на потребление, прямые налоги, которые долго принято было именовать попросту «налогами», в особенности имелся в виду имперский подоходный налог, который

и стали усердно, но безуспешно пропагандировать в 80-х годах. Но получился своеобразный конфликт между правами империи и их осуществлением: в ее распоряжение предоставлялся источник, который она никак не могла заставить течь. Прямые налоги молчаливо были признаны для нее запретным плодом. Весьма быстро успела внедриться в умы различных партий доктрина трехчленного деления податной системы: империи—налоги на потребление и на обращение, государствам—личные налоги, общинам—реальные налоги, и борьба с этим принципом означала покушение на средства существования союзных государств, отнятие у них необходимых источников в виде налогов на доходы и имущество.

Но тем самым империя лишена была возможности исправлять дефекты, и весьма крупные дефекты, в области прямого обложения союзных государств, вынуждена была чрезмерно напрягать налоги на потребление, и все же дефициты в ее бюджете не переводились. Приспособляясь к поставленным ей рамкам и стараясь всячески расширить столь узкое и неудобное для нее платье, империя и придумывала различные комбинации, при помощи которых она могла бы использовать свое право косвенного обложения. В виду того, что под последним понимались и налоги на обращение, она проводила под этой скрытой формой запрещенное ей обложение дохода и имущества. В противовес налогам, падающим «на трубку и на кружку пива маленького человека», созданы были для имущих классов налоги биржевые, вексельные, чековые, но все в форме налогов на обращение, на переход денежных капиталов. Мало того, и имперский наследственный налог прошел под фирмой косвенного обложения, хотя здесь уже явно облагается имущество по его действительной, непосредственно установленной платежеспособности.

Не смея нарушить привилегий союзных государств, империя прибегла чуть ли не к обману, когда желала обложить доходы членов наблюдательных советов акционерных обществ, как прибыль весьма крупную и сопряженную с минимальной личной деятельностью. В самом деле, как иначе назвать обложение их в форме гербового сбора, взимаемого с публикуемых во всеобщее сведение отчетов и балансов предприятий и перелагаемого последними на действительных плательщиков? Нарушение «прав» союз-

ных государств здесь прикрыто «слишком прозрачным покрывалом», чтобы под ним нельзя было различить действительную природу этого «частичного подоходного налога». Если,—справедливо указывает Струтц, такой тантиемный налог, как его называли, можно было втиснуть в прокрустово ложе гербового сбора, то почему бы и самый подоходный налог не взимать в виде наклейки гербовых марок при подаче декларации о размерах дохода или в форме составления последней на гербовой бумаге? Разве при таком переодевании подоходный налог перестал бы быть подоходным? [1]). Способ оплаты не меняет сущности дела, в частности, гербовые сборы не составляют, вообще, особого вида налогов, а представляют собою лишь известную внешнюю форму, в которую может облекаться любой налог [2]).

На самом деле все эти многообразные налоги с имущества — с имущества, переходящего по случаю смерти или при жизни, возмездно или безвозмездно, с имущества в виде наследства или дарения, в виде продаваемых недвижимостей, или процентных бумаг (выпускаемых или сбываемых—эмиссионный налог, биржевой), в виде получаемых в кредит сумм (сбор с ипотек, с векселей) и т. д.,—все это частичные поимущественные налоги, обнаруживающие те же качества, что и «настоящий» поимущественный налог, установленный по ценности всего имущества. Гекель справедливо указывает на то, что поимущественные налоги (Besitz- oder Vermögenssteuern), исходя из факта наличности имущества, облагают последнее либо в спокойном состоянии, либо во время образования его, созревания, либо, наконец, в законченном, готовом, созревшем виде. Отсюда получаются различные ветви на древе

---

[1]) Strutz. Die Reichsbesitzsteuer. Jahrb. für Nationaloekon. 1914. B. 102. p. 448.

[2]) Если же называть налог с тантіем косвенным потому, что он уплачивается обществом и перелагается им на членов совета, то мы вернемся к разсмотренной выше примитивной классификаціи налогов, исходящей из случайных чисто внешних моментов. Но применяя ее, может ли имперія взимать налог с наследств? Ведь он в таком случае окажется прямым, ибо не подлежит переложению. Да и самое переложение налога с тантьем есть скорее ничто иное, как простой вычет при выплате дивиденда этим лицам, так что не отличается в сущности от вычета, практикуемого напр., в подоходном налоге при обложении последним тех же акционерных обществ. Уплатив налог с дивиденда, они вычитают его при выплате дивиденда акціонерам, но налог не перестает быть прямым.

поимущественного обложения: поимущественный налог в тесном смысле (первая), налог с наследств и дарений (вторая), налог с прироста ценности имущества или с конъюнктуральных (лотерейных, спекулятивных) доходов (третья). Налоги на обращение в виде сборов с перехода недвижимостей, вексельных, квитанционных и т. п. гербовых пошлин он выделяет в особую группу, хотя и признает далее, что с известной точки зрения и они являются потомками поимущественного обложения, особую группу которого они образуют, подобно тому, как налог на прирост ценности представляет собою смесь из поимущественного налога и налога на обращение («verkehrssteuerartige Vermögenssteuer»); ближайшими его родственниками и товарищами по группе надо считать налоги с наследства и дарений [1]).

Таким образом, Гекель вынужден в результате отказаться от противопоставления поимущественно-подоходного обложения налогам на обращение. Он не может отрицать того, что налоги с наследств и на прирост ценности имущества являются поимущественным обложением; а раз они включаются в эту категорию, то невозможно оставлять за пределами ее прочие налоги на обращение, ибо налог с наследств и налог с прироста ценности имущества, взимаемый в момент реализации этой ценности, отчуждения имущества являются такими же налогами на переход имущества, как и все прочие налоги на обращение.

Если, таким образом, налоги с наследств и с прироста ценности образуют связующее звено между обще-поимущественным налогом и различными налогами на обращение, уплачиваемыми в форме гербовых сборов, то дальнейшее развитие обложения прироста, которого Гекель еще не знал в 1907 году (оно совершилось в 1913—16 г.г.), еще более должно укрепить мысль о необходимости отнести все эти налоги поимущественного характера, взимаемые в момент передвижения ценностей, в группу прямых или подоходно-поимущественных налогов. Рядом с обложением прироста ценности недвижимостей при его реализации—сравнение покупной и продажной цены—появились и другие способы привлечения прироста—обложение периодическое прироста за известный промежуток времени путем сравнения его в данный момент и по

---

1) Heckel. Lehrb. der Finanzwiss. I. 1907. p. 139. 443. 449 сл.

истечении ряда лет. При этом облагается либо прирост всего имущества, либо части его (прирост ценности недвижимостей), либо прирост дохода, опять-таки всей совокупности дохода или отдельных видов его (прирост торгово-промышленной прибыли—налог на военную прибыль).

Уже налог в форме обложения прироста недвижимостей в момент их отчуждения обнаруживал много общего с поимущественным налогом, взимаемым со всего имущества (с владения им) периодически. Но во сколько раз более близок к последнему налог на прирост ценности недвижимостей, а тем более налог на прирост ценности всего имущества, уплачиваемые на основании приращения в имуществе, совершившегося за данный промежуток времени. И в частичном и в общем налоге на прирост в этой форме уже нет ничего, свойственного налогам на обращение. Они берут имущество в том же неподвижном состоянии, как и «обыкновенный» поимущественный налог, но только берут ценность его не в абсолютной цифре, а в виде разницы, в размере совершившейся прибавки, причем пользуются данными того же поимущественного обложения: из поимущественного налога, определенного сегодня и через три года, виден происшедший за это время прирост и им определяется причитающийся налог на прирост имущества.

Наконец, если налог на прирост в своем первоначальном виде находился в родстве лишь с одним членом системы поимущественно-подоходного или прямого обложения, с поимущественным налогом, то теперь он породнился и с другим, приобретая также форму налога на прирост дохода. Таково установленное во время войны обложение прироста в Скандинавских государствах, Австрии, Нидерландах, тогда как у нас, во Франции, в Италии облагается прирост лишь одного вида дохода—торгово-промышленного. Во всяком случае, это те же налоги—общеподоходный (в первом случае) или же промысловый (во втором), но лишь с прироста. И те и другие построены на одном и том же фундаменте. Общеподоходный и промысловый налоги на прирост, при выяснении прироста, исходят из соответствующих «абсолютных» налогов (т.-е. с дохода или прибыли, а не прироста их), из установленного ими дохода или прибыли; сравнивается, напр., весь доход или только промышленная прибыль до войны и в данный год войны.

А в то же время не следует забывать и о существовании обложения прироста имущества в первоначальной непериодической форме его. Так что это обложение, не меняя своего существа, оставаясь тем же обложением прироста, может приобретать двоякий облик—прямых налогов, периодически взимаемых с дохода или имущества, или же налогов на обращение, уплачиваемых в момент реализации имущества. В одних случаях выбора нет—прирост всего дохода или всего имущества или прирост промыслового дохода может быть настигнут только путем периодического выяснения их, тогда как прирост ценности отдельных видов имущества—земли, домов, процентных бумаг, сбываемых на бирже, торговых заведений, можно уловить как при переходе их из одних рук в другие, так и путем периодического сравнения ценности. Условия целесообразности заставляют, следовательно, прибегнуть к тому или другому определенному способу учета, при возможности же выбора остановиться на том или другом приеме, в данном случае более удобном; но внешний облик не меняет природы самого налога.

Но точно так же при обложении наследства, дарений, купли-продажи недвижимостей или процентных бумаг и т. д. (по их абсолютной ценности, а не по приросту) взимание налога при их передвижении, а не в спокойном состоянии (владении) не вытекает из свойств налога, не является их органическим качеством, а вызывается случайным обстоятельством—невозможностью привлечь эти имущества к обложению в иной форме, в другой момент. Налоги эти, как и прочие, относимые к числу налогов на обращение, выполняют свои самостоятельные функции в качестве частичных поимущественных налогов, преследующих определенные цели, которые достигаются наиболее полно при переходе этих видов имуществ из одного хозяйства в другое [1] [2].

---

[1] Обложение наследств может быть, в свою очередь, не только абсолютное, но и сообразно размерам прироста, именно прироста имущества, совершившагося в руках того же лица—сравнивается полученное им самим наследство и оставленное им наследникам; такой проект существовал в Германии в 1911—13 г. г.

[2] Некоторые налоги на обращение должны быть, напротив, отнесены к группе налогов на потребление, таковы сборы с железнодорожных билетов, которыми облагается потребность в передвижении (наряду с обложением пищи, одежды, квар-

ОБЛОЖЕНИЕ ПОДОХОДНО-ПОИМУЩЕСТВЕННОЕ.

I. Обложение дохода.		II. Обложение имущества.			
		А. в момент владения имуществом.		Б. в момент отчуждения имущества (при переходе).	
1. Абсолютнаго.	2. Относительнаго (прироста).	1. Абсолютного.	2. Относительного (прироста).	1. Абсолютного.	2. Относительного (прироста).
А. Совокупности.					
Обще-подоходный налог.	Налог на прирост совокупности дохода (периодич.)	Обще-поимущ. налог.	Нал. на прирост общей суммы имущества (периодич.).	Нал. с наследств.	(Нал. на прирост наследственной массы).
Б. Отдельных частей.					
		Обложение по ценности.			
Поземельный нал.	Налог на прирост доходности недвижимостей (период.)	Земли.	Нал. на прирост ценности недвижимостей (периодическ.).	Нал. на отчуждение недвижимостей (крепостныя пошлины).	Нал. на прирост ценности недвиж. при реализаціи (непериодич.).
Подомовый нал.		Домов			
Промысловый нал.	Нал. на прирост прибыли (на воен. прибыль) периодич.	Предприятий.		Нал. на отчуждение предприятий.	
		Капиталов.			
Нал. с денежных капиталов.				Нал. на отчуждение денежных капиталов (биржевой, вексельный).	
Нал. с профессион. и трудов. доход.					

Подводя итог сказанному, мы получаем, на основании приведенных выше признаков, деление налогов на подоходно-поимущественные (прямые) и на налоги на потребление, причем первая группа распадается на ряд подгрупп, отделов и видов, которые идут частью концентрическими, частью взаимно пересекающимися кругами. Это изображено в следующей схеме (см. стр. 136), из которой видно, насколько многообразны могут быть формы того же обложения доходов и имуществ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Принципы обложения.—Система налогов.

Отец экономической науки. Адам Смит (в 1776 г.), определил и основные качества, которыми должны отличаться налоги, установил свои четыре принципа обложения, названные впоследствии «великой хартией вольностей плательщика» и «декларацией прав плательщика»: 1) Подданные всякого государства обязаны участвовать в покрытии расходов правительства по возможности сообразно своим средствам, т.-е. соответственно тем доходам, которые получает каждый под охраной государства. 2) Налог, который обязан уплачивать каждый, должен быть точно определен, а не произволен. Время его уплаты, способ и размер уплачиваемого должны быть ясны и известны как самому плательщику, так и всякому другому. 3) Каждый налог должен взиматься в такое время и таким способом, какие наиболее удобны для плательщика. 4) Каждый налог должен быть так устроен, чтобы он извлекал из кармана плательщика возможно меньше сверх того, что поступает в кассы государства [1]).

Эти четыре правила, превратившиеся в аксиомы, уже во времена Смита не являлись новшеством. Еще за несколько лет до него и Мирабо (1761), и немец Юсти (1766), и итальянец Верри (1771) тре-

---

тиры), накладных, обложение которым входит в состав издержек производства и сливается с ценой, общий налог на обращение товаров (введен в Германии во время войны) и т. д.

[1]) Smith. B. V. ch. II. 2.

бовали равномерности в обложении, точного определения налогов законом, удобства для плательщика, возможно меньших расходов взимания, прибавляя к этому, что налоги не должны чрезмерно обременять подданных, не должны задерживать роста населения, торговли и промыслов, не должны наказывать за успехи в области промышленности. Эти последние требования экономического свойства Смит не выделял особо, исходя из того, что в его четырех правилах, в особенности в первом и четвертом, уже содержатся те условия, которые экономическая жизнь ставит правильно построенной системе налогов.

Заслуга Смита заключалась не в новом открытии этих принципов, а—как и во многих других случаях—в яркой и точной формулировке и обосновании их, как и в том, что их выдвинул именно он, Адам Смит, у ног которого сидели экономисты и политические деятели, в течение многих десятилетий, жадно ловя каждое слово учителя, Смит, которому внимала и за которым следовала вся Европа, глубоко уверовав в новое Евангелие великого шотландца.

Смит и рассматривал свои положения, как нечто, не вызывающее сомнений, как простейшие, элементарные требования, «продиктованные здравым смыслом» (Прудон). Но если он утверждал, что «очевидная справедливость и полезность их заставила все народы в большей или меньшей степени принимать их во внимание», то последующими фактами, приведенными в его книге, он сам же опровергал себя. Эти принципы, еще только к тому времени проникшие в науку, едва начинавшую расставаться с сословными взглядами и предразсудками, от жизни были весьма далеки. Нужна была сильная и продолжительная борьба с укоренившимися и в государстве и в обществе мнениями и представлениями, с заинтересованными сословиями и классами, прежде чем эти требования были признаны аксиомами и успели претвориться в действительность, одни полностью, другие в большей или меньшей степени. Самый смысл их понимался различно в те времена и в последующие эпохи, с изменениями в жизни и они меняли свое содержание.

Так, принцип известности плательщику размеров причитающейся с него суммы и срока ее уплаты, как и ясности предъявляемых к нему требований (второе правило), превратившийся для нас, действительно, давным давно в аксиому, о которой и упоминать не стоит, имел совершенно иной смысл в те времена, когда все дер-

жалось втайне, тарифы не публиковались и лишали плательщиков возможности контролировать сборщиков, благодаря чему произвольные надбавки сеньоров и чиновников в свою пользу были вполне возможны,[1]); когда неясность и многословие в податном законодательстве доходили до геркулесовых столбов, одна прибавка громоздилась на другой, превращая постановления об акцизах, таможенных пошлинах и иных сборах в китайскую грамоту, непонятную даже для опытных людей.

Конечно, и в настоящее время положения, нормирующие права и обязанности плательщика, сплошь и рядом пишутся не тем языком, который понятен населению; английские и американские податные законы и до сих пор страдают растянутостью, повторениями и отсутствием систематичности, французское законодательство о гербовых сборах состоит из 210 законов и 250 инструкций, изданных в течение столетия и до сих пор не кодифицированных. Но все же это ничто, по сравнению с тем, что во времена Форбонне одни заголовки постановлений об акцизах в той же Франции составляли 12 томов большого формата, а в Англии в первой половине XIX ст. насчитывалось 40 сохранивших силу парламентских актов о налоге на стекло и свыше 25 об акцизе на бумагу.

Не подлежит для нас ни малейшему сомнению и необходимость определенности налогов, содержащаяся в той же второй максиме Смита. «Как показывает опыт всех народов,—писал он,—даже значительная неравномерность не составляет столь крупного зла, как малейшая неопределенность», имея в виду факты XVII—XVIII ст., и не в одной Англии, но и в других государствах, в особенности во Франции, условия, которые, однако, ныне давно отошли в область преданий. Речь шла о тех злоупотреблениях в эпо-

---

[1]) Во время путешествия Александра I в 1802 г. крестьяне и помещики жаловались, что разнообразием, раздробительностью и различными сроками казенных и земских податей ввержены они в такую неизвестность о точном их количестве, что от власти земских чиновников зависит увеличить или уменьшить сии сборы «Вследствие этого, повелено было, привести подати в единообразие,» чтобы каждый подданный точно и постоянно знал, что и когда именно платить он должен, чем как лихоимство при сборе сих податей существующее, так и самовластныя требования земских начальств скорее и удобнее пресечены быть могут, нежели следствиями, судами и наказаниями». (Бржеский. Недоимочность и круговая порука сельских обществ 1897, стр. 96).

ху старого режима, которые были сопряжены с обложением плательщика на основании растяжимых признаков имущественной состоятельности и которые заставили заменить их точно определенными в законе указаниями, в виде обложения по числу окон и дверей, по наемной плате, по характеру промысла и количеству служащих и рабочих. Обложение на основании таких внешних моментов, хотя и вызывало сильнейшую неравномерность, в виду их весьма отдаленной связи с платежеспособностью облагаемого, но все же составляло прогресс, по сравнению с предшествующей эпохой крайнего произвола. Называя неправильное распределение меньшим из двух зол, Смит являлся выразителем общего мнения того времени.

Французская финансовая наука, однако, еще спустя полтора столетия после Смита повторяла эту аксиому его, понимая ее именно в том смысле, как ее формулировал автор, когда он говорил, что при недостаточной определенности в обложении «всякий плательщик оказывается в большей или меньшей степени в руках сборщика, который из вражды может обложить его выше, чем следует, или, угрожая этим, может вымогать у него взятки или иные выгоды». Они забывали о том, что времена меняются, меняется и физиономия сборщика, или точнее—податной администрации, и то, что в те времена было связано с большими опасностями,—определение размеров дохода или имущества плательщика,—в настоящее время стало обычным, практикуемым во всех странах, и вовсе не влечет за собой гибели и разорения его, взяточничества и вымогательства со стороны тех, в чьих руках он, якобы, находится. Развивая второе положение Смита, они подчеркивали, что казна должна держаться на почтительном расстоянии от плательщика, поменьше попадаться ему на глаза, приводили слова Милля, что населению менее неприятен факт платежа, чем самый процесс уплаты, фигура сборщика и предъявляемое последним требование. Они создали даже новую «аксиому»: «необходимо избегать слишком непосредственного контакта между податными чиновниками и плательщиками». Но жизнь быстро показала, как мало общего у нее с аксиомой. Самим французам пришлось, в конце-концов, в XX веке похоронить прежнюю определенность, допустить «произвол» «сборщика» в лице контролера прямых налогов, проверяющего подаваемую плательщиком декларацию дохода, создать самую

непосредственную близость и соприкосновение между фиском и населением.

В то время, как приведенное второе положение Смита имеет для нас мало реального значения (если не считать требования большей удобочитаемости податных законов и инструкций), третье и четвертое, касающиеся техники обложения и издержек взимания, будучи в настоящее время также общепризнанными, все же на практике осуществляются и могут осуществляться далеко не в той степени, как это было бы желательно. Но, во всяком случае, со времени Смита сделаны значительные успехи и в этом направлении—они в интересах самой казны. Выполняется не только старинное требование взимания налогов мелкими дозами, «как поступают пчелы и пьявки» (помесячные платежи и рассрочки), но по мере возможности, и казна считается с тем, что в кошельках плательщиков с известной правильностью прилив и отлив сменяют друг друга. Казна поступает подобно опытному кредитору, старающемуся, в собственных же выгодах захватить должника в наиболее подходящее время, или, по выражению Тэна, стрижт свое стадо в тот момент, когда шерсть его отросла и отличается наибольшей густотой.

Четвертое положение Смита не сводится, в сущности, к одному сокращению издержек производства. Смит выходит далеко за эти пределы, сопоставляя поступления казны и потери плательщика и требуя возможного сокращения расстояния между теми и другими. Это означает принцип экономии, необходимый для всякого хозяйства,в том числе и для государственного, принцип достижения наибольшего результата с наименьшими усилиями, принцип наибольшего чистого дохода и наименьших издержек производства. В своей брошюре: «Как превратить большое государство в маленькое» Франклин писал: «если вы хотите вызвать в населении ненависть к налогам и сопротивление при взимании их,—установите высокое вознаграждение для сборщиков; пускай они живут в роскоши, создаваемой потом и кровью трудящегося населения, без конца изнуряемого дорого стоющими преследованиями».

Советы Франклина исправно выполнялись в дореволюционную эпоху и во Франции, и в Германии, Австрии и в других странах. Повсюду налоги, в особенности налоги на потребление, сдавались на откуп, этим «пиявкам, сосущим кровь населения» (Юсти), сжи-

давшим свои записи, чтобы государство не могло установить нажитого ими (Стюарт), людям, «богатство которых основано на разорении, а не на благосостоянии народа». «Уже одно богатство откупщиков должно вызывать к ним общественную вражду; а тщеславие, которым обычно сопровождается такого рода быстрое обогащение, и глупое хвастовство, с которым они выставляют на показ это богатство, еще усиливает ненависть» [1]). Такими «величайшими врагами населения» (Сюлли), которое, уплачивая налоги, желает, по крайней мере, чтобы они попали в руки государства, являлись еще римские публиканы: образ действия последних вообще напоминал скорее вражеские набеги, чем взимание налогов: «куда вступила нога публиканов, там либо права государства упразднены, либо погребена свобода жителей»,—писал еще Тит Ливий. Восстания вызывали приемы откупщиков в Нидерландах, где в течение двух столетий (с пол. XVI до пол. XVIII ст.) просуществовала эта система, «наиболее дорого обходящаяся казне и наиболее тягостная для подданных» (Зонненфельс, 1765 г.). Во Франции все новоиспеченное крупное богатство XVII и XVIII ст. выражалось в огромных состояниях «fermiers généraux, financiers, traitants, partisans», как именовали откупщиков различных типов и степеней, им принадлежала значительная часть земель, ими были построены лучшие дворцы и замки. Старое дворянство пользовалось этим «удобрением для унавоживания своих владений»: приданое, полученное огромным большинством сеньоров, вышло из касс откупщиков. Откупная система, «своего рода, помесь из государственной службы и денежной плутократии, соединяющая лишь отрицательные стороны той и другой» (Рошер), «не знает жалости к людям; самый дурной государь имеет больше сострадания к своим подданным, чем можно ожидать от откупщика его доходов, ибо он знает, что величие его династии основано на благосостоянии народа»; но «если бы все разорились и пошли по миру на другой день по окончании срока откупа, откупщик бы от этого нисколько не пострадал» (Смит) [2]).

---

[1]) Smith. B. V. Ch. II. 2. IV.

[2]) См. об откупах: Thirion. La vie privée des financiers au XVIII siècle. 1895. Normand. La bourgeoisie française au XVII siècle. 1908. Janze. Financiers d'autre fois. 1886. Clement et Lémoine. Les derniers fermiers generaux. 1872, а также Forbonnais, ук. соч.

И у нас питейные откупа вызывали народные волнения: откупщики создавали стачки при торгах, отчего казна теряла; администрация находилась на жаловании у откупщиков, этих «привилегированных нарушителей законов»; на всякую попытку борьбы с их злоупотреблениями они отвечали, что это поведет к недобору выручки. В сенате «сдавались с торгов не питейные сборы, со злоупотребления, с ними сопряженные... В откупах все, с начала до конца, основано на обмане» [1]).

Во Франции накануне Революции косвенные налоги (на потребление) обходились народу, считая самый налог, расходы по взиманию и всякого рода взыскания, вдвое более того, что попадало в казну (371 милл. вместо 184), один налог на соль отнимал 100 милл. у плательщиков, чтобы доставить 45 милл. королю. Четвертая максима Смита нарушалась на каждом шагу, во всех направлениях. Она нарушалась по причине существования многочисленных казенных чиновников, жалованье которых поглощало значительную часть налогов, или же откупщиков с их приказчиками и служащими, которые являлись «не администраторами, а хозяевами, купившими население», и прибыль которых составляла крупную прибавку к суммам, получаемым казной; и в том и в другом случае имеется «дополнительный налог с населения, который ничего не приносит государственному казначейству». «Из тяжелого питейного налога,—писал у нас в 1853 г. Кошелев, который сам был 10 лет откупщиком, — при благоприятных обстоятельствах часть поступает в казну, а остальное—в карманы откупщиков, а при недовыручках казна должна не только рассрочивать платежи, но и слагать откупщичьи недоимки».

Но это положение не менее нарушалось и вследствие крайней жестокости способов взимания, совершенно разорявших население, составлявших для него гораздо больший ущерб, чем самый налог. Обязательная покупка соли во Франции (по ордонансу 1680 г. 7 ливров в год на каждого жителя старше 7 лет) приводила к тому, что ежедневно налагались аресты на имущество, и оно продавалось за долги только потому, что несчастные люди, не имеющие хлеба, не купили положенного количества соли. Такие же преследования и экзекуции производи-

---

[1]) См. Фридман. Винная монополия в России. 1916. Стр. 26.

лись при взимании прямых налогов; сборщики ходили со стражей, помещали у неуплативших военный постой, да иначе поступать не могли, ибо они ответили бы собственной шкурой [1]). Нарушители строгих и жестоких фискальных законов, контрабандисты и т. д. тысячами наполняли тюрьмы и галеры, население отрывалось от производительного труда, даже посылалось на виселицу. В Московском государстве «ослушников»-недоимщиков выводили на площадь и «били батоги нещадно, побивая на смерть», а на ночь с правежа метали в тюрьму—и так ежедневно, «покаместа они государевы денги не заплотят». При Петре и его преемниках «правили» «доимки» земские комиссары с полковыми командами; кормясь на счет обывателей, эти вооруженные сборщики наводили ужас на население, чинили жестокие экзекуции и взыскания. Подушный сбор,—читаем в разъяснении сената 1783 г.,—собирается и в доимке остается не с лица или не с помещика, но на целых волостях, селах и деревнях, коих крестьяне... платят от одной ревизии до другой, как сами за себя, так за умерших, престарелых и малолетних». От такой круговой поруки «прямые хлебопашцы и добрые хозяева многим отягощаются перед ленивцами»: когда последние не плотят подать, то «оную сбирают с исправных» [2]).

Требованию Смита противоречили и «постоянные посещения акцизных чиновников и столь неприятные для населения осмотры, которые, хотя и не означают собственно материального ущерба, но все же равноценны той сумме, которую охотно дал бы каждый, чтобы избавиться от них» (Смит). Служащие откупщиков (во Франции) могли ежедневно и ежечасно проникать в погреб крестьянина, в амбар, на кухню, в хлев, контролируя и проверяя, напр., не пользуется ли он «обязательной» солью, предназначенной только в пищу, для соленья поросенка (для этого надо было покупать особо), не потребляет ли он морской соли, не пасет ли скот в болотах, где имеется соль, и т. д. Неудивительно, если население, «с которого сдирали кору столь неумело, без всяких предосторожностей, в 1789 г. восстало против косвенных налогов, сначала в Провансе, затем в Париже и, наконец, по всей Франции, стало убивать, грабить и сжигать агентов фиска и податные бюро и борь-

[1]) См. у Boisguillebert. Le Detail de la France. 1697. éd. Daire. 176 сл.
[2]) Ержеский. 24, 43. 99—100.

ба его оказалась столь всеобщей, ярко выраженной и упорной, что Национальное Собрание, после тщетных попыток подчинить черни воле закона, кончило тем, что подчинило закон воле черни и отменило полностью все косвенные налоги» [1]) (на соль, спиртные напитки, табак, внутренние таможенные пошлины, октруа — сборы с съестных припасов, напитков, товаров при ввозе в города).

С тех пор многое изменилось. Исчезли откупа, перестали сажать в тюрьмы неисправных плательщиков и помещать к ним военный постой, исчезла у нас круговая порука крестьянских обществ, хотя последняя отменена лишь в начале XX века, а военные экзекуции просуществовали во Франции до 1877, в Саксонии до 1879 года. Расходы по взиманию значительно сократились: во Франции, напр., с 13,9 проц. в 1879 г. до 10,7 в 1828 г., 7,4 в 1836 г., 5,9 в 1876 г. и 3,7 в 1898 г. В Англии в области таможенных сборов они к концу XIX ст. не достигали 4 проц., тогда как в 20-х г.г. равнялись 7½ проц. При этом внутренние налоги на потребление и в особенности внешние (таможенные) всегда сопряжены с большими издержками, чем прямые налоги (во Франции в 1898 г. первые 3,5 проц., вторые 7, третьи всего 2,4; с 1828 по 1876 г. расходы упали для прямых с 5,1 до 3,5 проц., для таможен и соли с 18 до 10,2, для питейных и иных сборов с 15,0 до 4,4) [2]).

Современное государство помнит о завтрашнем дне, о том, что нынешний плательщик есть в то же время и будущий плательщик, и поэтому старается не разорять его. Но не надо забывать и того, что в прошлом являлось необходимым и неизбежным многое из того, что теперь легко устранить, заменяя более совершенными приемами податной техники. Откупа имели основание в ту эпоху, когда «раскладка среди самих плательщиков уже не годилась, а правительственные чиновники еще не годились». Без круговой поруки немыслимо было обойтись, когда государство еще не в состоянии было подойти к индивидуальному плательщику, считаться с ним, как с отдельной личностью, не имея ни сил, ни возможности для этого—«руки у него были коротки». Тогда приходилось пользоваться естественными союзами, городом, крестьянской общиной, той или иной корпорацией и взваливать на нее бремя обло-

---

[1]) Taine. Ancien régime. 463 сл. 468 сл. Régime moderne. I. 276 сл.

[2]) Leroy-Beaulieu. I. 329 сл.

жения. Союз являлся «драгоценным, незаменимым сотрудником правительства», он отвечал за исправность поступлений, члены его «верстались между собой».

Если уже формы и способы обложения и взимания изменяются вместе с развитием податной техники, если и порядок взыскания податей обусловливается общими приемами в области понуждения к платежам—ведь, и неисправных должников сажали еще в начале XIX ст. в Англии в долговую тюрьму,—то еще более отличается относительностью, должен сообразоваться с экономическим и моральным обликом данной эпохи принцип справедливости и равномерности в обложении, тот принцип, который Смит выдвигает в качестве первой максимы, но который отступает на второй план у Вагнера, Гельда, Нассе, отдающих предпочтение фискальному моменту [1]). Вместе с эпохой меняется и понятие податной справедливости; то, что являлось прежде равномерным, перестает им быть, то, что признавалось прежде справедливым, не оскорбляло ничьего чувства, не удовлетворяет более новым взглядам, не соответствует требованиям населения. Не следует упускать из виду, что задача исследователя состоит не в том, чтобы изрекать вечные истины, и не в том, чтобы прописывать «финансовые рецепты», а в изучении хода развития финансов, их систем, форм и способов, в установлении связи между финансами и прочими сторонами жизни и в определении того, как достигнуть тех задач и целей, которые себе ставит данная эпоха, насколько они при современных средствах выполнимы, насколько тот или другой вид дохода в определенной форме и в известной конструкции гармонирует с этим идеалом, ведет к нему или, напротив, расходится с ним, нарушает его. «Роль науки относительно наших идеалов,—говорит И. Х. Озеров,—это роль пробирной палатки: она определяет степень годности и осуществимости наших пожеланий» [2]). Это более всего необходимо иметь в виду при оценке справедливости

---

[1]) Вагнер увеличивает податные принципы до девяти, разбивая их на четыре группы: 1) фискальные—достаточность (в смысле покрытия расходов), эластичность (способность автоматически расти), 2) экономические—выбор надлежащего источника и объекта (учет перелагаемости), 3) справедливости—всеобщность и равномерность, 4) податной техники—определенность, удобство и дешевизна. (Wagner. II. 304 сл.).

[2]) Озеров. I. 12.

налогов—этому принципу мы посвятим особые главы (вопросам свободного минимума, прогрессивного обложения, учета индивидуального положения плательщика).

Во все времена и эпохи человеческий ум много изощрялся над изобретением новых налогов и целых податных систем—«налогомания принадлежит к числу наиболее опасных видов умопомешательства», как выразился один политический деятель. Одну из форм ее составляет «навязчивая идея» единого налога, который способен заменить всю пеструю мозаику современных податных систем «несправедливых, возмутительных, жестоких, грабительских, невыносимых», и все же не предохраняющих бюджет от дефицитов. «Изобретатели» и предлагали одним ударом сорвать старое здание налогов с его надстройками и пристройками, в которых видна рука разных мастеров и разных эпох, и на расчищенном месте возвести новое строение, строго выдержанное по своему стилю, проникнутое единой мыслью и единым желанием, вполне приноровленное к нашим современным взглядам, понятиям и требованиям.

О таком едином налоге-благодетеле говорил еще Вобан (1707 г.), но у него под руками dime royale незаметно превратилась в целую систему податей: она не только распадалась на ряд подоходно-поимущественных налогов, но и сохраняла обложение соли, таможенные пошлины и еще некоторые сборы. Своего рода фетиш сделали из идеи единого налога физиократы, представление о которых настолько неразрывно связывалось с этой мыслью, что Наполеон прямо спросил аббата Морелле: «Вы экономист (т.-е. физиократ), значит добиваетесь единого налога?». Но в жизни они не пытались осуществить этот идеал. Едва ли и Маркс, провозглашая полвека спустя (в 1848 г.), в своем «Коммунистическом манифесте» единый прогрессивно-подоходный налог, рассчитывал на возможность вытеснения всех прочих; он усматривал в нем,—как, впрочем, до него Бабеф и многие другие,—лишь средство уничтожения капитала и капитализма. В 50-х годах сочинил утопию единого налога Жирарден, заменяя все существующие подати налогом с имущества, являющимся, сообразно распространенной в те времена теории (см. стр. 77)—вознаграждением за страхование, за те выгоды, которыми пользуется плательщик от государства. Но не ограничи-

ваясь этим и играя на чувствах толпы, Жирарден предлагает единство в обложении всего мира. «Единство в измерении труда есть уже—все цивилизованные народы исходят из понятия лошадиной силы, для единства в метрической системе и в монете остается сделать еще один, последний шаг. Единство налога явится куполом великого здания, построенного в честь мира и свободы... Единство! Единство! К нему стремятся все народы. Единство в мерах и в часах, где стрелка показывает то же время в Лондоне и Константинополе, в Риме и Москве, в Вене и Нью-Йорке, в Париже и Кантоне, остановится в своем триумфальном шествии не ранее, чем оно подчинит своему закону и исправит варварские налоги» [1]).

Характерно, однако, что тот же Жирарден, который рисует столь заманчивые перспективы, требует подачи каждым точной и правильной декларации всего своего имущества, актива и пассива, под угрозой лишения плательщика «прав на какие-либо социальные гарантии», иначе говоря, неправильное показание имущества влечет за собой отказ в охране со стороны государства, потерю всех прав, предоставление человека на произвол судьбы. Да иначе и быть не могло. Тот, кто обсчитывает казну на одном налоге в настоящее время, не уклоняется и не в силах уклониться от уплаты других, тогда как, избегая единого налога, он освобождает себя от всяких сбязанностей по отношению к государству. Искушение же тем больше, чем значительнее единый налог, а он должен неминуемо достигать неимоверных размеров, столь же сильно обременяя население, сколь увеличивая риск для государства; в случае неблагоприятной конъюнктуры или при недостаточно решительных способах взимания—пришлось бы вернуться к старым приемам—оно могло бы очутиться совершенно на мели, оказаться полным банкротом. В то время, как различные пороки обложения в настоящее время распределены между рядом налогов, нередко компенсирующих друг друга, присвоены каждому лишь в известной небольшой дозе, всякий недостаток,—а найти налог, блещущий одними достоинствами, так же немыслимо, как отыскать такого человека,—оказался бы сгущенным, сконцентрированным, доведенным до прямо невыносимого состояния в одной единственной огромной подати.

[1]) Girardin. 168.

Поэтому-то на заявления фантазеров, что они намерены поставить на место impôt inique (т.-е. несправедливого налога) impôt unique (единый налог), трезвые люди отвечали: l'impôt unique est l'impôt inique,— налог единый есть именно налог несправедливый, наиболее несправедливый. И народы недаром предпочитали во все времена одному налогу множественность их, памятуя, что «человек, который был бы сокрушен тяжестью, заключающейся в одном предмете, легко выносит ее, когда она распределена по всему телу».

Конечно, в наиболее ранний период, когда все богатство племени выражается в одних стадах, в пушных зверях или в занимаемой им площади земли, и налог имеет упрощенный характер дани в скоте, в мехах или в произведениях почвы. Но с дальнейшим развитием хозяйственной жизни, по мере того, как богатство принимает сотни разнообразных и бесконечно изменяющихся форм и видов, и обложение вынуждено множиться и дифференцироваться, следовать за переменами в облагаемых объектах, отличаться такой же пестротой и подвижностью, как они, рискуя в противном случае оказаться отсталым, бессильным, нежизнеспособным.

Рядом с дифференциацией в обложении происходит, правда, как и во всех прочих областях общественной жизни, и своего рода интеграция. Совершается слияние «многоплодных» сборов, которые особым обилием отличались в XVII—XVIII веке и у нас, и в Англии, Пруссии, Голландии в равной мере, и которые «назойливым июльским оводом приставали к плательщику на каждом шагу», казны же не наполняли: «токмо людям трубация (смущение) великая: мелочной сбор, мелок он и есть»,—писал Посошков [1]). Они заменялись постепенно, в особенности в Англии в пол. XIX ст., немногими крупными и важными в фискальном отношении налогами. В то же время государство, которое разбивалось ранее на многочисленные, возникшие самостоятельно, податные системы, стало объединяться и в фискальном отношении; налоговая карта страны упрощалась, прежняя пестрота разнообразных по районам и областям налогов исчезала. Обложение соли во Франции, распадавшееся в XVIII ст., при фискальной моно-

[1]) Посошков. 94.

полии на шесть различных провинциальных систем, причем цена соли в одних местностях была в 20—30 раз выше, чем в других, уступило место при Наполеоне однообразному для всей страны налогу на соль; 67 местных таможенных тарифов, существовавших в одной лишь Пруссии в начале XIX ст., постепенно превратились в единый таможенный тариф на протяжении всей Германской империи. У нас вместо смеси казенной монополии, откупов и акцизной системы, в обложении вина и табаку в XVIII веке находим с 1838 г. единый для всей страны акциз на табак и с 1863 г. на водку. Последний сменяется казенной винной монополией, охватившей с 1901 г. всю Европейскую Россию, а затем распространившейся и на Сибирь, обнимая в 1909 г. район с числом жителей свыше 136 милл. и с 27 тыс. казенных винных лавок.

Налоги на потребление, как внутренние, так и внешние (таможенные) обнаруживают в настоящее время однообразие даже на пространстве союзных государств, являясь собственностью союза, а не составных частей его, ибо разнообразие препятствовало бы свободному товарообмену в пределах всей страны, разбивало бы последнюю на ряд самостоятельных рынков. Напротив, прямое обложение отдельные германские государства, швейцарские кантоны, американские штаты удержали в своих руках, и лишь в самое последнее время такие меры, как подоходный налог, установленный конгрессом Соединенных Штатов, или введенный германским рейхстагом налог на прирост имущества, означают первые шаги по направлению к унификации и в этой области.

Таким образом, процесс податной эволюции, как и всякой эволюции вообще, комбинирует оба признака—дифференциацию и интеграцию, но в полном противоречии с этим процессом, как и вообще с развитием и современным состоянием общества, находится доведенное до крайности упрощение налоговой системы, производящий насилие над многообразием действительной жизни единый налог.

Какие налоги лучше—прямые или косвенные? И такой вопрос ставился теми, кто не доходил, правда, до утопии единого налога, но желал выбрать из двух частей податной системы более совершенную, выбрасывая за борт другую, по его мнению, менее удачную. Однако, самая постановка проблемы во многих отношениях

напоминает ученические сочинения на тему о том, где лучше жить: в городе или в деревне? Неудивительно, если мнения разделялись, и одни столь же усердно предавали анафеме жестокие, облагающие неимущих, налоги на потребление, требуя их замены подоходным налогом, как другие отдавали им предпочтение в качестве последнего слова цивилизации, налогов всеобщих, наиболее удобных для населения. Один шутник разрубил узел очень просто: и те и другие вредны и опасны, разница лишь в форме—прямые налоги означают разбой (открытое отнятие имущества), косвенные—кражу (тайное, незаметное похищение). Напротив, Гладстон в своей известной речи в парламенте 1861 г. старался примирить спорящих. «На большинство людей и те и другие,—что вполне естественно,—производят отталкивающее впечатление. Я же держусь прямо противоположного мнения, несомненно больше по причине своего оффициальнгоо положения, чем в силу каких-либо иных оснований. Я всегда представляю себе прямые и косвенные налоги в виде двух сестер приятной наружности, вращающихся в лондонском обществе; обе имеют хорошее приданное; и та и другая, происходя от тех же родителей (родителями же их были нужда и изобретательность), различны лишь настолько, насколько могут отличаться сестры, когда, напр., одна из них брюнетка, другая—блондинка; качества их неодинаковы, но в равной мере симпатичны, одна отличается большей откровенностью и смелостью, другая сдержаннее, застенчивее, вкрадчивее. Я не вижу, почему среди поклонников обоих девиц должна господствовать вражда, и я прямо скажу—хотя это, быть может, не соответствует строгим законам морали,—что в качестве канцлера казначейства, как и депутата, я всегда считал не только требованием вежливости, но и своей обязанностью ухаживать одновременно за обоими сестрами» [1]).

Действительно, всякая податная реформа, как в Англии, так и на континенте, всегда выражалась в увеличении ставок и в перестройке системы обложения и прямых налогов и налогов на потребление. Не принося в жертву ни той, ни другой категории, а, напротив, отыскивая средства и тут и там, совершенствуя каждую из них, законодательство старается путем их сочетания создать из-

[1]) Gladstone. Financial Statements. 241,

вестную гармонию, по возможности нейтрализуя те или иные дефекты одной группы соответствующими достоинствами другой. Так поступал Ллойд-Джордж в своем знаменитом бюджете 1910 г., вызвавшем такую бурю в палате лордов, предлагая рядом с дополнительным подоходным, увеличенным наследственным налогом и новыми поземельными податями (на прирост ценности земель, на незастроенные участки, на недра) и налог на автомобили и на необходимый для них керосин, и усиленное обложение питейных заведений и новые сборы с пивоваренных заводов. Точно также во время великой войны, когда нужда бюджетная стала особенно сильна, все страны черпали одновременно из обоих источников. Подоходный и поимущественный налоги были так же мобилизованы, как кофе и чай, спирт и виноградное вино, железнодорожные билеты и почто-телеграфные отправления. Все они должны были придти на помощь казне, не говоря уже о впервые призванных на службу военных налогах на прирост ценности имущества, дохода, промышленной прибыли. Только немцы, делая незадолго до войны (в 1906, 1909, 1913 г.г.) многочисленные, но большею частью неудачные, попытки реформ, ибо каждая партия стояла за налоги, но только за такие, которые будут платить другие,—только они возмущались подносимым рейхстагу податным «букетом». Они находили этот привившийся термин весьма хромающим, так как в этой комбинации из многообразных сортов и видов обложения именно нарушалась та гармония для глаза и носа, которою отличается букет цветов, создавалась редкая бесвкусица, пестрая лента из лоскутков всевозможных материй.

«На неудовольствие с разных сторон и в достаточной мере надо рассчитывать, во всяком случае,—говорит Кон,—но повод для этого следует, по крайней мере, сосредоточивать в немногих определенных местах, а не усиливать раздражение всевозможными придатками. Мало того, что (новый) налог с наследств вызывает моральное возмущение в виду опасений за святость семейного очага; мало того, что директора пивоваренных заводов, под руководством государственных мужей, борются за культурную миссию пива; мало того, что папиросные фабриканты защищают папиросу бедняка,—ко всему этому еще возбуждать гнев всей путешествующей публики и всех деловых людей рядом булавочных уколов с проблематичным к тому же фискальным эффектом» (налоги

на железнодорожные билеты и на биржевые операции), уже не говоря о печати, со скрежетом зубовным встречающей проект о налоге на рекламу, об автомобильных заводах, объявляющих свои изделия высшим проявлением человеческого духа (сбор с автомобилей),—такая комбинация едва ли свидетельствует об осторожности, строгой продуманности, об умелой руке составителя [1]).

И все же, как ни неудачно был, быть может, составлен «букет» в том или другом отдельном случае, как ни затруднялось прохождение его чрез чистилище парламента,—по самой идее своей такой комбинированный законопроект не может вызывать возражений. Мыслимо ли охватить народное богатство в немногих выражениях его, когда эти выражения стали столь многообразны?

И. Х. Озеров отказывается дать сравнительную оценку прямых налогов и косвенных: все зависит от того, о каком прямом налоге или налоге на потребление идет речь. Возьмите, напр., подушный налог, как прямой, с одной стороны, и налог на шелковые ткани или дорогие вина—с другой стороны. Мало того, все зависит от того, что принято за масштаб измерения того или другого объекта обложения—чистая ли доходность или какие-либо грубые внешние признаки. По степени равномерности в обложении он сопоставляет подушный налог в его примитивной форме с обложением хлеба или соли, сословно-классный—с акцизами на табак или спирт, подоходный или наследственный—с налогами на роскошь [2]).

Необходима, следовательно, строгая индивидуализация каждого налога, тщательный анализ его, сугубая осторожность в оценке, считающаяся лишь с его личными качествами, но не ставящая ему в вину и не приписывающая ему в качестве достоинства свойств его рода и племени. В 1908 г. в Германии был произведен подсчет поступлений от прямых и косвенных налогов (имперских, государственных и местных). Первые дали 1606 милл. мар. или 25,8 мар. на душу населения, вторые—1446 милл. или 23,2 мар. на душу населения. Расчет был правильный—в прямые налоги вошли все подоходно-поимущественные (в том числе наследственный), в косвенные—налоги на потребление, таможенные пошлины

---

1) Cohn. Betrachtungen über die Finanzreform des Reiches. 1913. p. 35—36

2) Озеров. I. 253. 257.

и, по обычаю, налоги на обращение. Но строгая критика возбудила вопрос даже по поводу подоходного налога. Разве это действительно налог на имущих, на тех, усиленного обложения которых требуют? Читая, что прямое обложение берет с «имущих» 25,8 мар., только близко знакомый с податной системой соображает, что речь идет о широких слоях населения с доходом в 900—3000 мар., дающих наибольшую часть подоходного налога и попавших в категорию тех, чье «состояние» облагается, тогда как они владеют всего только небольшим доходом [1]). Так что даже подоходный налог еще вовсе не обозначает привлечения наиболее состоятельных, а тем более привлечения последних в достаточной мере — вопрос решает его конструкция, характер прогрессии, способы выяснения дохода.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Принцип всеобщности обложения.

Из происхождения налогов вытекают и пределы их действия, субъект обложения. Возникнув из дани с подвластного населения, из феодальных повинностей, налог должен был надолго сохранить свой рабский характер, не мог распространяться на свободного человека. Обложение последнего подушной податью — tributum capitis — или налогом с его земли, — иного имущества еще нет, — равносильно умалению его свободы, внесение его в податные списки роняет его достоинство. Для него существует иная, более почетная, форма участия в расходах государства: добровольный сбор — don gratuit — приношение, подарок,—другой источник (см. стр. 60, 69) возникновения налогов. Мы служим герцогу кровью и оружием, когда он нас зовет, но не деньгами,—заявляют баварские рыцари в 1449 г. Духовенство молится за других, напутствует и увещевает их, дворянство их защищает с оружием в руках; население прокармливает и тех и других, обрабатывая землю и уплачивая подати—провозглашают Etats généraux 1484 г. И угрожающе прибавляют: можно ли заставить платить тех, кто привык, в инте-

---

1) Cohn. Finanzreform. 68.

ресах государства, раздавать не деньги, а удары копьев? [1]). Ещё триста лет спустя, в XVIII в., главная подать — taille — изображалась в качестве военного налога, взимаемого только с сидящих дома, являющегося как бы заменой военной службы, выкупом. Духовенство же не платит ее потому, что оно вообще никакого отношения к войне не имеет, по самому своему существу изъято от военной службы.

Но этот смысл изъятий от налогов скоро исчез, эквивалента более не оказывалось, появилась чистая, не только формальная, но и фактическая (материальная) привилегия, когда феодальная армия стала вытесняться национальной, когда старая фикция, что война есть дело аристократии, долг ее одной, была опровергнута действительностью. А эта-то новая, наемная армия, армия постоянная, и создала, как мы видели (см. стр. 65 сл.), и постоянные налоги, которые несла на своих плечах попрежнему лишь одна часть—и наименее имущая—населения, притом часть, не возраставшая, а, напротив, сокращавшаяся, так что содержание армии все более и более жестоко давило ее—ей приходилось возмещать обязанности освобожденных.

Обширны были группы привилегированных, не уплачивавших французской taille. «Трудно поверить,—заявлял впоследствии, в 1789 г. Дюпон де-Немур,—что достаточно было быть богатым, чтобы стать дворянином, и достаточно было быть дворянином, чтобы прекратить уплату налогов: так что есть один только способ избегнуть обложения—разбогатеть». Однако, изъятие дворянства и духовенства в XVIII ст. ничто, по сравнению с той массой третьего сословия (voturiers) или едва вышедших из него групп, жителей свободных городов, лиц со всевозможными титулами (Вольтер приобрел с этой целью звание «gentilhomme de la chambre du roi»), бесчисленных сословий и профессий, которые многообразными средствами сумели выбраться из униженного, поруганного класса, подверженного убийственным нападениям налога.

Привилегии пытались ограничить, определяя, что число их не может превышать 4—8 в приходе (кроме больших городов), что освобождается лишь известное количество земли и притом в одном

[1]) Clamageran. II. 72.

только приходе, там, где это лицо имеет постоянное местожительство. Но такого рода постановления, изданные в интересах не только плательщиков, но и казны, ибо при большом количестве изъятий она не могла рассчитывать на следуемую с прихода сумму, хотя и повторялись многократно, но оставались на бумаге. Обычно изъятия, дозволенные для одного прихода, распространяются на владения привилегированных и во всех прочих и далеко превышают установленный размер. Плательщики фиктивно сбывают им имущество, чтобы избегнуть налога. Арендаторов выдают за батраков привилегированных,—средство повысить им арендную плату за счет освобождения их от подати. Власти смотрят на все эти нарушения сквозь пальцы. Несчастные, забитые сборщики, дрожащие перед богатыми и сильными, не смеют возражать и спорить [1]).

Налоги на потребление отличаются всеобщностью, здесь никакие личные изъятия невозможны. Это превозносил еще Гоббс, настаивая на универсальном акцизе—потребителями являются все, всякий что-либо потребляет. Но из этого вовсе не следует, что эти налоги не знали привилегированных сословий. Исходную точку в обложении предметов потребления составляли сеньориальные баналитеты—мельница, пресс для выжимки вина, пивоваренный чан, которыми обязаны были пользоваться крестьяне и которые являлись столь же доходной статьей для вотчинника, как и содержимые им кабаки. Таким образом, и в области налогов на потребление феодальная аристократия не только сама была свободна, но еще облагала прочее население. Она увеличивала свои доходы от этих статей, устраивая погреба и кабаки и за пределами вотчин, в городах, причем не только продавала здесь распивочно и на вынос собственное пиво и вино, но и закупала эти напитки у других лиц с целью перепродажи. Во Франции духовенство и дворяне «vivant noblement» признаны свободными от налогов на потребление не только в отношении своих домашних потребностей, но и при подобном извлечении прибыли из сбываемых ими продуктов [2]).

И впоследствии, вплоть до XVIII ст., в Баварии и других странах сохранились дворянские и монастырские кабаки,

---

[1]) Marion, Les impôts directs sous l'ancien regime, principalement au XVIII siècle. 1910. p. 811.

[2]) Clamageran. I. 478. См. Кулишер. Комм. обложение, 156.

где рядом с пивом и вином продавался и спирт (водка), сохранились изъятые от обложения пивоваренные и винокуренные заводы в поместьях. Наконец, даже там, где их не было, налоги на потребление были построены таким образом, что облагалось зерно, привозимое на мельницу, спиртные напитки, продаваемые в розницу или в питейных заведениях, тогда как обложение не касалось потребляемых в собственном хозяйстве продуктов, так что помещики и монастыри оказывались вне сферы действия акцизов [1]). И привилегированные сословия ревностно охраняли свои преимущества от каких бы то ни было посягательств. Когда Великий курфюрст в 1667 г. проектировал замену жестокого прямого обложения, вызывавшего возмущение в городах, обложением предметов потребления, дворянство заявило решительный протест, говоря, что в этом случае «от всех его свобод и привилегий останется одно название, тогда оно нисколько не лучше горожанина или мужика». В виду этого, акциз в форме небольшого подушного и поземельно-промыслового обложения и многочисленных сборов при ввозе, продаже и производстве съестных припасов, напитков и всякого рода товаров был ограничен одними городами, и это распадение податной системы на две самостоятельные и отличные друг от друга части—городскую и деревенскую, сохранилось в течение свыше столетия [2]). И во Франции изъятия в области налогов на потребление просуществовали вплоть до Революции. Лица, входившие в состав собрания нотаблей 1787 г., почти все были свободны даже от такого жестокого налога, каким являлась знаменитая «gabelle »—обложение соли; они получали соль по цене производства (franc-sel). [3]).

Уже Жан Боден в XVI ст. спрашивает: что может быть абсурднее сословных изъятий? В Двенадцати артикулах крестьянской войны 1525 г. еще нет жалоб на податные привилегии, но в том же веке съезды городов протестуют против освобождения рыцарей, которые за свою службу получают и плату, и муку, и фураж, тогда как городам приходится участвовать в походах на свой счет. В XVII ст. находим уже сочинение, под названием, «Рассуждение об обложении духовенства», которое настаивает на привлечении

---

[1]) Troeltsch. Finanzarchiv. VII, 264. сл. Schmellzle. 313-23.
[2]) Schmoller Umrisse. 152.
[3]) Stourm. I. 309.

клириков: государство ведь всегда вправе реквизировать нужное для защиты его имущество, в случае опасности, разрешено даже превращать церкви в крепости, а каноническое право дозволяет продажу церковной утвари для освобождения пленных—но сколь целесообразнее предупреждать полонение их,—наконец, в осажденном городе и духовенство обязано нести сторожевую службу.

Таким образом, именно военный характер податей являлся мотивом к привлечению всех и каждого к несению их. И нужда заставляла государство нарушать привилегии, ссылаясь на освобождении дворянства от службы: взамен вооруженного человека с лошадью требовали денежную сумму—эквивалент. В Пруссии последний в 1717 г. был установлен в 40 талеров с лошади. Юсти называет эту сумму чрезмерно низкой: рассчитывая стоимость лошади, которая может служить три года, ежегодный расход на содержание ее и всадника и на его вооружение, он получает 170 тал., т.-е. вчетверо больше.

Вообще, Юсти находит, что все подданные государства, к какому бы сословию они ни принадлежали, пользуются его защитой, а, следовательно, обязаны нести соответствующую долю его расходов, сообразно своему имуществу. Кроме того, дворянские и баронские земли составляют такую же непосредственную собственность государства, как земли горожан и крестьян. Но,—прибавляет он,—такова уже судьба государств, что они влачат грехи прежних форм управления в качестве как бы наследственных и неизлечимых болезней. Они, ведь, возникли из соединения монархии и аристократии, и дворянство, в руках которого находилась такая власть, считало своим правом освобождение своих владений.

Казалось бы, после всего этого, Юсти должен был бы настаивать на устранении этой болезни, но он боится, как бы обложение дворянских земель наравне с прочими не вызвало бы сразу сильного падения их ценности—на четвертую часть (теория амортизации налогов! см. стр. 115 сл.); надо сначала хорошенько подумать, прежде чем заставить целый класс подданных, без его вины, нести такой убыток [1]).

---

1) Iusti. System des Finanzwesens etc. 1766. p. 440—41.

Напротив, резко высказался против всяких изъятий в 1707 г. Вобан в своей «Dime royale». Престарелый маршал решился выступить с требованием равенства всех в обложении при дворе Людовика XIV, насквозь проникнутом сословными понятиями, идеей величия единственного несравнимого с прочими, сословия, дворянства. В этом заключается красота поступка Вобана, этим он воздвиг себе нерукотворный памятник. «Нет ничего более несправедливого, чем освобождать от несения налогов тех, кто наиболее в состоянии уплачивать их, сваливая это бремя на наименее состоятельных, которые падают под этой тяжестью, хотя она могла бы быть весьма легкой, если бы была распределена между всеми пропорционально средствам каждого» [1]). Вобан создает единый, общий для всех, не взирая на сословие и положение каждого, налог.

Но, как и следовало ожидать, у Людовика XIV, предупрежденного многочисленными заинтересованными лицами, поднесенный проект нашел весьма холодный прием. Автор впал в немилость короля. Все огромные заслуги этого выдающегося инженера, его единственный в своем роде, проявленный во время многочисленных войн, талант были забыты. Король видел в нем безумца, помешанного на общественном благополучии, преступника, подрывающего авторитет его министров, а, следовательно, и его собственный. Идея равенства слишком била в лицо в те времена, вызывала протест всех тех, кто жил несправедливостью и злоупотреблениями, т.-е. огромного большинства придворных обожателей короля. В силу ордонананса 14 февраля 1707 г., замечательная книга Вобана была конфискована и сожжена, и, покинутый всеми, маршал вскоре умер,—жертва этих «великих неблагодарных», как назвал Вольтер королей. Однако, книга его была немедленно вновь напечатана и распространилась во многих тысячах экземпляров, вызывая энтузиазм в сердцах населения.

Провал Вабана заставил других уже молчать. Ни Форбонне, ни Буагильбер, ни даже Вольтер или Мирабо, аббат Сен-Пьер или составители «Ephémérides du Citoyen» и энциклопедисты почти не затрагивают этого щекотливого и опасного вопроса, или же оправдывают привилегии, как нечто данное, установленное. Неккер касается привилегий с осторожностью и лишь накануне самой

[1]) Vauban. Dîme royale. 1707. Ed. Daire. p. 56. сл.

революции Тюрго выясняет, да и то в немногих случайных фразах, почему прежние основания для изъятий успели исчезнуть.

Вплоть до Французской Революции, как бы в силу молчаливого соглашения, привилегии первых двух сословий находились вне всякого сомнения, как бы являлись необходимой составной частью государственного строя Франции. Правда, на практике уже при старом режиме делали попытки осуществления системы равенства перед налогом. В этом отношении capitation 1695 г. принципиально открывает новую эпоху в истории финансов, облагая все население, по 22 разрядам, в том числе придворных, дворян, духовенство. За ней следует vingtième, которая также не знает изъятий. Однако, не идея справедливости руководила законодателем. Она редко выступала на сцену в финансовой области сама по себе, без подталкивания. Эти подати были дочерьми нужды, пустой казенный сундук и война заставили забыть о всяких сословных преградах. Но справедливость, о которой не думали, и не восторжествовала: «кто знает человеческое сердце, не мог в этом и сомневаться» (Стурм). Духовенство поспешило выкупить обе подати, и уже в 1710 г. закончило обе операции с большой выгодой для себя и соответствующим убытком для казны. И дворяне пытались совершить такую сделку, но с меньшим успехом. Король принял их предложение, взял деньги и истратил их, но несколько лет спустя, в 1715 г., попросту отказал им в выкупе, не вернув денег, так что в этом случае он заработал, а не они. Но торжество его было кратковременно—они нашли другую лазейку. Дворянство и прочие лица, изъятые от taille, облагались не обычным порядком, а высшим должностным лицом—интендантом. Повод был тот, что мелкие сборщики, представ пред светлые очи сеньоров, ничего бы не добились от них, действительная же причина—освободить их от налога. Этикет и деликатность не позволяли интенданту проверять их заявления, он принимал на веру то, что ему сообщалось.

Другим средством восстановления нарушенных привилегий являлись здесь, как и в Пруссии, недоимки. Никакие просьбы и напоминания не помогали; чтобы не платить, дворяне даже отрицали свое происхождение, выдавая себя за простых смертных. «Его величество заметили,—писал в 1777 г. Неккер,—что наиболее бедный класс его подданных оказался наиболее исправным плательщиком «vingtième», а Дюпон в 1879 г. заявлял, что едва ли

найдется хоть одно имение, принадлежащее дворянам, сановникам или даже состоятельным членам третьего сословия, которое было бы правильно обложено» [1]).

Лишь накануне самой Революции созванное в 1787 г. собрание нотаблей внезапно нарушило вековое молчание, признав привилегии «злоупотреблениями, отказ от которых является единственным средством придти на помощь государству в его нуждах». Эти злоупотребления, «наиболее крупные, пользующиеся наибольшей защитой, имеющие наиболее глубокие корни и наиболее широко распространенные ветви,—заявлял Калонн,—«это денежные привилегии, исключения из общего для всех закона, которые не могут освобождать часть плательщиков без того, чтобы не отягчать судьбу прочих. Правительство отказывается от всех материальных изъятий; никто не вправе думать, что чем меньше человек добывает, тем больше он должен платить». «Привилегии приносятся в жертву! Да, справедливость этого требует и нужда заставляет Собрание признать, что все граждане обязаны пропорционально участвовать в расходах государства, что налоги устанавливаются отныне без каких бы то ни было исключений». Так заявляет собрание, состоящее из 144 наиболее высокопоставленных лиц государства, во главе с принцами крови [1]).

На этом же настаивает созванное год спустя Неккером второе собрание нотаблей, то самое собрание, которое пользуется столь дурной славой—историки характеризуют его членов в качестве проникнутых узкими и реакционными взглядами, слепо отстаивающими свои личные привилегии. А, между тем, — говорит Стурм,—из груди этого собрания принцев, кардиналов, герцогов, дворян всех степеней и высших сановников, из этого собрания лиц, столь злосчастно настроенных в политическом отношении, раздается, вне всякой программы, — ибо оно созвано для совершенно иных целей,—единодушный крик в пользу равенства всех перед налогом» [2]).

И на этом движение уже не могло остановиться. В том же 1788 г. дворянство и духовенство, «в интересах скрепления связи между всеми сословиями», просят короля принять их «священную

---

[1]) Stourm. I. p. 55-56.
[2]) Ibid. I. 115-18.

просьбу, которую они слагают к подножью трона,—распространить на них все налоги и государственные повинности, без каких-либо исключений материального свойства». На севере и на юге, на востоке и в центре Франции почти в тождественных выражениях на собраниях обоих привилегированных сословий, которые «смотрят на себя, как на граждан и сыновей своего отечества», а затем в составленных ими наказах обнаруживается «великодушное, патриотическое, братское единогласное решение» разделить с народом несение податей настоящих и будущих», «всех налогов, как государственных, так и местных», «расходов на удовлетворение потребностей государства, а также на погашение государственного долга».

За этим единодушным порывом последовало оффициальное провозглашение нового принципа в памятную ночь 4 августа 1789 г., признавшую все привилегии, денежные и правовые, навсегда отмененными, а затем, декретом 26 сентября того же года установившим однообразную систему обложения для всех, независимо от личности или имущества. Хотя все это являлось лишь санкцией выраженных уже ранее сословиями пожеланий, повторением их же заявлений, но провозглашенный Французской Революцией принцип всеобщности знаменует собою новую эпоху, и не только в истории финансов, но и в истории политической и общественной жизни народов.

Революционная эпоха фактически слишком часто отступала от него, перегибая палку в другую сторону. Слишком велико было давление слева, заменившее прежнюю силу справа—одна олигархия уступила место другой. Но волны улеглись, бурлившая и клокотавшая жизнь успокоилась, и на долю Наполеона выпала благодарная задача утвердить истинные принципы революции, провозглашенные в «Правах человека и гражданина», — прежде всего принцип равенства и в обложении, удовлетворить потребность «наиболее глубокую, наиболее укоренившуюся, наиболее обманутую, я хочу сказать,—говорит Тэн,—потребность в распределительной справедливости». Наполеон устанавливает этот новый порядок не потому, что он признается философами единственно справедливым под луной, а потому, что он «в то же время оказывается наиболее выгодным для него самого, он вводит справедливость, так как справедливость наиболее прибыльна для него». Изъятия от

податей обозначали бы «ежегодное обеднение казны на столько-то миллионов ливров», а «Наполон не тот человек, который даром откажется хотя бы от одного ливра» [1]).

Таким образом, не идея равенства, не высокий принцип справедливости является, в сущности, отцом всеобщности обложения. Требования фискального свойства, нужды казенного сундука заставляют волей-неволей возможно более расширять круг плательщиков, привлекать к налогу всякого, способного платить, тем более, что свободные от обложения сословия сосредоточивали в своих руках наиболее крупные доходы и имущества.

Но, конечно, провести в жизнь этот новый принцип было не так легко и не так просто. Отмена привилегий обозначала нарушение «приобретенных прав», которые суверен, якобы, обязан охранять на веки-вечные, составляла «величайший произвол», желание «одним росчерком пера упразднить священное право собственности». Борьба с привилегиями требовала и времени и напряжения; каждый раз приходилось производить новые атаки, игнорируя плач и возмущение заинтересованных лиц, пока, наконец, принцип свободы от обложения не пал окончательно под натиском времени и новых идей политических и социальных. Большая часть XIX в. занята борьбой за эти священные заветы Революции.

В Австрии уже Иосиф II, объявивший себя «атеистом в сфере финансовых верований», заявивший, что он «не хочет знать аргументов ни древних греков, ни современных французов, и что положения, выведенные на основании вековой практики, не имеют для него обязательной силы»,—Иосиф II еще до Французской Революции, в 1783 г., провозгласил принцип: так как с земли и только с нее одной удовлетворяются государственные потребности, то нельзя делать различия между владениями людей какого бы то ни было состояния, между господскими и крестьянскими, государственными и церковными землями.

«Привилегии и прерогативы дворян,—писал он,—в любой стране состоят не в том, чтобы быть избавленным от повинностей, напротив того, в Англии и Голландии они платят больше других сословий,—а в том, чтобы иметь право самим налагать на себя государственные повинности и подавать в этом отношении при-

[1]) Taine. Régime moderne. I. 254. 262.

мер всем прочим. Свободу личности следует отличать от свободы имущества; с экономической точки зрения, дворяне на своих участках суть ни что иное, как земледельцы, скотопромышленники и мясники; в городах они лишь обыватели и потребители, на дорогах и перевозах—путешественники и пассажиры; во всех этих случаях они должны быть поставлены на равную ногу с остальными жителями и гражданами».

И характерно, что сколько возмущений ни вызывала политика «беспокойного Цезаря», как ни бесчисленны памфлеты, вышедшие за десятилетие его правления и доходящие вплоть до изображения его в аду, сколько ни пускалось в ход перьев, в частности, против податной реформы,—но сохранение сословных привилегий в этой области не нашло себе защитников, и отмена их не вызвала порицаний в литературе. Очевидно, в число «поспешных и несвоевременных» реформ его эта реформа не входила—она назрела и могла быть осуществлена и проведена в жизнь [1]).

В Пруссии эдикт 1810 г. провозглашает принцип всеобщности обложения, в частности отмену всяких изъятий в области наиболее важного и наиболее страдавшего от них поземельного налога, ибо они «несовместимы более ни с естественной справедливостью, ни с духом управления в соседних государствах». Правительство «надеется, что те, на кого распространяется эта мера, успокоятся на том, что на них более не будет падать обвинение в уклонении на счет своих сограждан от несения государственных повинностей». Однако, это были лишь общие фразы—до дела было еще далеко. В силу закона 1815 г., привилегированные землевладельцы Standesherren, Mediatisirte) и их семьи пользовались попрежнему свободой от личных и поземельных податей; это освобождение не касалось, однако же, чрезвычайных и военных налогов и налогов косвенных. Мало того, еще в 1857 г. прежние имперские князья и графы были изъяты не только от поземельного, но и от личных податей—они, их семьи, их владения. Это была, впрочем, последняя попытка сохранить и восстановить «заимствованные из средневековой ромнатики институты», столь чуждые современному государству и правосознанию. Окончательно изъятия были упразднены

[1]) Grünberg. Bauernbefreiung. 318 сл. 336 сл. Митрофанов. Политич. деятельность Иосифа II. 1907. стр. 378 сл.

реформой поземельного налога в 1861 г.: только теперь получилась всеобщность обложения недвижимостей, от которой не только прежние имперские чины, но частью и прочее дворянство еще было свободно [1] [2]).

Разделение населения на две группы, в зависимости от того, подлежат ли они уплате налогов или же свободны от нее, мы находим везде и повсюду. Во Франции taillables от главной подати taille (или roturiers), так же, как в Германии Schatzleute от Schatzung — подать обозначали низшее сословие, в противоположность аристократии—Freie или Freiherrn, т.-е. свободные от податей; в Испании рабочие классы именовались pecheros—плательщики налогов.

Дольше всего, однако, такая группировка населения на «податные» и «неподатные сословия» сохранялись у нас. Зачатки ее мы находим уже в Московской Руси, но укрепилась она и пустила глубокие корни с того времени, как Петр в 1717 г. ввел «подоловщину, как то во всем свете ведется». Автор нового проекта «умножения приходов государственных», оказавший влияние на ход мыслей Петра, рядом со сбором «с подлого народа», аналогичным французской «талии персональной» (taille personnelle), предлагал облагать и привилегированные сословия, при помощи «ла капитацион, сиречь старшенства или десятина подать», для чего необходимо «изъяснить каждова дому чистые приходы». Но из последнего ничего не вышло. «Низкие же подданные» оказа-

---

[1]) В Вюртемберге отмена всякого рода податных привилегий государством без вознаграждения (ибо это означало бы увеличение податной тягости других подданных) осуществлена уже в 1812 г., а закон 1821 г. относительно земельного кадастра вполне проводит в жизнь принцип всеобщности обложения земли. (Schall в Finanzarchiv. XII. p. 3. Горб-Ромашкевич. Поземельный кадастр. т. II. 1900. Стр. 259. 264).

[2]) В Пруссии еще вплоть до 1810 г. существовали вотчинные мельницы, пивоваренные и винокуренные заведения, предоставлявшие помещикам исключительное право помола, пивоварения, винокурения и продажи спиртных напитков и вынуждавшие население приобретать у них напитки или пользоваться их мельницами. В Бадене, Саксонии, Вюртемберге они просуществовали до 30-х годов. Во Франции Революция упразднила все эти сеньориальные права. (Rau. Volkswirtschaftspolitik, II. 4 A. 74 сл. Stieda. Zwangs-und Bannrechte. Handwört. der Staatswiss. B. VIII.

лись «зело отягчены», ибо помещики прибавили еще со своей стороны сборы к подушной подати, и не в размере 4 гривен, как предполагало правительство, а в пять раз больше,—это ведь было лишь благое пожелание, нормы же не было установлено. Будучи обязаны нести казенные повинности, которые легли на бездоходных дворовых людей, помещики полностью и даже с избытком переложили их на своих крестьян. В 1722 г. повелено было «переписать посадских и положить с души 40 алтын»—купцы и мещане также попали в «подушину», оказались «податными сословиями», и не перестали ими быть и тогда, когда, в 1775 г., для купечества, которому «не мало стыда приносила» уплата подушной подати наравне с крестьянами и мещанами, ибо «оно их почтеннее и превосходнее», она была заменена гильдейским сбором с капитала. При Екатерине II подушная подать была распространена на все части империи—на юго-восточную Украину, на Малороссию, на Прибалтийский край, а при Александре I она увеличена была (до 2 руб.) «до окончательного и лучшего в ней распорядка».

В том же 1810 г. была сделана уже не в проекте только (как при Петре), а в действительности попытка привлечь к обложению и дворянское сословие, «коего ревность и усердие к пользам отечества во всех чрезвычайных обстоятельствах всегда предшествовали всем другим сословиям и служили им примером и поощрением». Однако, сбор этот, установленный в 1812 г. с помещичьих доходов, имел, по примеру Запада, совершенно добровольный характер: никакие доносы на утайку доходов или неправильное их показание не допускались, никакой поверки не производилось. Сбор был распространен на все недвижимости, какого бы звания и состояния ни были их владельцы, в том числе и на дома, приносящие доход, привлекая «все состояния по мере их достояния». Но опыт оказался плачевный: «первое» сословие обнаружило мало «ревности». Даже «добровольный дар» оно не имело намерения вносить. Поступления падали с каждым годом, а затем оно пожелало вообще избавиться от «разных неудобств по взиманию», и добилось в 1819 г. «отмены прямого налога, падающего на недвижимую собственность всех сословий без изъятия». «Да послужит оное» (это облегчение) —

[1]) См. Лаппо-Данилевский, 44 и сл.

говорится в указе,—«к приращению общего довольства и изобилия и к умножению богатств государственных (!)».

В 1863 году мещанские подушные сборы были упразднены и, в видах «переложения налога с душ на недвижимые имущества и на промыслы», установлен «налог на капитал» в форме обложения недвижимостей в городах, посадах и местечках. В 1883—87 г.г. были освобождены от подушной подати крестьяне и оставшиеся еще категории мещан, и лишь после этого исчезло деление на «податные» и «неподатные» состояния. К первым до того времени относились все подлежавшие «окладным» сборам, т.-е. определенным в смысле количества и в установленные сроки, или, как иначе выражались,—«податям» (т.-е. прямым налогам). К неподатным сословиям («кои от всех податей свободны») принадлежали: дворянство (потомственное и личное), духовенство, далее, все состоящие на государственной службе, воспитанники учебных заведений и лица, получившие высшее образование, иностранцы и еще целый ряд случайных групп населения. Образование являлось, следовательно, весьма убыточным для казны—лишало ее плательщиков.

С отменой «душевредства душевных поборов», как выражался Посошков, старое деление сословного характера исчезло: платежи были перенесены с лиц на объекты обложения. Первые шаги в этом направлении были сделаны уже раньше, с появлением взамен сословных гильдейских свидетельств промыслового налога (пошлин на право торговли и промыслов) и с заменой подушной подати с мещан налогом с городских недвижимостей: всякий, кто «упражнялся в промышленности и торговле», всякий, кто владел в городах домами или иными строениями или незастроенными местами, независимо от его звания и сословия, подлежал соответствующему налогу. Еще более решительный шаг вперед составляло введение земских учреждений и установленных ими земских повинностей в 1864 г., которые совершенно не знают старой системы обложения по ревизским душам и не устанавливают никаких ограничений для земского обложения тех или иных видов земель. Таким образом, и помещики уже платили в пользу земства; когда же часть земских расходов была отнесена на счет казны, то пришлось (в 1872 г.) «подвергнуть их и некоторому участию» («по количеству и ценности владеемой ими, сравнительно с крестьянскими

сословиями земли») в новом государственном земельном сборе, превращенном в 1875 г. в государственный поземельный налог.

В области налогов на потребление у нас, по общему правилу, привилегии были незначительны—обложение соли, табаку и т. п. распространялось на всех. В Московском государстве с признанием регалий винокурения и продажи спиртных напитков и с учреждением «царева кабака» сохранялись и кабаки боярские и духовенства. Но борьба с этой торговлей начинается уже с пол. XVII ст., запрещается «держать вино не про себя» и предписывается за это «чинить наказание». Посошков (в 1724 г.) жалуется, что помещиками «в больших своих вотчинах построены свои кабаки, и называют их квасными, а под именем кваса продают явно пиво, а вино потаенно», царские же кабаки уничтожают: «целовальников бьют, и питья отымают, и посуду разбивают». Мало того, «накуря вина... в городы привозят, продают и тем питейный сбор вельми повреждают». «А питейная прибыль самый древний интерес царского величества, а не помещичий». Право винокурения было при Екатерине II закреплено за дворянами, живущими в своих деревнях (у купечества было отнято в 1759 г.), с уплатой небольшого сбора,—но только для своего собственного потребления, причем количество вина определялось их чинами (от 1000 ведер в год для I класса до 30 для 14-го). В городах же они не имели права употреблять свое вино, и поэтому при въезде в город обязаны были отправляться в воеводскую канцелярию и там ожидать, пока вино будет опечатано, а «в ожидании в самое зимнее холодное время не токмо, что того препровождения дождать, но и живот свой едва спасти могут». Продажного же вина,—жалуются дворяне,—часто в городе нет, так что «приходящие гости... по чести своей остаются без удовольствия». Откупщики строго следили за выполнением этих правил, жестоко преследуя корчемство. В 1819 г. дворянское право винокурения (для себя) упразднено, монастыри же, повидимому, до того времени не только курили вино, но и торговали им, и даже в 1819 г., чтобы не лишить монахов из дворян принадлежащего им «по происхождению» права, было дозволено им отдать в аренду винокурни и питейные дома — этот термин уступил место «кабаку», «понеже от происшедших злоупотреблений название кабака сделалось весьма подло и бесчестно».

В отличие от Великороссии, так наз. привилегирован-

ные губернии, украинские, западные (Белорусские) и некоторые южные не знали исключительной регалии казны в питейном деле, а сохранили с присоединением их, прежнюю привилегию помещиков производить курение и продажу вина, тесно связанную с владением землей и крестьянами [1]).

С половины XIX ст. это «пропинационное право» исчезает. Лишь в Польше и Прибалтийских губерниях оно сохранилось вплоть до введения казенной винной монополии, причем помещики и теперь еще всячески настаивали на оставлении за ними исключительного права продажи хлебного вина, в крайнем же случае требовали себе вознаграждения—выкупа у них этого права. Здесь оно являлось пережитком старинных доменпальных прав, отмененных в 1861 г. вместе с освобождением крестьян, в том числе помещичьей привилегии держать мельницы и права помола, просуществовавших в Прибалтийском крае вплоть до 1871 г. Исходя из того, что пропинационное право осталось в этих губерниях лишь «по недоразумению», как результат «неполного освобождения крестьян», что «корчмы удержали за собой лишь привилегии спаивать народ, что они и делают исправно, обогащая своих владельцев и арендаторов», наконец, ссылаясь на то, что остальные личные права были даны крестьянам без всякого выкупа, решено было отменить пропинационное право без вознаграждения. Остзейские помещики все же сумели в 1904 г. использовать свое влияние и добиться, вопреки решению Гос. Совета, 10 милл. руб.; польским помещикам,—тогда уже существовала Государственная Дума, эта попытка не удалась [2]).

---

[1]) В Малороссии в 1791 г. это право было потверждено за дворянами (в их поместьях), но винокурение запрещенно не только мещанам, но и городам, «как несвойственный городам» промысел. В других губерниях право торговли вином предоставлено в помещичьих селениях помещикам, в городах-городским обществам; помещики за это платили по 50 к. с крестьянской души (в белорусских губ. 1772 г.), или же они могли выкуривать безакцизно в пределах известного максимума (до 100 ведер в год—в южных губерниях).

[2]) См. Посошков, 99-100. Чечулин, 162-64. Фридман II. 31 сл. 232 сл. Лебедев. II. 217 сл. 240 сл. «Сведения о питейных сборах в России.» ч. II. Цитович. Питейная монополия помещиков Польши в своих имениях. 1907.

До тех пор, пока весь государственный и общественный строй покоился на принципе разграничения сословий, состояний, классов, из которых каждый пользовался особыми правами и преимуществами, необходимой и естественной составной частью его являлись и сословные привилегии, изъятия в пользу различных групп населения, основанные на их происхождении. С конца XVIII ст. картина меняется. Исчезают цехи, гильдии и иные корпорации со специальными присвоенными им правами, исчезают баналитеты—право помола, винокурения, пивоварения и т. д., принадлежавшие городам и помещикам, в особенности же исчезает крепостное состояние, сеньориальная юрисдикция, право вотчинника на землю и сопряженные с этим феодальные права, исчезают особые привилегии дворян и дворянских обществ, городов, купечества и тесно связанное с этим бесправное положение крестьян.

Крушение старого общественного порядка означало и гибель порожденных им и державшихся благодаря ему, податных привилегий—свободы от уплаты поземельной подати и сбора за выкуриваемый спирт, вываривaемое пиво, за помол, как и потерю возможности перелагать свои налоги на подвластное население, наживаться на опаиваньи его, на обложении при помоле, пивоварении и т. д.

Только XIX век, и то не сразу, мог и должен был осуществить всеобщность обложения в этом смысле, совершенно непонятную прежним эпохам, резко противоречившую их взглядам и представлениям, да и теперь еще вызывавшую повсюду споры, по крайней мере, при обсуждении вопроса о вознаграждении дворян и помещиков за утраченные ими права и привилегии. Переход от старинных подушно-поочажно-поимущественных податей к реальной форме обложения значительно облегчал этот процесс, заменяя лицо вещью, обложение тех или других групп населения налогами с многообразных объектов, земель, домов, предприятий, как бы вытеснявших владельца, устранявших вопрос о лице, которому они принадлежат. Платит не лицо, столь разнящееся по своему сословию и классу, а предмет, всегда равный пред налогом, знающий лишь количественное различие в смысле более или менее высокой платежеспособности.

Но на этом развитие не остановилось, не могло остановиться. Объект обозначал доход, доставляемый собственнику; владение

землей, домом, предприятием свидетельствовало об этом. Но появились такие доходы, которые не имели объекта в этом смысле, покоились на юридическом отношении, на сделке, как доход с денежного капитала. Это не первоначальный доход, как собственника недвижимости или предприятия, а производный, часть принадлежащего им дохода, передаваемая ими же в виде процентов за полученный в кредит капитал или уплачиваемая за это государством, городами, земствами, провинциями. Возникают и доходы, исключительно покоющиеся на личности человека, на его умственных и физических способностях, на деятельности его мышц и нервов, доходы от личного труда (в том числе и либеральных профессий), следовательно, также не связанные с каким-либо реальным объектом.

Система реальных налогов, облагая «видимые» объекты, нарушала принцип всеобщности обложения в этом втором, новом смысле, с тех пор, как денежный капитал, служба и свободные профессии стали занимать место в хозяйственной жизни наряду со старыми источниками дохода от земель, домов, торговли и промышленности. Это не были уже сословные привилегии, о сословиях больше не было речи—все были равны перед законом. Но получались пробелы в системе прямого обложения, пробелы в смысле неполного охвата всевозможных источников дохода, пробелы, первоначально весьма незначительные, но постепенно, в течение второй половины XIX ст. все более расширявшиеся, создавая большие пустые пространства, разрывая податную цепь в нескольких местах. Они нарушали новое представление о всеобщности обложения, которое не допускало существования видов имущества или дохода, избегающих обложения или облагаемых лишь случайно и без всякого соответствия с их платежеспособностью, как это было у нас и во Франции вплоть до самого последнего времени. Доходы от всевозможных видов труда, как и от различных форм денежного капитала подлежали лишь квартирному налогу (т.-е. налогу на потребление) и налогам с перехода движимостей.

Во Франции на 13 миллиардов фр. были исчислены доходы, пользующиеся такого рода «иммунитетом». Реестр их был весьма длинный. Пред нами проходят и французская государственная рента ,и проценты по фондам иностранных держав, и доходы по ипотечным займам, и земледельческая прибыль (напр., аренда-

тора), и жалованья чиновников всех степеней, высшей администрации всякого рода обществ, товариществ, предприятий, и заработки врачей, артистов, художников, журналистов. У нас в 1910 г. доходы от личного труда (свыше 1 тыс. руб.) были исчислены в 760 милл. руб. или в 28,7 проц. всех доходов свыше 1000 руб.— кроме квартирного налога они ничего не платили.

Лишь обще-подоходный налог, охватывающий все виды доходов, независимо от их происхождения и характера, источника и вида, не упускающий никаких отступлений, в состоянии был осуществить всеобщность в этом смысле. В первой пол. XIX и в начале XX века прекратились привилегированные доходы.

Но тот же подоходный налог выдвинул в настоящее время новые проблемы, правда, уже не общего, а лишь частного свойства. Крупные иммунитеты всякого рода отошли в область предания, но отдельные, вызванные случайными обстоятельствами, несовершенством техники обложения, легко возникают. А рядом с ними появляются, в силу того же личного характера подоходного налога, и шероховатости иного, противоположного свойства—двойственное обложение одних и тех же доходов, т.-е. обложение их дважды тем же налогом. Этого не следует смешивать с обложением различными налогами, ибо ими доход облагается многократно: из дохода от земли черпает и подоходный налог, и поземельный, и акциз с табака, сахара, спирта, и таможенные пошлины на ткани и металлы и многие другие подати и сборы. Жизнь создает опасность незаслуженного переобременения плательщика, с которого фиск «дерет две шкуры». Оживленные международные сношения, легкость переселений из одной страны в другую, помещение капиталов в иностранных бумагах и предприятиях выдвинули вопрос обложения иностранцев или собственных подданных, но получающих частью или полностью доходы из другой страны—как бы не упустить те или другие доходы вообще и тут и там, но как бы не обложить те же доходы дважды, и дома, и за границей. Выступление на сцену юридических лиц, в особенности в виде акционерных компаний, нередко сильных и мощных организаций капитала, поставило на очередь проблему обложения их подоходным и поимущественным налогом. Но, ведь, в этом случае акционер, и не только крупный, но и мелкий, будет платить тот же налог два раза, сначала непосредственно, при обложении его собственного

дохода или имущества (куда войдет и ценность акции или дивиденд с нее), а затем вторично, при уплате налога обществом, которая неминуемо отразится на сокращении его дивиденда. Как же быть? Как избежать этого?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Свободный прожиточный минимум [1]).

Французская Революция признает активным гражданином, пользующимся всеми политическими правами, только того, кто уплачивает определенную личную подать в размере трехдневного заработка,—первообраз тех многочисленных конституций, которые построены на цензовом начале. Тем самым она как бы восстанавливает старинную подушную подать. Робеспьер первоначально протестовал против такого постановления, усматривая в нем нарушение принципа равноправия всех в политическом отношении. Однако, четыре года спустя, тот же Робеспьер совершенно забыл об этом и столь же усердно и убежденно отстаивал прямо противоположную точку зрения.

«Если вы установите,—говорил он,—что бедность освобождает от почетной обязанности участвовать в покрытии нужд отечества, вы этим унизите наиболее чистую часть нации, вы создадите аристократию богатства, и очень скоро образуется класс пролетариев, класс илотов, и равенство и свобода погибнут навсегда. Не лишайте граждан самого насущного: удовлетворения, которое дает возможность нести республике лепту вдовы. Не вводить одиозные разграничения в конституцию, а, напротив, вписать в нее следует почетную обязанность всех жителей уплачивать налоги».

Так, Революция, покончив с сословными изъятиями, не поднялась еще до признания экономических изъятий, требуя от всякого, чтобы он, независимо от своего звания, сословия, положения, занятия, нес свою долю в кассу государства. Понимая, что удовлетворение потребностей общественных вовсе не менее необходимо,

---

[1]) См. Schmidt. Die Steuerfreiheit des Existenzminimums. 1877. Sardemann. Das steuerfreie Existenzminimum etc. 1905. Nothhardt. Zur Lehre vom steuerfreien Existenzminimum. Zeitschr. für ges. Staatswiss. 1901.

чем покрытие своих личных нужд, она еще не дошла до сознания того, что и это последнее правило имеет свои пределы, ибо есть такие собственные нужды, которые идут впереди всего другого, и там, где ничего нет, и государство ничего требовать не может. Отсюда, вместо оставления каждому насущного, насущной оказалась благородная обязанность нести свою ленту; вместо свободного минимума средств существования получился обязательный для всякого трехдневный минимум обложения.

Но Французская Революция иначе и поступить не могла. Подобно тому, как Адам Смит вынужден был бороться против всяких стеснений экономической свободы, ибо всякого рода ограничения ее отзывались, прежде всего, на рабочем классе, а стеснений, выгодных для рабочего в XVIII веке, еще никто не знал и предвидеть не мог, — так эта эпоха должна была поставить на своем знамени отказ от каких-либо изъятий в обложении, которые всегда сводились к изъятиям сословного характера, в той или иной форме проводили принцип льгот и привилегий, но были совершенно недоступны тому времени в качестве общего для всех, вытекающего из недостаточности средств, прожиточного минимума (Existenzminimum). В те времена не могли себе представить, что можно установить максимум продолжительности рабочего времени— известно было только определение минимума времени, поэтому лучше ничего не регулировать. Но не могли допустить возможности освобождения слабого, бедного человека, стоящего на низшей общественной ступени, а не могущественного богача, принадлежащего к высшим классам—так лучше привлекать и того и другого хотя бы в равной мере.

История предшествующих XIX веку эпох не знает свободного от обложения прожиточного минимума, не признает освобождения от налога даже бедняка, нищего, совершенно неимущего, не говоря уж о батраках, работниках, подмастерьях, полуголодных ремесленниках. Вдову, сирот, ничего не имеющих, человека без пристанища иногда освобождают, но в качестве особой милости, а не на основании права; платить и они должны, но сборщик из сострадания может их отпустить, помиловать. Обычная форма обложения, ведь, первоначально подушная—так что всякая душа, как таковая, богатая и бедная, сытая и голодная, кроме, конечно, привилегирован-

ной, платит. Или же подать комбинированна, подушно-поимущественная, именно для имущих—вторая, для всех прочих—первая; позже классно-поранговая, по сословиям, занятиям, званиям: рядом с бароном, купцом и крестьянином не забыт и последний разряд—поденных рабочих, обязанных пожертвовать своей платой за известное число дней в году.

Во Франции в 1294 г., при взимании чрезвычайной подати с имущества батраки вносили заработок одного дня; после поражения при Пуатье в 1356 г. и пленения французского короля все население старше 12 лет обложено подушной податью, имущие, кроме того, и поимущественным налогом. В Англии при Ричарде II физический осмотр девушек для определения того, достигли ли они 14-летнего возраста, с которого начиналось подушное обложение, явился поводом к известному крестьянскому восстанию Уата Тайлора. Имперская подать на войну с турками 1481 г. имела для батраков и поденщиков характер подушной подати, которую вносили помещики, но с правом вычета у населения: в 1531 г., при повторении ее, батраки и подмастерья платили по 1 грошену с души, все прочие по общей состоятельности.

Такое изъятие всех, кто имел менее определенного имущества, от уплаты т. наз. поимущественной подати вызвало предположение о существовании прожиточного минимума, в особенности в городском обложении, где чрезвычайный налог, исходивший из общей состоятельности плательщика, был широко распространен. Но при этом упускали из виду, что и там одновременно существовала другая подать — подушная или поочажная (Herdschilling, Vorschoss), которой подлежали либо еще раз все плательщики, но со включением и тех, кто не платил первого налога, либо только одни неимущие, так что последние, во всяком случае, облагались, хотя иногда и в иной форме, чем прочее население. В швейцарских, швабских, прирейнских городах в специальную для неимущих установленную подушную подать включены даже такие группы населения, как нищие (armenlut als bettler), «Habnit», der nust hat, т.-е. кто ничего не имеет; иногда они привлекаются к поимущественному налогу по последнему его разряду, как если бы они обладали определенным минимумом состоятельности. При этом обнаружилось, что, напр., во Фрейбурге 28 проц. населения, а в Цюрихе третья часть не имела средств, в Аугсбурге же

в 1475 г. половина всей подати была взвалена на плечи нищих, поденщиков и ничего не имеющих ремесленников [1]).

Не изменилось отношение к этому многочисленному слою населения и впоследствии. Оно несло попрежнему, несмотря на отсутствие средств, подати на своих плечах. Едва ли можно усмотреть «особую снисходительность» (как утверждает Людвиг Гофман), в том, что баварская подать облагает беднейшее население, у которого нет ничего, кроме одежды на теле, и пропитывающееся поденным трудом, по его платежеспособности «надлежащим образом», хотя платежеспособность, очевидно, равна нулю. Трудно найти какое-либо изъятие и в том, что разоренные войной и пожарами бедняки «милостиво облагаются» (даже они привлечены!), а малолетние дети платят подать, если от доходов на содержание их что-либо остается, причем в этом случае—половину остающейся суммы! [2]). В двух английских чрезвычайных податях XV ст. находим освобождение тех, кто имеет менее 5, в другом случае—менее 1 фунта имущества, тогда как поразрядные подати XVII—XVIII ст. доходят вплоть до самых низших общественных ступеней, не затрагивая только призреваемых приходами и тех, кому действительно есть нечего [3]). Такого же принципа придерживаются не только австрийские подати конца XVIII и начала XIX ст. (в 1804 г. ½ гульд. со всех старше 15 лет, кроме войска и призреваемых) [4]), но и прусская классная подать, вносящая в четвертый разряд всех батраков и фабричных рабочих, независимо от их заработка, хотя и с прибавлением в 1827 г. «снисходительного» постановления об изъятии лиц моложе 16 и старше 60 лет, входящих в этот разряд [5]).

Впрочем, в городах мы как будто находим иногда изъятие известного минимума, хотя и в довольно своеобразной форме. Освобождаются от обложения не лица, а объекты—домашняя утварь, лошадь, корова, предметы из золота и серебра, иные драгоценности и украшения, годовой запас хлеба, вина, топлива, корма для скота. Однако, освобождается все это, само собою разумеется, лишь

---

[1]) Кулишер. Коммун. обложение. 81-87.
[2]) Hoffmann. Gesch. 64. 151-52.
[3]) Dowell. I. 124. III. 9 сл. 48 сл.
[4]) Hauer. Beiträge zur Gesch. der oestert. Finanzen. 1848. p. 54-60.
[5]) Hoffmann. Lehre von den Steuern. 1840. p. 167-72.

у того, кто,—как нравоучительно прибавлено в некоторых уставах,—все это имеет; между тем, скотом, годовыми запасами продуктов и т. д. обладал лишь состоятельный человек, для бедняка же такая свобода являлась пустым звуком. Другие изъятия были расчитаны вообще лишь на высшие сословия. Им одним, ведь, сплошь и рядом только и разрешалось носить золотые цепи, браслеты и кольца, пояса с серебрянными пряжками и т. д., тогда как ремесленникам это было обычно запрещено. Только знать выигрывала и от изъятия одежды, так как она одна могла носить шелковые и бархатные одеяния, платье, отороченное мехом, и т. д. [1]). Сословный характер этих изъятий, встречающихся уже в городских уставах средневековья с его столь резкими сословными перегородками, ярко выражен в подушно-поимущественном обложении Эрфурта 1628 г. Освобождается от подати такое количество золотых и серебрянных вещей, утвари, украшений и иных драгоценностей из благородных металлов, какое соответствует сословию и положению плательщика, его жены и детей [2]).

Со всем этим вполне гармонирует и тот взгляд на прожиточный минимум, который встречается в литературе эпохи, предшествующей XIX веку. Подобно тому, как огромное большинство авторов, говоря о рабочем классе, всячески ратует за понижение заработной платы и за удлинение рабочего дня, усиливающих прилежание и удешевляющих товары, так, поскольку они высказываются в пользу освобождения известной части имущества или дохода, они проводят обязательно разграничение, в зависимости от сословия и положения. Клок (в 1651 г.) предлагает освобождать неимущих, но понятие неимущего не может быть равно для всех: дворянин, имеющий столько, сколько богатый крестьянин, все-таки остается бедняком, его нельзя трогать [3]). И Зонненфельс настаивает на изъятии суммы не однообразной, а меняющейся сообразно положению каждого, ибо нет абсолютного, равного для всех, минимума. Минимум составляет «святую часть человечества», которую нельзя трогать, облагать можно лишь излишек, «свободный доход».

---

[1]) Кулишер. Лекции по истории экономич. быта, 95-99 217-18.
[2]) См. Кулишер. Коммун. обложение.
[3]) Klock. De aerario II. 47.

остающийся за покрытием необходимого для жизни, сообразно сословию плательщика («Standesmässiger Unterhalt»). [1]).

Рядом с ними мы находим, впрочем, в виде исключения, во второй половине XVIII ст., в эпоху рационализма, и некоторых авторов, говорящих о прожиточном минимуме, в тесном смысле, равном для всех, о «физически необходимом» (physical necessarians) (Джемс Стюарт, 1767 г.), как о «привилегированной» части дохода: налог имеет целью охранять собственность, но собственность равна нулю, если она не дает средств существования (Форбонне, 1758 г.). «Из того, что у человека есть голова, — говорит Бентам, — еще не следует, что у него имеется и еще что-либо»; лишать его необходимого, облагать предметы первой необходимости означает вызывать физические лишения, болезни и даже смерть.

Особенно настаивает на свободе прожиточного минимума Сисмонди, указывая на то, что было бы абсурдом говорить человеку о выгодах государственного порядка, когда этот самый порядок обрекает его на голодную смерть. «В заработной плате содержится необходимая часть, которая должна сохранять жизнь, силу и здоровье тех, кто ее получает. Горе правительству, которое посягнет на эту часть: оно жертвует всем—и людьми, и надеждой на будущие богатства» [2]).

Однако, особенное влияние оказало то, что к этому учению присоединился Джон Стюарт Милль (в 1848 г.), который усмотрел «наиболее справедливую меру уравнения в обложении в предложении Бентама, именно в том, чтобы освободить известный минимум дохода, достаточный для приобретения необходимых средств жизни» [3]). Лишение необходимого представляло бы собой жертву, столь крупную для беднейшего населения, что никакое обложение богатых классов не может с ней сравниться.

От Милля требование свободного «Existenzminimum'a», в подоходном налоге стало широко распространяться в литературе. Но все же всеобщим этот взгляд не стал еще до сих пор. Многие остановились на принципах Французской Революции и дальше идти не намерены. Если одни готовы примириться на практике с изъятием

---

[1]) Sonnenfels. Grundsätze der Polizei etc. 1765. III. § 94. 102.
[2]) Sismondi. L. VI. Ch. II.
[3]) Mill. B. V. Ch. II. § 3.

минимума, исходя, однако же, «не из справедливости, а из сострадания к беднякам» (Уильям Сэргент, 1862), хотя открыто признают такой образ действия нелогичным (Бенвенути, 1869), то находим и таких, которые, подобно Тьеру (1849 г.), заявляют, что они «понимают благотворительность, понимают, что общество не требует ничего от призреваемых, от тех, кто протягивает руку за подаянием, от тех, кто терпит голод в своей мансарде. Да, сто раз да, но за этими пределами должно быть равенство для всех» [1]).

«Но, ведь, и государство не есть предмет роскоши.—восклицает Нассе,—оно такое же условие жизни для каждого, как хлеб насущный» [2]). Почему государство попадает во вторую очередь—спрашивает Кон,—тогда, когда необходимые потребности уже удовлетворены? И прибавляет: «столь дружелюбная населению, но недружелюбная государству теория минимума вполне гармонировала с учением XVIII века о государстве и с взглядами следующих поколений, его игнорирующих, но едва ли совместима с подчеркиванием составляющих государство демократических сил, которые только что отожествили себя с государством, а затем с безобидным видом заявляют, что не в состоянии нести расходов государства» [3]). Но эти авторы упускают из виду, что если государство «простирает свои руки и на тот минимум, который держит человечество на самой границе, отделяющей его от животных», то «оно само себя же отрицает, ибо уничтожает возможность всякого культурного существования» [4]). Они забывают, что если поставить государство в первую голову, до того, как насущные личные поребности удовлетворены, то государство, правда, восторжествует, но человеческая личность неминуемо погибнет. «Во Франции.—говорит Готье.—из 13,7 милл. глав семейств 10,6 милл. или 80 проц. имеют менее 2 тыс. фр. дохода. Дайте им возможность осуществить благородное право помощи государству, и вы лишите их наиболее ценного права человеческой личности — права на жизнь [5]).

---

[1]) Thiers. p. 209.

[2]) Nasse. Gutachten über Personalbesteuerung. Schriften des Vereinsfür Socialpolitik. B. III p. 10.

[3]) Cohn. p. 272-3.

[4]) Umpfenbach. Lehrbuch der Finanzwiss. 1887. 2 Aufl. p. 139.

[5]) Gauthier. La reforme fiscale par l'impôt sur le revenu. 1908. p. 59.

Наконец, они игнорируют тот факт, что обложение минимума есть «contradictio in adiecto, уничтожение клеточек государственного организма», ибо от удовлетворения необходимых для жизни потребностей зависит существование не только индивида, но и всего рода. Такое ограничение производительного потребления, если и не равносильно смерти, то, во всяком случае, приводит к такому же сокращению производительной способности, как у лошади, о которой мало заботится хозяин, или у паровой машины, недостаточно снабжаемой топливом. «Потребление можно, конечно, сократить, изменяя привычки, но всякое ограничение прожиточного минимума расточительно» [1]).

В процессе производства рабочий представляет собою своего рода машину, нуждающуюся в определенном количества пищи. Между тем,—говорит Готье,—в промышленности при определении чистого дохода машины вычитаются из ценности производимых ею продуктов всякого рода расходы на содержание машины: топливо, жиры, смазочное масло, оплата приставленных к ней рабочих и т. д. Человеческая машина—ее называют «интеллигентной машиной»—также нуждается в издержках производства и в расходах на ее поддержание. Ей нужны пища, одежда, жилище, в случае болезни—врачебная помощь и медикаменты, и т. д., одним словом, все то, без чего невозможно ее сохранение, пользование ее органами и применение ее энергии. Было бы странно, если бы эта человеческая машина, сделанная из мускулов и нервов, была окружена меньшим вниманием, чем обыкновенная машина, сделанная из стали или меди, и если бы не вычитали из доходов всякого производителя ту часть, которая безусловно необходима для ее существования [2]).

Как указывал один автор еще в конце XVIII века, надо различать три слоя населения. Группу тех, кто пользуется помощью государства, в качестве низшей; ту категорию, которая сама приходит на помощь государству—это высшая; и, наконец, между ними стоящий средний слой, не просящий и не дающий; это те, кто обладает только необходимым. Он обходится без общественного

---

1) Marshall. Political Economy. B. II. Chap. 3.
2) Gauthier. p. 59-60.

призрения, но неминуемо окажется призреваемым, если государство что-либо отнимет у него.

На это обращают внимание и современные экономисты. Отнимать путем налога часть необходимого для существования,—справедливо указывает Селигман,—это значит понижать standard of life массы населения, чего ни одно демократическое правительство, стремящееся к поднятию его, допустить не может. Но это ведет и к необходимости для населения покрывать эту часть, без которой оно обречено на голод, иным путем, посредством общественного призрения, и в результате государство оказывается в весьма выгодном положении, забирая деньги одной рукой и отдавая их другой [1]). Умпфенбах, конечно, преувеличивает, утверждая, что такой образ действия должен постепенно уничтожить имущество и других, более состоятельных классов, заставляя их кормить созданные остроумной податной политикой новые кадры призреваемых, так что разрушается экономическое положение одной группы за другой [2]). Но основная мысль его правильна: государство грозит превратить многочисленные самостоятельные хозяйственные единицы в живущих на подаяние бедняков, подрывая этим фундамент экономической жизни масс населения.

Есть и иная постановка вопроса о свободном от обложения прожиточном минимуме. Противники его опасаются, как бы с изъятием широких кругов населения налоги (в особенности подоходный налог) не лишились своей высокой воспитательной функции в моральном и политическом отношении .Каждый должен знать и чувствовать, что государство нуждается в его помощи, как бы незначительна она ни была, чтобы действовать и работать. Большим успехом на пути к осуществлению современной идеи государства было бы, если бы государство, вместо того, чтобы незаметно тащить у гражданина часть потребляемого им сахара, кофе и пива, могло бы прямо сказать ему в лицо: столько-то мне нужно, и столько-то ты должен мне дать [3]). Только в этом случае правам соответствовали бы обязанности, развивалось бы сознание своих обязанностей, весьма недостаточное, как это видно из случаев, ко-

---

1) Seligman. Income-Tax 29.
2) Umpfenbach. 141-42.
1) Szombathy. Finanzarchiv. 1915. p. 154.

гда люди возмущаются необходимостью платить какие бы то ни было налоги (хотя бы общинные при изъятии минимума от государственных), усматривают в этом чуть ли не личное оскорбление. Отсюда и безучастное отношение к имуществу государства, отсутствие интереса к хозяйству казны и общин; «как известно, никто не хозяйничает так плохо, как масса населения, не участвующая в расходах и не чувствующая бремени и неприятностей прямого обложения» [1].

Все эти громкие фразы о правах и обязанностях, о необходимости открыто брать, а не вытаскивать из кармана, незаметно,—все они были бы прекрасны, если бы... не существовало именно этих операций, производимых над пациентом и отнимающих у населения, итак обескровленного нуждой, столько сил, что уже самое чувство человечности и сострадания запрещает, казалось бы, вырезывать у него новые куски мяса уже прямо из тела. И бедняки, ведь, платят налоги на потребление, и не только платят, но и в гораздо большей степени, чем богатые плательщики (см. выше, стр. 125 сл.). Нейман выяснил, что в Германии налоги на сахар, соль, чай и т. д. ложатся на доход в 800 мар. (в большинстве германских государств минимум в подоходном налоге 900 мар.) в 4,5 проц. дохода, тогда как доход в 10 тыс. мар. облагают всего в 1,1 проц., т.-е. вчетверо ниже. По Герлову, доход ниже 800 мар. платит от 4,4 до 6,5 проц. таможенных пошлин и внутренних налогов на потребление, тогда как доход в 4—6 тыс. всего 1,3—1,9 проц. [2].

Во Франции, по вычислениям Готье, на доход ниже 1000 фр. налоги на потребление обрушиваются с тяжестью в 27 проц., тогда как уже при доходе в 1—2 тыс. фр. они отнимают всего 8 проц., а при более крупных — еще гораздо меньшую долю [3]. При таких условиях едва ли можно ставить в упрек населению, что, «пользуясь избирательным правом, оно не желает нести ответственности за ошибки нации» [4]—в налогах на потребление оно слишком хорошо ощущает на своем теле эти «ошибки». И немногим

---

[1] Buck. Zur Beleuchtung der Zusammenhänge zwischen steuerfreiem Existenzminimum etc. Finanzarchiv. 1917. p. 595-96.

[2] Gerloff. Verbrauch und Verbrauchsbelastung kleiner und mittlerer Einkommen in Deutschland. Jahrb. für Nationaloekon. 1908. B. 35. p. 145 сл.

[3] Gauthier. p. 25.

[4] Leroy-Beaulieu. I. p. 208.

справедливее бросаться в другую крайность,—наказывая неимущую массу за фиктивное освобождение от налогов «освобождением» ее—уже действительным—от избирательного права, ссылаясь на то, что «изъятая от обложения масса производит насилие над более состоятельным меньшинством» [1]).

Наконец, в податных вопросах веское слово принадлежит техническому моменту, который в данном случае и в теории и на практике является едва ли не решающим, убеждая в необходимости изъятия мелких доходов даже принципиальных противников этой меры. Спускаясь с высоких принципов человечности и права, интересы податной техники апеллируют попросту к выгодам самого же государства, обращая его внимание на то, что ему нет смысла иметь дело с огромным количеством мелких и мельчайших плательщиков, которые заплатят мало, а шуму и расходов вызовут много. По данным прусской статистики подоходного налога за 1904 г., плательщиков с доходом выше 900 руб. насчитывалось 830 тыс., с доходом свыше 800 руб. свыше 1 милл., выше 700 руб.—около 1,4 милл и выше 600 руб.—более 1,7 милл., так что с понижением дохода число плательщиков увеличивается в возрастающей прогрессии. У нас, когда предполагалось установление прожиточного минимума в подоходном налоге в 900 руб., оказывалось, что с уменьшением последнего на 300 руб. (с 900 до 600), число их возросло бы втрое, что, предполагая на податной орган по 3000 плательщиков, означает возрастание расхода на 1 милл. руб.; а так как эти плательщики, считая в среднем на каждого не более 5 руб., дадут всего 4 милл. руб. налога, то издержки взимания всего нового контингента достигнут 25 проц., будут поглощать четвертую часть дополнительных поступлений [2]). В 1906 г. в Вюртемберге имелось 2117 тыс. плательщиков с доходом в 500—800 мар. или почти 30 проц. всего числа, но дали они каких-нибудь 3½ проц. поступлений (½ милл. мар.). В Саксонии в том же году насчитывалось 825 тыс. плательщиков с доходом в 400—800 мар. или 42 проц. общего количества, а налог с них дал 4 проц. или в десять раз меньше (1778 тыс.) [3]).

---

[1]) Schanz. Handwört. der Staatswiss. 3. Aufl. B. III. (Existenzminimum).

[2]) См. Предст. в Госуд. Думу о введении госуд. подох. налога 1907. Стр. 48.

[3]) См. Die Gesetzentwürfe zur Reform der dir. Steuern in Bayern, 1908. p. 64.

Любопытны и следующие данные. В те времена, когда в Пруссии в сети налога попадали все и каждый, если только они уже не оказывались явно нищими и не жили на общественный счет, для извлечения 100 тал. налога из низших разрядов необходимо было в среднем 228 напоминаний, в восточных же областях даже до 700—800, а расходы по принудительному взысканию достигали 8—9, на востоке—25 и даже 29 проц. Если же прибавим еще гораздо большие косвенные убытки для плательщика при продаже его имущества и т. д., то окажется правильным утверждение, что для получения каждой сотни тал. казна наносила этим классам населения убыток в 200 тал. [1]). Но и первоначальный минимум в 420 мар. немногим улучшил положение. У четвертой части плательщиков низших разрядов (до 900 мар.) приходилось описывать имущество, причем более половины случаев оказывались бесплодными, в Берлине же принудительные взыскания распространялись на 65—70 проц. плательщиков и $^{9}/_{10}$ всего числа не дали ничего [2]). В Саксонии при минимуме в 400 мар. комиссия вынуждена была оценивать доход последнего подмастерья и кухарки: заявления мелких плательщиков никуда не годились, обложение их вызывало лишь всеобщее недоверие; в многочисленных случаях платежу налога предшествовало путешествие в ломбард и оставление там различных вещей [3]).

В Германии и теоретики (Майр, Кон, Фогель) и практики (Фюистинг, Мейзель) уже давно настаивают на поднятии прожиточного минимума для освобождения податного аппарата от массы плательщиков—в Пруссии требуют вместо 900—1200, 1500 (и даже 3000) мар. Только тогда суммарный, механический способ выяснения доходов прочих плательщиков сменится индивидуальным, дающим возможность вести успешную борьбу со злой волей плательщиков, возможно близко подойти к состоятельному населению. Иначе все прекрасные правила, содержащиеся в законе, постепенно приходят в забвение, теряют свою власть, «подобно изгнанному монарху». При сотне тысяч плательщиков, дающих гроши, но отнимающих все время у податных органов, победа государства

---

[1]) Neumann. Gemeindesteuerreform. p. 252 сл.

[1]) Schanz. Handwört. III. 1137.

[2]) Neumann. p. 254.

немыслима—ему удается лишь несколько оттеснить врага, но последний, скоро оправившись, снова наступает на казенный сундук. Внимание государства слишком отвлекается мелкой рыбкой, случаями, где вообще весь спор идет об одной-двух ступенях тарифа, т.-е. о мелочах, о пустяшных доходах. Последние как бы созданы в интересах прочих, тех крупных щук, которые стараются ускользнуть из фискальных сетей, действуют, спорят, возражают ради них, подобно тем, кто занимает и отвлекает внимание таможенников пустяками, давая возможность в это время другим провезти крупную контрабанду.

Правда, некоторые авторы (напр., Вальдекер) боятся лишиться 40 милл. мар., что должно получиться при повышении минимума в Пруссии до 1½ тыс. мар., не расчитывая лучшим преследованием остающихся «грешников» наверстать утрачиваемое; пришлось бы повысить обложение более состоятельных, на что они не решаются. Но весь вопрос состоит именно в том, до каких пределов можно идти, компенсируя расширение минимума сокращением расходов, благодаря устранению низших групп и внимательной слежке за высшими, принуждением последних действительно исполнять свои гражданские обязанности, а не отделываться как-нибудь платежами, стоящими вне всякой связи с их доходом. Иначе говоря, все зависит от того, насколько есть возможность добиться своей цели без повышения ставок, посредством одной лишь уплаты по существующим. Где-то должен быть тот пункт, на котором достигается максимальная выгода для казны, тот optimum, до которого можно и следует идти, но, переходя который, получаем уже понижение поступлений—показатель того, что свободный минимум становится чрезмерным.

Но этим проблема свободного прожиточного минимума еще вовсе не завершается. Легкость, с которой противники идут на уступки и допускают изъятие мелких доходов, объясняется тем, что в действительности освобождение лишь фиктивное, кажущееся, что все сводится к псевдо-минимуму, ибо распространяется на одни лишь прямые налоги, главным образом, на подоходный. Налоги на потребление никакой свободы принципиально не знают. Лишь упразднение тех из них, которые облагают предметы первой необходимости, косвенным путем ведет к этой цели, к действительно свободному минимуму дохода. Но до сих пор во мно-

гих странах даже хлеб облагался таможенными пошлинами, даже соль подлежала внутренним акцизам. Разрешение этой задачи, следовательно, еще впереди, входит в качестве необходимой составной части податной системы, проникнутой социальными идеями.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Принцип уравнительности в обложении [1]).

Регрессия.—Пропорциональность.—Прогрессия (история прогрессивного обложения, обоснование его, техника его).

Отказавшись от всяких изъятий как в ту, так и в другую сторону—как сословных, так и социальных,—Французская Революция, после сильных колебаний, выдвинула и другой принцип — пропорционального обложения. Она провозгласила идею обложения дохода или имущества любой величины в том же проценте, не допуская прогрессии, ни положительной, ни отрицательной,— ни прогрессии в тесном смысле, т.-е. процента, растущего скорее, чем доход или имущество, ни прогрессии обратной, — когда процент сокращается с ростом дохода или имущества, хотя уплачиваемая сумма налога и увеличивается (регрессия). Из идеи равенства вытекало не только всеобщее, но и равное обложение, равномерное разверстание налогов между всеми плательщиками, сообразно средствам каждого, иначе говоря, каждый обязан отдать одинаковую часть своего имущества государству.

Это был принцип совершенно новый: раньше господствовал иной. При Эдуарде III в Англии взималось по 4 пенса с каждого, т.-е. подушная подать, равная для всех, независимо от их достоя-

---

[1]) Историю теорий прогрессивного обложения см. Lehr. Krit. Bemerkungen zu den wichtigeren für und wider den progressiven Steuerfuss vorgebrachten Gründen. Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1877. B. 29. Grabein. Beiträge zur Geschichte der Lehre von der Steuerprogression. Finanzarchiv. 1895. 1896. Mase-Dari. L'imposta progressiva. 1897. Seligman. Progressive Taxation in Theory and Practice. 1894, франц. дополненное изд. 1909 г. Фактические данныя у Neumann. Die progressive Einkommensteuer. 1874. Suret. Théorie de l'impôt progressif. 1910.

ния. Во Франции в 1387 г. налог уже считался с имущественным положением каждого, но только так, что с первых 100 ливров взималось 4 проц., с дальнейших же по 2 проц., так что владелец 100 ливр. платил $^1/_{25}$ своего дохода, владелец же 300 ливр.—всего $^3/_{25}$, а владелец 1000 ливр.—не более $^1/_{50}$ [2]). Такая регрессия или обратная прогрессия считалась в те времена вполне правильной. Конечно, кто имеет больше средств, должен и может больше дать, но разница эта не должна быть слишком велика и вовсе не должна соответствовать разнице в состоятельности. Богатый и бедный, ведь, в равной мере пользуются защитой государства, а вовсе не сообразно размерам своего имущества. Правда, уже рано в различных средневековых статутах высказывается идея «равномерного» обложения, обязанности каждого платить «по своим средствам» (iuxta facultates). Но смысл ее, повидимому, заключался в обратной прогрессии, которая, по сравнению с равной для всех подушной податью, составляла известный шаг вперед, считалась со средствами каждого. Это обозначал и известный принцип «le fort portant le faible»: при раскладке определенной суммы сильный, действительно, облегчал слабого, принимая на себя большую сумму, даже если она составляла меньшую часть его имущества.

С этим гармонировало и положение, согласно которому, никто не обязан платить свыше определенной суммы, так что все состоятельные лица платят столько же, как бы велики ни были их средства. Такая точка замерзания является завершением обратной прогрессии, необходимым придатком ее. Гусситская подать, которой города откупались от участия в походе (обратно-прогрессивная), составляла в максимуме 4 гульд. при 750—1000 гульд. имущества и выше, т.-е. при 1000 гульд. 0,4 проц., при 4 тыс. всего 0,1 проц., в десять раз меньше, чем при 100 гульд. (1 гульд. или 1 проц.). На 1000 гульд. налог, вообще, останавливается, теряет способность двигаться—всем состоятельным лицам (речь, ведь, идет о выкупе) жизнь одинаково дорога.

В городах обнаруживается и идея пропорциональности. Но как ни существенна сама по себе высказанная здесь мысль об обязанности для всех и каждого отдавать равную часть своего состояния, она на практике не получала осуществления по той простой при-

[2]) Clamageran. I. 367-68.

чине, что рядом с ней существовал одинаковый для всех подушный и поочажный сбор, который, будучи присоединяем к пропорциональной подати, неминуемо обращал последнюю в обратно-прогрессивную. Так, напр., в Брауншвейге берется Schoss в 2 пфенн. с марки, или в 2 проц., но с прибавкой к нему общего для всех Vorschoss'а в 2 шилл. получается для имущества в 3 марки, в качестве общей суммы обложения 2,77 проц., тогда как для человека с 50 мар. имущества—0, 68 проц. И надо думать, что такое нарушение принципа пропорциональности являлось не случайным результатом сохранения старинных подушных податей, портивших все дело, а входило в намерения той эпохи: пропорциональная подать являлась лишь дополнением к поголовной, известным смягчением последней, исходила из существования ее и мыслилась лишь в связи с ней, но никак не иначе.

С течением времени идея пропорционального обложения постепенно пробивается, идея столь же выгодная для казны, как и принцип всеобщности, ибо дает ей возможность взять больше с состоятельных классов. О ней свидетельствуют уже одним своим названием многочисленные «двадцатые» и «десятые», «пятые» и «пятидесятые» и на Западе и у нас (см. выше, стр. 73), хотя фактически привилегированные сословия и тут умели сократить для себя долю обложения. Пропорциональность нарушалась и прибавками с обоих концов: сверху—максимумом, выше которого налог не идет, снизу—подушной податью для всех, кто имеет менее определенного имущества. Только середина, самое зерно, ствечало требованиям пропорциональности, по крайней мере, если исходить из того, повидимому, правильного предположения, что выраженное часто не в процентах имущества, а в разрядах, по сословиям и профессиям, обложение соответствовало их состоятельности, хотя грубо, но все же схватывало различие в имущественном положении.

В Англии такое поранговое обложение, соединенное с подушной податью, появляется уже в XIII ст. и сохраняется в течение половины тысячелетия, хотя и дифференцируясь, развиваясь и усложняясь в смысле шкалы обложения, численности групп и разрядов, распределения одного и того же сословия или профессии на ряд новых категорий. Так, в 1377 г. различается герцог или архиепископ (6 фунт. ст.), граф, епископ или лорд-мэр (4 ф.),

барон или столь же богатый рыцарь, альдермэн или мэр большого города (2 ф.), рыцарь или эсквайр (1 ф.), судья; далее идут крупные торговцы (3½ шилл.), мелкие торговцы или ремесленники — от 2½ до 6¾ шилл., смотря по характеру и размерам промысла, и т. д. Действительно, нам известно, что во времена Эдуарда IV герцог имел 4 тыс. фун. дохода, граф—2 тыс., виконт—1 тыс., барон—500 ф., рыцарь—200, эсквайр—50 ф., причем архиепископы жили, как герцоги, епископы—подобно графам [1]). Так что, не будучи обязаны доверять абсолютному размеру приведенных цифр дохода, мы все же усматриваем в общем правильность градации, ставящей во главе герцога и архиепископа, затем—графа и епископа, дальше, в определенной постепенности,—барона, рыцаря, эсквайра.

Абсолютный максимум, хотя уже повышенный до 100 фунт. налога и подушную подать в 6 пенс. для всех не упомянутых лиц старше 16 лет, т.-е. оба особенно нарушающих пропорциональный характер обложения элемента, находим и в подати 1641 г. Между ними, как и за 300 лет до того, поранговая градация (герцог—100 ф., маркиз—80 ф., граф—60 ф., виконт или барон—40 ф.); для джентльмена установлено 5 разрядов, в зависимости от величины расхода (не дохода) от 100 до 5 ф. На разряды разбиты члены и служащие торговых компаний, купцы туземные и иностранные, крупные и мелкие, причем прибавлено по поводу титулованных лиц, что «если они не владеют в том или другом случае крупным имуществом, то все же титул обеспечивает им такое место, которого они в противном случае не могли бы занимать». На самом деле и в эту эпоху еще в общем имелось соответствие между рангом и титулом, сословием, профессией, с одной стороны, и имущественной состоятельностью с другой. Грегори Кинг подсчитывает применительно к 1688 г., что лорд в среднем имел 2.800 ф. ст. дохода, баронет — 880 ф., рыцарь—650 ф., эсквайр—450 ф., джентльмэн—280 ф., крупный купец в морской торговле—400 ф., в сухопутной—200 ф. [2]).

Получалось, конечно, чрезмерное обременение низших классов, беднейшего населения. Но это вполне соответствовало условиям того времени: «они привыкли в рабству, и несколько лишних часов труда в день для них ничего не значит»,—как заявляли

---

[1]) Stubbs. Constitutional History. Vol. III. 5 ed. p. 557.

[2]) Gregory King. Natural und Political Observations etc. 1696.

в Ганновере. Мало того, «если вы освободите крестьян от подати (Taille), они немедленно окажутся строптивыми и невыносимыми». Я знаю их нравы, заявлял один из представителей генеральных штатов 1484 г..—подать—самая крепкая цепь, сдерживающая их. А англичане Давид Юм, Петти, Туккер, Темпл и ряд других (см. выше, стр. 89.120), все в один голос заявляли в XVII и даже в XVIII ст., что население порочно и ленивo, работает лишь для того, чтобы есть, или, вернее, чтобы пить, и высокие подати являются необходимым средством, чтобы заставить их трудиться, без них торговля и промышленность погибли бы.

Пропорциональное обложение и не считалось вовсе правильным и целесообразным. Еще в 1722 г. мы находим любопытное сочинение «О богатстве государей», в котором автор высказывается против налога с имущества, ибо, будучи установлен в том же проценте, он гораздо тяжелее падал бы на жителя Парижа, чем на того, кто живет в деревне. Государь, ведь, желает в равной мере дать возможность всем своим подданным увеличить свое благосостояние, а для этого недостаточно простого арифметического равенства в обложении, а необходимо геометрическое соотношение. Но какое? Можно подумать,—в такую ошибку впал Селигман,—что речь идет о прогрессивном налоге, о прогрессии кверху. На самом деле, автор заявляет, что надо разбить все население на три группы, в зависимости от их земель, ибо то, что составляет богатство для крестьянина, еще вовсе не означает богатства для дворянина, так как последнему необходимы гораздо большие средства, чтобы сохранить свое сословное положение, чем крестьянину. Если у дворянина забирают 10 гульд. из ста, составляющих его состояние, то его лишают части необходимых для существования средств, тогда как крестьянин, подлежа такому же налогу, платит его из избытка, сверх необходимого, который является истинным источником обложения [1]).

Но еще почти сто лет спустя, в 1818 г., Шмальц, последний физиократ, как его называли, в своих «письмах к одному наследнику престола», утверждает, что из принципа равенства прав всех и каждого (последний был уже провозглашен Французской Револю-

1) Цит. Bergius в Polizey- und Cameral-magazin. XI. 1774 и Seligman Progr taxation. 244.

цией) следует и равенство в обложении, но только не пропорциональность, а абсолютно одинаковая для всех подушная подать. В самом деле, почему богатый должен вообще—абсолютно—платить больше, чем бедный? Где тут правовое основание? Разве он платит больше за свое место в театре, или за хлеб или за пиво? Почему же он обязан дороже оплачивать ту охрану, которую ему доставляет государство? Неправильно, что он больше нуждается в защите. Решение дела в 10.000 талеров вовсе не стоит судье большего труда, чем разрешение дела о 20 талерах, а сторож одновременно охраняет и хижину и дворец. Мало того, богач кормит много людей, чего бедняк не делает [1]).

Противником взимания у всех равной доли является и Галлер, тот самый Галлер, который вообще не допускает налогов в монархии; в республике они возможны, но принцип равенства требует и абсолютно равного обложения. «Кто желает пользоваться выгодами равенства, должен нести и бремя его, а если он этого не желает или не может, то ему лучше выйти из общественного союза». Нет, следовательно, никакого основания заставлять богача платить большие налоги, чем бедняка. Он не пользуется большей охраной и несправедливо брать у него больше потому, что он в состоянии дать больше. Подобными мотивами могут руководствоваться лишь попрошайки, но не юристы, их можно приводить в области добровольных приношений, но не строгих правовых обязанностей [2]).

Таким образом, и у Шмальца и у Галлера из принципа обложения, сообразно выгодам, получаемым плательщиком от государства, вытекает, в сущности, однообразная для всех подушная подать и лишь в лучшем случае обратная прогрессия. А, между тем, уже задолго до них из этого именно принципа, признаваемого—как мы видели (см. стр. 76 сл.)—вообще основой обложения, делался совершенно иной, противоположный вывод.

Основатели теории «общественного договора» и «фискального договора» в XVII ст. (Гуго Гроций, Пуффендорф, Гобс), уделяя все свое внимание принципиальному вопросу о справедливости налогов вообще, как плате за охрану плательщика государством, лишь

---

[1]) Schmalz. Staatswirtschaftslehre. II. 1818 p. 189-90.

[2]) Haller. Restauration der Staatswissenschaften 1819. 2 изд. 1825 VIII. 129.

попутно касаются и количественного момента, проблемы распределения налогов, лишь глухо упоминают о необходимости установления связи между величиной налога и размерами оплачиваемой им выгоды. Яснее высказывается только Сюлли, говоря, что налог должен быть пропорционален выгодам, которые извлекает плательщик, и взиматься с его доходов (bénéfices). Но это еще не значит, что он должен быть пропорционален и размерам имущества или дохода, пропроционален в том смысле, как мы обычно понимаем этот термин. Перенесение принципа эквивалента в сферу построения самого обложения не только не разрешало вопроса о пропорциональном характере, а, напротив, еще ставило его на очередь. Означает ли равенство получаемых услуг равную долю в обложении, вытекает ли из теории компенсации учение о пропорциональности?

Едва ли не впервые ответил на это положительно Вобан (в 1707 г.), утверждая, что, раз все подданные нуждаются в защите государства, то все обязаны содержать его, а, следовательно, «естественным обязательством граждан, независимо от их положения, является платить пропорционально их доходу или их заработку. После многих размышлений и опытов,—говорит он по поводу господствующих изъятий из обложения и существующего в связи с этим переобременения неимущих классов — я пришел к тому выводу, что в руках короля имеется верное и действительное средство устранить это зло в настоящем и будущем. Это средство—заставить каждого участвовать в покрытии расходов государства сообразно его доходу». Никто не будет иметь основания жаловаться, никто от первого до последнего, не будет переобременен, ибо всякий будет платить пропорционально своему доходу [1]).

Юсти, писавший несколько десятилетий спустя, высказался в том же смысле. «Так как основной принцип обложения гласит, что подданные должны облагаться так, чтобы они были в состоянии платить налоги, и так как тот, кто обладает большим имуществом, пользуется и большей охраной, то справедливое равенство и выражается в том, что каждый подданный участвует в расходах государства пропорционально своему имуществу [2]).

---

[1]) Vauban. Dime royale. Maximes. Ed. Daire. p. 48-19

[2]) Justi. System. p. 362 сл.

После Французской Революции спор мог считаться решенным в пользу пропорциональности, и некоторые авторы (напр., Кроме в 1817 г.) находили даже смешным доказательство столь тривиального положения [1]), хотя, как мы видели, другие еще весьма скептически относились к нему, и Рау еще в 1859 г. считал нужным объяснять, что равномерность обложения заключается не в обязанности каждого уплачивать столько же, сколько и всякий другой. Исходя из различной состоятельности и из различия жертвы, приносимой каждым при уплате той же суммы, необходимо равномерное обложение в смысле пропорциональности [2]).

Но есть еще и третий ответ, построенный на все той же теории эквивалента платежа и услуги государства, взгляд, высказанный Руссо (в 1758 г.) и усвоенный рядом французских авторов в эпоху Революции. «Общество усиленно охраняет огромные имущества богача и едва дает возможность бедняку пользоваться хижиной, которую он построил собственными руками». Разве все выгоды не созданы для сильных и богатых?—спрашивает Руссо. Разве все выгодные должности не заняты ими одними? Разве все милости, все изъятия не установлены в их интересах? Если человек с положением обкрадывает своих кредиторов или производит иные мошеннические действия, то не остается ли он безнаказанным? Палочные удары, которые он раздает, насилия, им производимые, и даже совершаемые им убийства—не есть ли это все дела, которые стараются замять и о которых спустя шесть месяцев уже ничего не слышно. Но если того же человека обокрали, вся полиция поднимается на ноги, и горе тем несчастным, которых подозревают в краже... Когда ломается ось его телеги, все спешат ему на помощь», во всем оказывается ему уважение — отдается дань богатству.

И рядом с этой, самыми густыми мазками нарисованной, картиной силы и могущества господствующего класса—в виде контраста, дается в такой же гиперболической форме изображение несчастных и забитых низших классов, для которых не существует ни права, ни справедливости, ни даже простого чувства гуманности и сострадания. Зато, «если необходимы принудительные рабо-

---

[1]) Krome. Das Steuerwesen aus rechtl. Gesichtspuncten betrachtet. 172.

[2]) Rau. Finanzwiss. 4. Aufl. I. p. 377.

ты, если население призывается в армию», если нужны налоги, то «предпочтение отдается ему». Мало того, достаточно малейшего несчастного случая, чтобы все покинули бедняка». Если его несчастная телега опрокидывается, никто не только не помогает ему, но он может быть счастлив, если избегнет оскорблений со стороны наглых слуг какого-нибудь молодого герцога. Он—погибший человек, если имеет несчастье обладать честной душой или иметь красивую дочь или могущественного соседа» [1]). Из этого вывод—прогрессивное обложение, «операция, которую, якобы, ежедневно производят приказчики, честные люди, знающие арифметику» [2]).

Конечно, в этом описании богача, «по знаку которого все утихает» и «при проезде которого скорее будет уничтожено полсотни честных тружеников, чем он задержан на несколько минут», и бедняка, которому «труднее добиться права, чем другому милости», и который «несет податное бремя богатого, изъятого от налога, соседа»,—во всем этом мы находим яркую картину старого режима, общественного строя до-революционной Франции. Это было, действительно, то время, когда,—ярко изображает Тэн,—«за государственным столом, где председательствовал Людовик XV или XVI, король уже находил людей, приобревших свои места по наследству или за плату, сидевших длинными рядам сверху и до низу, смотря по своему рангу, в креслах, на стульях, или на табуретах... пользуясь правом, традицией или обычаем не платить за обед или платить дешевле, чем он стоит, не довольствоваться подаваемыми им блюдами, а протягивать руки к кушаньям, которые они могут захватить, брать их и уносить десерт в своих карманах».

При старом режиме, конечно, все было к услугам сильных и богатых, и все двери были закрыты перед бедняком, хотя не надо забывать и того, что далеко не всякого рода услуги доставались сеньору бесплатно от государства. Стража, которая,—как изображает Руссо,—его охраняла «во время поездок в опасные места» или разгоняла надоедавших ему людей, им оплачивалась. На свой счет он нередко содержал и полицию для охраны имущества, и те люди, которые «сбегались ему на помощь, когда ломалась ось его коляски», обыкновенно делали это не даром, так что за все это

---

[1]) Rousseau. Discours sur l'économie politique. 1758. p. 61 cл.

[2]) Taine. I. p. 260.

он никаким эквивалентом государству обязан не был, бедняк же не пользуется ничьей помощью,—как признает Руссо,—потому, что ему нечем оплатить ее. Во всяком случае, характерно, что именно из принципа услуги возмездие выводится не пропорциональное, а прогрессивное обложение, правда, в эпоху, когда такой принцип составлял резкий контраст с окружающей действительностью. Когда нужно было бороться с полным отсутствием податей для богатых, с абсолютно меньшим, в лучшем случае, с относительно меньшим их обложением, Руссо перегибает палку в другой конец и требует даже не относительно одинакового, а относительно большего налога для них, и требует в виду той силы, которой они пользуются в общественной жизни и которая именно и делала всякую попытку борьбы с их привилегиями, в том числе податными, бесплодной и безрезультатной.

Позже обстановка меняется. «Палочные удары» сеньоров прекращаются; они те же граждане, как и все прочие, их вносят в те же податные списки, они пользуются наравне со всеми другими охраной жизни и имущества, к которой, в сущности, сводится вся роль нового государства. Ссылаться на существование особых привилегий в их пользу уже невозможно было; но зато мыслимо было указывать на «несправедливости в прошлом, усиливавшие природные неравенства и недостатки», на необходимость компенсировать их, исправить унаследованное от прошлого. В зависимости от степени скорости, с которой мы желаем это совершить, прогрессия и должна расти быстрее или медленнее [1]). Можно было обвинять государство и в том, что оно своим невмешательством в экономическую жизнь создает не меньшие несправедливости, чем прежде односторонним покровительством аристократии, что богатства современного общества являются в известной мере результатом его деятельности, заключаемых им торговых договоров, вырабатываемых им таможенных тарифов, законодательства в области валюты, последствием войн и т. д. [2]). Из этого вытекала опять-таки «теория компенсации» (но в ином смысле!) в виде прогрессивного обложения, хотя нетрудно понять, что в данном случае прогрессия рассматривается в качестве неравномерного

---

1) Royer. Théorie de l'impôt. 1862. p. 64.

2) Walker. Political Economy. 1883. p. 479.

обложения, служит орудием неравенства, которое должно лишь исправлять другое неравенство в прошлом или в настоящем. Но такая цель может быть достигнута лишь в том случае, если из двух моментов один действительно уравновешивает второй, принаравливается к нему, а не усиливает его еще более. Но можно ли установить и доказать это? [1])

Таким образом, оказывается, что из теории услуги-возмездия можно вывести все, что угодно. Для Галлера и Шмальца она служит в такой же мере обоснованием равной подушной подати или обратной прогрессии, как для Ройе, Руссо и Уокера базисом прогрессивного обложения. А между этими двумя крайними полюсами находятся многочисленные сторонники пропорциональности, начиная от Вобана и Юсти и вплоть до Мак-Коллоха и Сениора, Леруа-Больё и Бодрильяра, строящие свою теорию на том же принципе выгоды, эквивалента, обмена услуг. Такую путаницу вызывал этот и сам по себе неверный принцип, когда его пытались использовать в интересах равномерности в обложении.

Но сторонники пропорционального обложения вовсе и не думали покинуть эту, как им казалось, столь выгодную для них, позицию в борьбе с надвигавшейся на них слева опасностью в виде прогрессивного обложения. Враги пропорционального обложения справа, находившие, что богач вовсе не обязан уплачивать больше, чем бедняк, ибо он не получает за это соответствующего эквивалента, все более переводились, исчезали, прекращали бесплодную для них борьбу за идеи старого порядка, их бояться и с ними ломать копья уже нечего было. Напротив, можно было допустить, что уж скорее они правы, ибо охрана имущества в 300 франков обходится, быть может, даже не втрое дороже, чем защита трех имуществ в 100 фр. каждое. Но, во всяком случае, она стоит не вчетверо дороже, т.-е. дальше пропорциональности идти нельзя. Надо крепко стоять на этой почве, ни в коем случае не становясь на шаткий и противоречащий всему хозяйственному строю фундамент прогрессии. В подтверждение этого приводилось много аналогий. Государство сравнивали и с гостиницей, и с бакалейным торговцем, и со страховым обществом, и с акционерной кампанией; во всех случаях жизни имеют значение вызываемые плательщиком

[1]) Seligman. Progressive Taxation. 139.

расходы, а вовсе не степень его состоятельности. Что сказали бы, если бы пекарь или бакалейный торговец брал разные цены со своих товаров одинакового качества и количества, в зависимости от богатства своих покупателей? Напротив, при больших закупках издержки сокращаются, и цена понижается—таков принцип коммерческой жизни, справедливый и поощряющий экономический прогресс. Если в страховом обществе премия равна 1 проц. и страхуется дом в 100 тыс., то приходится компании платить 1000 фр., если же он оценен в 1 милл., то премия равна 10 тыс. фр., но не более.

Но параллели эти являлись весьма шаткими. Страховое общество определяет премию не только по размерам страхуемого имущества, но и сообразно изменяющейся в каждом отдельном случае степени риска. Если же следовать примеру лавочника, делающего уступку тому, кто покупает у него больше, то надо отказаться и от пропорционального обложения, делая всевозможные льготы наиболее богатым плательщикам.

Но в половине XIX ст. положение теории эквивалента услуг являлось уже весьма шатким. Никто иной, как Милль, нанес ей тяжелый удар. «Цели государства,—говорит он,—не сводятся к охране жизни и имущества; они столь же широки, как задачи общественного союза вообще, они охватывают всякое добро и зло, поскольку правительство может его дать прямо или косвенно». Мало того, между этой деятельностью государства и размерами имущества того или другого лица невозможно установить никакого соотношения—получается лишь «обманчивое впечатление какого-то точного измерения», которое легко подкупает людей. Между тем, «ничто не вызывает более ложного понимания социальных вопросов, чем присвоение вещам, по самому существу своему неопределенным, определенной ценности и построение на этом практических выводов». «Если уже определять размер выгоды, извлекаемой тем или другим лицом из защиты, оказываемой ему государством, то надо было бы поставить вопрос так: кто пострадал бы более всего, если бы охрана эта отпала? А ответ на это,—если он вообще возможен,—свелся бы к тому, что наиболее страдали бы физически или духовно слабейшие от природы или под влиянем условий жизни; они, без сомнения, попали бы в рабство. Таким образом, — заключает Милль,—«из этой мнимой теории справедливости при

последовательном осуществлении ее получается тот вывод, что те, кто наименее в состоянии сами себе помочь и себя охранять и, следовательно, меньше всего могут обойтись без защиты государства, должны были бы нести наибольшую часть расходов на его содержание—прямая противоположность истинной идеи распределительной справедливости, состоящей в том, что надо не усиливать неравенства и невзгоды, существующие от природы, а, напротив, их всячески смягчать» [1]).

Так Милль, одним ударом, сбросил с пьедестала теорию платы за услуги, довел ее до абсурда, в одно мгновение ярко осветив все противоречия между ней и действительной жизнью, между узко-индивидуалистическим строем первой и проникающейся все более социальными стремлениями и идеями второй. А, освободив финансовую науку от этой теории, он тем самым выбил из-под ног учения о пропорциональном обложении наиболее крепкую опору и расчистил путь для прогрессивного налога [2]).

Впервые « l'imposta progressiva » появилась, повидимому, во Флоренции, той самой Флоренции, где в 1378 г. произошло восстание чиомпи, popolo minuto, «предков всех нынешних пролетариев». Подать именовалась decima, но лишь по той причине, что устанавливалась «советом десяти», а не потому, чтобы взималась в виде равной для всех десятой части доходов. Напротив, начавшись с невысокого обложения, прогрессия в последующие годы, при взимании чрезвычайных налогов с недвижимостей, стала доходить до 22 проц. дохода, 33 и даже 50. Так, decima dispiacente 1447 г. начиналась с 8 проц. при доходе в 1—50 флор., составляла при 1000—1200 флор. уже 43 проц., а при доходе свыше 1500 флор.—50 проц., вселяя ужас в крупных землевладельцев. «Так люди никогда не довольны достигнутым и, добившись одного, они тотчас же стремятся уже к другому, еще большему». Медичи же имели возможность посредством такого обложения вполне законным путем разорять богачей и аристократию, бороться со своими врагами».

---

[1]) Mill. B. V. Ch. II. § 2.

[2]) В области местного обложения принцип услуги—возмездия продолжает и до сих пор существовать и применяться, хотя и в совершенно ином смысле и значении и без всякого отношения к проблеме пропорционального или прогрессивного обложения. Речь идет о тех потребностях, которые удовлетворяются в интересах определенных групп населения и которые требуют особого или усиленного их обложения (см. выше, стр. 57).

Итальянский писатель XVI ст. Гвиччардини останавливается на вопросе о прогрессивном налоге. В диалоге Гвиччардини противник прогрессии, на стороне которого стоит, повидимому, и автор, жалуется на нарушение принципа равенства, раз одним приходится платить 12 проц., другим же—20, 25 и 30 проц. своего дохода. Но, кроме того, налог этот опасен, так как богатых он превращает в бедняков; а это наносит ущерб городу, ибо богачи создают славу города, поддерживают его в случаях нужды, приходят на помощь и бедным. Правильно устроенное государство не стремится к устранению имущественных различий, а старается сохранить каждому то состояние, которое он имеет. Сторонник прогрессии на это заявляет, что «последняя необходима в целях равенства в обложении, ибо только при прогрессивном налоге каждый приносит ту же жертву, что и прочие плательщики; для государства же не может получиться опасности от того, что богачи отдают часть своего богатства, так как чрезмерное богатство ведет лишь к распущенной, вредной для здоровья, жизни, вызывающей опасное подражание и у менее состоятельных жителей, плодит опасных, ищущих новшеств, бездельников-аристократов». Но на это ему отвечают, что равенство заключается в том, что каждый гражданин пользуется равной с прочими защитой, что все подлежат одинаковым законам, и голос одного имеет такое же значение, как и другого. Равенство же в имущественном отношении означало бы прекращение всякого прогресса, уничтожение человеческого общества. Расходы не у всех одни и те же, ибо люди занимают различное положение. «Если бедный человек имеет всего одну служанку и одну одежду, то никто в этом не усматривает чего-либо дурного, напротив, богач, ограничиваясь такими же расходами, вызывал бы упреки, возмущение и насмешки». Наконец, исходя из опыта противник прогрессии называет прогрессию произволом, ибо никто не может поручиться за то, что государство остановится на определенной шкале обложения и «decima scalata» не пойдет все дальше и дальше: «природа вещей такова, что всякое начало незначительно, но затем, если человек недостаточно осторожен, та же вещь быстро растет и ведет к цели, которую даже невозможно предвидеть». В результате, прогрессия привела бы к тому, что «добродетель, прилежание, труд заменились бы бездельем, грабежом, леностью, дурными словами и еще худшими поступками».

Прогрессия — заключает он — «есть тот яд, который вначале кажется сладким, но затем оказывается убийственным».

За этим первым дебютом следовал второй акт, окончательно подорвавший на долгие годы всякое уважение к прогрессии и сделавший ее символом высшего произвола, террора и «прогрессивного разбоя». Это клеймо запечатлелось на ней со времен Французской Революции, со времен эпохи Конвента, «сделавшей аристократию богатства безусловно опасной». Почва уже была подготовлена пламенными статьями Руссо и, хотя гораздо более умеренным и осторожным, но имевшим огромное влияние, сочинением Монтескье (1748), который находил, что Солон правильно поступал, хотя он не облагал афинян пропорционально. Установленная им подать, «не исходя из пропорции имуществ, имела, однако, в виду пропорциональность потребностей». Греки полагали, что «физически необходимое должно быть свободно, дальнейшее же должно быть обложено, но ниже, чем излишек» [1]). Следуя его «proportion des besoins», но идя гораздо дальше, Жанкур в Энциклопедии Дидро уже говорил о налоге с состоятельных людей, который достаточен был бы для покрытия расходов государства или издержек на ведение справедливой войны, «без того, чтобы крестьянин об этом слышал иначе, как в возносимых за дарование победы молитвах».

С приближением Революции влияние Монтескье усиливается. Сторонники прогрессии умножаются и требования их «прогрессивно» растут. Госселен (в 1787 году) уже находит, что, конечно, лучше всего было бы, если бы все имущество было распределено поровну, но в ожидании этого и в качестве суррогата надо стараться свалить на богачей наибольшую часть податного бремени. Бернарден де Сен-Пьер (в 1789 г.) строит на производимом Монтескье разграничении «необходимого» и «излишнего» требование поземельной подати, которая, при возрастании недвижимости с арифметической прогрессии, как 1, 2, 3, 4 и т. д., должна расти в геометрической прогрессии — 1, 2, 4, 8 и т. д. Наконец, высшего выражения своего идея прогрессии в эту эпоху достигла у первого истинного коммуниста — Бабефа, для которого она являлась переходной ступенью к конеч-

[1]) Montesquieu. L. XIII. Ch. VII.

ной цели—коммунистическому строю. Все участники коммуны владеют сообща средствами производства, а продукты распределяются между всеми по их потребностям. А кто не желает войти в национальную коммуну, должен платить прогрессивный налог, который, в случае необходимости, может достигать всего, превышающего необходимые средства существования, состояния.

В то время, как теоретики так разжигали страсти, возбуждая толпу, последняя, разорвав сковывавшие ее веками цепи рабства и добившись силы и власти, обратилась к осуществлению этих новых, столь заманчивых принципов, уравнивавших богатого и бедного, уничтожавших тех, которые до сих пор давили население.

В Национальном Собрании (1792 г.) Камбон предлагал «налог с богачей и эгоистов, спокойно выжидающих результатов революции или вступающих в борьбу с ней». Но первый прогрессивный налог 1792 года отличался и тут еще умеренностью: освобождая доход до 900 фр. от обложения, он начинался с 0.3 проц. при доходе в 900—3000 фр. и достигал 5 проц., если доход превышал 150.000 фр. Это,—объясняли,—и есть осуществление идеи «равенства», которую считают «химерой»,—богачи платят «сообразно защите, которую им оказывает закон». Но и здесь «суверенный народ» требовал дальнейших шагов в том же направлении, заявляя, что класс бедный все время приносит жертвы, его кровь лилась в защиту свободы; «пусть же богачи примут участие в том бремени, которое до сих пор несли одни бедняки. Мы настаиваем на военном налоге с богачей!». Правда, предложенный Робеспьером прогрессивный налог, основанный на принципах «вечной справедливости», не был введен, вследствие протеста более умеренных членов конвента. Но последний произвел принудительный заем, который при доходе в 40—50 тыс. фр. составлял 20 тыс. фр., т.-е. 40—50 проц., а при более высоком доходе равнялся всей сумме, превышающей 30 тыс. фр.; так что при доходе в 200 тыс. фр. он достигал 170 тыс. фр. или 65 проц., при доходе в 500 тыс. фр.—470 тыс. фр. или 94 проц. дохода, постепенно охватывая чуть ли не весь доход богатых людей. Такие же принудительные займы, означавшие ни что иное, как конфискацию имущества, происходили и впоследствии несколько раз в эпоху Конвента, предпочитавшего их налогу. Они шли еще дальше займа 1793 года: в пользу государства с 9000 фр. уплачивалась половина, а с более круп-

ных доходов, кроме того, и вся та часть, которая превышала 9 тыс. фр.; так что владелец дохода в 30 тыс. фр. платил уже 25.500 фр. или лишался более 80 проц. своего дохода. «Ты богат,—заявлял Камбон,—твои взгляды вызывают расходы для республики, так отдай свое имущество ей». А Дантон к этому прибавлял: «Граждане, облагать богачей, это значит придти им на помощь. Для них это не жертва, а истинная благодать. В Париже много роскоши, огромные богатства. Так выжмем же эту губку!» [1]).

И после падения террористов идеи этого рода были слишком сильны и нужда в средствах слишком велика, чтобы применение прогрессии могло прекратиться. Оно продолжалось еще вплоть до 1799 г. в виде принудительных займов—в последний раз в размере до 75 проц. имущества.

Это был уже последний опыт революционной эпохи, лебединая песнь прогрессии. Система оказалась невыгодной, давала слишком мало. «Убивая богача, вы убиваете и бедняка»,—справедливо заявлял Бюзо. Уже в то время такие приемы вызывали сильнейшую ненависть к самому принципу прогрессии, «развращающей все классы общества, отнимающей у человека его заработок и право собственности, которое является вознаграждением за его труд, противоречащей всякому общественному и государственному строю». «Прогрессивный налог,—говорит Жолливе (1793 г.),—в себе же самом несет элемент разрушения, ибо объект его последовательно должен сокращаться и, в конце-концов, исчезнуть путем деления и распыления состояний. Это коршун, пожирающий свой собственные внутренности» [2]).

Волны Французской Революции захлестывали и другие страны, ее приемы и способы находили и за рубежом отклик и подражание. В женевском кантоне в 1798 г. было внесено предложение, «с целью устранения чрезмерного имущественного неравенства и в видах борьбы с могуществом богачей», а также в качестве эквивалента за те «бесконечные выгоды, которых лишено прочее население в виде уважения, славы и т. д.», установить налог, возрастающий в геометрической прогрессии и облагающий землю и капиталы таким образом, чтобы при дальнейшем своем развитии

[1]) См. Stourm. Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution. p. 370-75.
[2]) Iollivet. De l'impôt progressif et du morcellement des patrimoines. 1793. 94 сл.

он поглощал весь доход и того и другого рода [1]). Проект прогрессивного обложения возник в 1797 г. и в Папской области, превращенной в «Римскую республику», но в том же году вызвал решительный отпор в сочинении Компаньони, который предсказывал мало выгод казне от такого налога, но зато много ущерба народному хозяйству, эмиграцию рабочих и предпринимателей, сокращение населения, обеднение и потерю сил для государства.

С таким же ужасом произносили самое слово «прогрессия» в Германии. Цитировали резолюцию Тюрго на предложенном ему проекте прогрессивного налога: «il faut exécuter l'auteur et non le projet». Прогрессия не лучше «разбоя на большой дороге» (Гентц, 1799 г.). При прогрессии «у того, кто имеет наибольший доход, в конце-концов, ничего не остается» (Сарторius, 1815 г.). «Возрастание процента в обложении противоречит не только справедливости, но и природе вещей» (Гарль, 1816 г.). Это «наказание за большой доход, а, следовательно, за прилежание; всякий должен проклинать увеличение своего состояния. Бережливость и труд становятся пороками, лень и мотовство добродетелями» (Галлер, 1819 г.).

После того, как с прогрессией обошелся столь круто Конвент, ничего нет удивительного в том, что в течение продолжительного времени после Революции прогрессия и конфискация имущества считались синонимами—такова уж была слава, созданная ей Революцией. Если не считать Сэ, который не боялся заявить, что «прогрессивный налог единственно справедливый» [2])., то в защиту ее выступают лишь несколько авторов в Англии, стоявшей поодаль от революционных бурь континента и хладнокровно обсуждавшей вопрос об умеренной прогрессии в новом подоходном налоге. Все остальные писатели в течение полустолетия твердо стоят на принципе пропорциональности, как единственно спасительном, осторожном и возможном для всех «благомыслящих граждан», придерживаются его и тогда, когда это вовсе не вытекает из их рассуждений, даже противоречит им. Да иначе и нельзя было, никакие уступки не были возможны, опасность была слишком велика.

Но достаточно было на горизонте появиться красному призраку революции, и с ним вместе ожила его спутница—идея про-

---

[1]) Schanz. Die Steuern der Schweiz. 1890. I. 9.
[2]) Say. Traité. 1803. T. III. Ch. IX.

грессии. Она вновь выплыла в революционные эпохи 30-х и 40-х годов. В 1840 г. Обермюллер опубликовал сочинение под знаменательным названием: «Имущественное равенство. Решение проблемы: как помочь бедствиям рабочих классов?». «Решение» этого, по мнению автора, столь легкого и простого вопроса он усматривает в решительном проведении в податной системе принципа прогрессии, доходящей до 50 проц. и тем самым «препятствующей накоплению чрезмерных богатств у отдельных лиц и распространяющей всеобщее благосостояние». Уже по истечении нескольких лет настойчивого применения ее, — восхваляет автор с наивным оптимизмом свою идею,—обнаруживается улучшение, без насилия и всеобщего переворота, всех условий человеческой жизни, всеобщая бедность заменяется довольством и благосостоянием» [1]).

И Обермюллер, суливший все блага мира стране, которая примет «серьезную» прогрессию, вовсе не был единственным проповедником этой системы. Эйзенгарт в свой «Философии государства» (1844 г.) предлагал ее в качестве «дополнения к полиции благосостояния», ибо она «увеличивает благосостояние бедных, богатым же налагает благодетельные для их богатства ограничения» [2]). А саксонский барон Гросс предложил «Германскому Национальному Собранию» в 1848 г. проект подоходного налога, доходящего до 33⅓ проц., извиняя свою умеренность тем, что рядом с справедливостью необходимо считаться и с возможностью осуществления ее на практике [3]). Действительно, в Пруссии появился год спустя гораздо более «прогрессивный», «соответствующий духу времени», проект. Первые двести талеров,—гласит прусский проект 1849 г.,—облагаются в размере 1 проц., вторые 200—в 2 проц. и т. д., а все, что превышает 9900 талеров, поступает целиком в казну. «При таком подоходном обложении,—прибавляет автор,—те густые облака, которые нависли между престолами царей и народами, исчезли бы до последнего атома. Ибо лучшей и единственно хорошей формой правления является та, при которой бедность становится невозможной. Перед ней преклонятся все колени, ей должны подчиняться ангелы и каннибалы, это истинно-неограниченная и истинно-свободная форма правления».

---

[1]) Obermüller. Das Gütergleichgewicht. 1840.

[2]) Eisenhart. Philosophie des Staates. 1844. p. II. p. 212.

[3]) Gross. Allgemeine progressive Grund—und Einkommensteuer. 1848.

Знаменьем времени являлся, однако, тот факт, что и самим прусским правительством был выработан в 1849 г. проект прогрессивного подоходного налога; налог начинался с 3 проц. и достигал 5 проц. с дохода. После изложенного не приходится, конечно, удивляться тому, что на него набросились со всех сторон, усматривая в таком налоге «уступку красным республиканцам», называя его осуществлением «социалистического и коммунистического принципа», и законопроект провалился [1]).

Но многие города в Германии уже с 30-х и 40-х годов XIX ст. взимали в свою пользу прогрессивные подоходные налоги, хотя и очень небольших размеров и с чрезвычайно умеренной прогрессией. Так, в Галле с 1841 г. существовал коммунальный подоходный налог, который составлял от 0,0085 проц. при доходе в 240—270 мар. до 0,25 проц. с дохода в 9000 мар. (т.-е. доходы крупные облагались в 30 раз выше, чем мелкие), доход же, не превышавший 240 мар., был свободен от обложения. В Эрфурте уже с 20-х годов XIX века находим прогрессивный налог в пользу кассы общественного призрения, который взимался в размере от 0,7 проц при 150—225 мар. дохода до 1,2 проц. при доходе в 6000 м. и более. В Киле в 1830 г., т.-е. еще до перехода его от Дании к Пруссии, был введен прогрессивный налог с доходов и имущества, причем установление прогрессии мотивировалось — одна из наиболее ранних и весьма серьезных мотивировок прогрессии— тем, что при уплате каждым одинакового процента со своего дохода получилось бы более тяжелое обложение для менее состоятельных, чем для более богатых плательщиков; первые вынуждены отдать часть того дохода, который не вполне покрывает или только покрывает необходимое для них и их семейств содержание, тогда как для более состоятельных, чем больше их доход, тем менее чувствительным становится налог, при котором их необходимые потребности не ограничиваются [2]).

И прусское городовое положение 1853 года не препятствовало сохранению городами прогрессивного обложения в будущем, хотя противники его и утверждали, что оно противоречит основным

---

[1]) Beckerath. Die preuss. Classensteuer und die Gesch. ihrer Reform bis 1851. 1912. p. 75 сл.

[2]) Кулишер. Коммун. обложение, стр. 259 сл.

законам Пруссии, нарушает мир в общине и ведет к войне между малоимущими и состоятельными лицами, наконец, не соответствует существующему хозяйственному строю. Вместо того, чтобы налог уплачивался всеми в равном проценте за защиту имущества государством, в этом случае получается, что плательщик сохраняет свое имущество не потому, что имеет на это право, а лишь благодаря тому, что общество благоволит оставить ему столько-то. Но рассуждения эти не могли иметь успеха, так как опыт городского обложения показал, что рядом с «ультра-прогрессивным» обложением времен Робеспьера мыслима и самая умеренная прогрессия, достигающая в максимуме ½—1 проц. дохода. Запретить же всякое прогрессивное обложение означало бы отменить его во всех тех городах, где оно уже существовало, где население с ним вполне свыклось и где оно во многих случаях шло на погашение огромных долгов города. Ландтаг и высказался в том смысле, что все эти запугивания неосновательны, что все это софизмы, не имеющие никакого отношения к прогрессии. Вполне справедливо, чтобы те, кто больше имеют, отдавали и болеее значительную часть своего избытка; при иной же системе обложения пришлось бы установить равный для всех процент обложения в гораздо более высоком размере, чем в настоящее время платят лица малоимущие, так что последние были бы обложены слишком высоко [1]).

Появилась прогрессия и в различных государственных налогах — революционное движение 1848 г. ее произвело на свет. Но, несмотря на такое происхождение, самая прогрессия не имела уже революционного характера, не подражала примерам первой революции. Она скорее копировала городские налоги с их умеренностью и осторожностью, или, по крайней мере, шла по этому второму руслу, отрекаясь от уравнения богатых с бедными и отнятия имущества у тех, у кого оно еще есть, без создания его вновь тем, кто его не имеет. Она и внешне всячески открещивалась от своей праматери — прогрессии жирондистов, внося новую терминологию, чтобы ее не смешивали с созданием прошлого, призрак которого был еще жив и полвека спустя.

Вместо прогрессии говорили о дегрессии, о пропорциональном обложении, допускающем, однако, понижение процента для

---

[1]) Кулишер. Там-же, стр. 257 сл.

более мелких доходов. Нельзя же от полного изъятия делать сразу скачек к полному обложению,—нужен переход, более умеренный налог для доходов, следующих за прожиточным минимумом, не обозначающих более бедности, но еще далеких от богатства. Им как бы также дается известный свободный минимум и лишь остальная, за вычетом его, остающаяся часть подвергается равному для всех проценту обложения, что обозначает на весь доход более низкий процент. А раз эта часть постепенно составляет уменьшающуюся долю дохода, то процент понемногу должен расти, пока — уже на сравнительно низком уровне—такой вычет не заканчивается и полный процент обложения не вступает всецело в свои права. Получается вначале известная градация обложения для доходов, следующих за изъятым минимумом, но создается лестница невысокая, вскоре заканчивающаяся, после чего уже идет ровное пространство—равный для всех доходов—и средних, и крупных, и крупнейших, процент обложения, горизонтальная линия. Самое движение как бы идет в противоположном прогрессии направлении, противоположном не в смысле усиления доли, взимаемой с более мелких доходов,—это была бы старинная обратная прогрессия или регрессия,—а в том, что, проводя тот же принцип, дегрессия не поднимается снизу вверх, наростая с увеличением дохода, а опускается сверху вниз, понижая взимаемую часть для более мелких имуществ или доходов. Она действует путем скидок внизу, а не путем надбавок наверху.

Так, в швейцарском кантоне Тургау, в 1849 г., появился подоходный налог в 1½ проц., но для доходов ниже 2600 фр. процент уменьшен: при 2.301—2.600 фр.—1¼ проц., при 2.001—2.300 фр.—1⅛ проц., при 1.701—2.000 фр.—0,8 проц. и т. д., вплоть до 0,17 пр. В Цюрихе уже раньше, в 1832 г., введен был подоходный налог в 2½ проц., но понижавшийся для доходов ниже 8 тыс. фр. вплоть до 1½ проц., в Базеле (закон 1840 г.) дегрессия начиналась с 6 тыс. фр. и выражалась в понижении процента с 3 до 1½. В Баварии революция 1848 г. создала в 1850 г. общеподоходный налог в размере от ½ проц. при доходе свыше 200 гульд. до 2 проц., если он превышает 9 тыс., в баварском налоге с денежных капиталов обложение начиналось с 1½ проц., доходя до 3½ проц., но заканчиваясь на этом высшем уровне уже при 1000 мар. дохода. Дегрессию обнаруживал и возникший под влиянием тех же обстоя-

тельств, в 1849 г. т. называемый подоходный налог в Австрии, который доходил до 10 проц., хотя фактически, в виду изъятий и вычетов, в таком размере почти не взимался; этот максимум достигался при 10 тыс. гульд., дальше процент оставался в неподвижном состоянии.

Однако, наиболее ярким представителем дегрессивного обложения, оказавшим в этом смысле большое влияние и на податную систему континента, являлся английский подоходный налог. Уже в эмбриональном состоянии (в 1798 г.), когда он имел форму надбавок к налогам на роскошь, он устанавливал равный для всех доходов процент лишь начиная с 200 ф. ст., тогда как между этим уровнем и 60 ф. в виде свободного минимума, открывалось свободное пространство для дегрессии. Этого принципа скидок — abattements — английский налог придерживался вплоть до преждевременной своей смерти в 1816 г., восстановил его с возрождением в 1846 г., правда, не сразу, а лишь 18 лет спустя (пониженное обложение доходов в 200—100 ф., затем свободный минимум), но зато уже не расставался с ним, мало того, расширял сферу дегрессии все более и более (до 700 ф. в 1898 г.).

Такой образ действия находил сочувствие не только в парламенте, но и в литературе, в особенности одобрение со стороны тогдашнего главы классической школы, Дж. Ст. Милля, который признавал необходимым не только освобождать наименьший доход, нужный семье рабочего для существования, примерно, 200 ф. ст., но вычитать такую же сумму, необходимую для «поддержания жизни и здоровья и освобождения от физического недомогания» и из дальнейших доходов. Если 200 ф. ст. для этого достаточно, то доход в 400 ф., уплачивая налог всего с 200 ф., облегчен настолько, насколько он, по сравнению, напр., с доходом в 4000 ф. ст., вправе претендовать. Конечно, можно было бы идти дальше и утверждать, что уплата 100 ф. при 1000 ф. дохода тяжелее (даже при вычете 20 ф.), чем 1000 ф. при 10.000 ф. дохода (тоже с вычетом 20 ф.). Однако, это учение,—возражает Милль сторонникам прогрессии,—вообще довольно ненадежно, и если оно содержит долю правды, то едва ли в такой степени, какая необходима для построения на нем принципов обложения. Против пропорциональности обложения приводят два соображения. Прежде всего, оно легче может понизить социальный уровень чело-

века с меньшим доходом, чем того, кто обладает крупным. Но если это вообще правильно,—что весьма сомнительно,—то все же правительство вовсе не обязано считаться с предубеждениями, оценивающими социальное значение человека по производимым им расходам. Другое соображение состоит в том, что прогрессия является средством для смягчения имущественного неравенства. Но облагать более крупные доходы в повышенном проценте означает ни что иное, как облагать трудолюбие и бережливость, наказывать прилежного за то, что он больше работал и больше сберегал, чем другие. Правительство должно лишь давать возможность конкурентам начинать бег при равных условиях, смягчая неравенство образованием и иными мерами, но оно не может привешивать тяжесть более скорому в интересах более медленного.

Взгляды Милля, признанного авторитета, оказали влияние и на континенте Европы: дегрессивное, но отнюдь не прогрессивное, обложение стало вскоре общим местом, переходило из одного курса финансовой науки в другой. Уже в 60-х годах чуть ли не дословно повторяли Милля Бергиус и Пфейффер, позже—Рошер, Гельферих, Умпфенбах, Фоке; в особенности же придерживались их французские писатели почти поголовно (Блок, Леруа-Больё, Стурм, Бодрильяр), в сущности и Гарнье со своим «impôt progressionnel»—умеренный максимум в отличие от «progressif», составляющим «своего рода грабеж». Все они, частью путем вычета прожиточного минимума из всех доходов (универсального минимума), частью посредством пониженного обложения мелких плательщиков допускают дегрессию, усматривая, напротив, в прогрессии «произвол, свойственный выродившейся демократии». «При дегрессии опасность состоит лишь в возможности, по легкомыслию, чрезмерного освобождения слабых, на что фискальные соображения скоро налагают запрет, тогда как при прогрессии она кроется в гораздо более жестокой возможности усиленно «облагать сильных в качестве врагов».

Но, конечно, на этом нельзя было остановиться. От дегрессии прямой путь вел к прогрессии. Последняя являлась необходимым и неминуемым развитием первой. Дегрессия составляла, после изъятия прожиточного минимума, новый, удобный и целесообразный переход от пропорционального обложения к прогрессии, второй этап, мост, по которому можно было добраться до прогрессии.

Оба средства смягчали резкий переход от первой системы ко второй. В этом отношении прав был тот автор (Фаухер), который находил, что даже изъятие какого бы то ни было дохода означает первый шаг на пути к прогрессивному обложению, тем более прямо и неуклонно ведет туда дегрессия. В самом деле,—не взирая на возражения Милля (см. выше), — если плательщик с доходом в 10.000 руб. облагается выше, чем тот, кто имеет всего 5.000 руб., то почему обладатель 20.000 руб. не должен отдать более значительной части своего дохода, чем владелец 10 тыс., а человек с доходом в 50 тыс. не должен заплатить более высокого процента, чем тот, у кого доход равен 20 тысячам? Где-нибудь необходимо остановиться,—иначе прогрессия поглотит, в конце-концов, все. Но конечный пункт, за пределами которого уже идет пропорциональное обложение («горизонтальная»), должен быть, очевидно, там, где огромное большинство доходов прекращается и их сменяют единичные, как бы случайные, плательщики со своими огромными состояниями. И в этом случае естественной границы нет и ее указывает целесообразность в каждой данной стране. Но все же такое окончание роста процента гораздо более вытекает из принципа более высокого обложения крупных, чем мелких доходов, нежели то, которое, будучи построено на той же идее и сделав два-три шага, сразу останавливается и не двигается дальше именно там, где начинается густая цепь массовых плательщиков, т.-е. где этот принцип именно должен себя проявить, обнаружить свои способности, где он может дать богатую жатву. Дегрессия задерживает его полет, прогрессия открывает ему простор.

Разница между ними не сводится к тому, смотрим ли мы на одну и ту же вещь сверху или снизу, меняя лишь свое положение, или добираемся ли скорее или медленнее до «полной ставки». Нет, за количественным различием кроется и существенная качественная разница; прогрессия проникнута иным духом, имеет иную цель и иной смысл. В отличие от дегрессии, поощряющей норму для слабых, прогрессия учитывает то обстоятельство, что более состоятельные классы населения представляют больше «простора» для обложения, обнаруживают «более широкую поверхность». Она является наиболее ярким выразителем и проводником новой социальной идеи в обложении—идеи переложения подат-

ного бремени с низших и средних слоев населения на высшие и самые высшие, идеи использования материальной силы имущих в интересах покрытия нужд и потребностей масс населения.

Ллойд-Джордж прямо мотивирует введение прогрессии в английский подоходный налог (она введена в 1910 г.) необходимостью покрытия новых социальных расходов (на страхование рабочих от старости). Не позорно ли,—восклицает он,—что наша богатая страна, вероятно, богатейшая из ныне существующих, если не из всех существовавших под луною, терпит, чтобы те, кто изо дня в день проработал всю свою жизнь, как солдат на посту, кончил ее в нищете, пожалуй, даже в голоде? Это темное пятно на нашем флаге. Многих из наших сограждан Провидение благословило богатыми дарами; если среди них имеются лица, протестующие против уплаты соответствующей части своего богатства в пользу своих менее счастливых соотечественников, то это весьма жалкие богачи» [1]).

Прогрессия покоится, таким образом, на признании требований неимущих слоев населения, на обязанности присоединения их к благам культуры, на создании известной гармонии между интенсивным прогрессом, доступным лишь верхушкам общества, и экстенсивным распространением его среди всего населения, среди народных низменностей. Оправдание первого заключается в том, что из семян этого прогресса вырастает пища для масс, для их культурного подъема. В интересах же второго, необходимы каждый раз новые податные жертвы. Новые демократические требования, «подобно горному потоку, гонят пред собой груду камней в виде старой государственной организации и каждый раз заливают своими водами новые области общественной жизни».

Новый принцип заключается в том, что каждый должен нести одинаковую жертву, равное бремя, относительно одинаковое, относительно пропорциональное. Налоги должны разверстываться по средствам каждого, сообразно экономической силе, соответственно платежеспособности. Платежеспособность же определяется

---

[1]) Lloyd-George. p. 26. 31. 108.

не одними размерами дохода—это вело бы к пропорциональной системе,—но и иным моментом: условиями удовлетворения своих потребностей при помощи этого дохода, иначе говоря, выражается в тех лишениях, которые вызываются потерей той или другой части дохода. «Счастье, которое приносит шиллинг бедняку,—говорит Маршлль,—несравненно больше, чем то, что дает тот же шиллинг богачу». В этих двух словах, в сущности, выражается вся подкладка прогрессивного обложения—принцип различной «чувствительности» доходов. Потребности наши бесконечно разнообразны, но в общем и целом они образуют убывающий ряд—от самых насущных вплоть до наименее важных; между этими двумя крайними пределами находится ряд посредствующих ступеней. Невозможность удовлетворения необходимых потребностей гораздо тяжелее, означает значительно большую жертву, чем отказ от потребностей второго разряда, а лишение в последнем случае более велико, чем воздержание от потребностей несущественных. При пропорциональном обложении мы возложили бы на менее состоятельного гораздо большее бремя, чем на богатого плательщика, ибо отняли бы у первого возможность покрытия таких потребностей, которые имеют для него гораздо более высокую ценность, чем составляет для второго ценность тех потребностей, которых он бы лишился. Отсюда необходимость градации налога сообразно иерархии потребностей человека.

Если мы разобьем всех плательщиков по размерам их дохода на три группы, то увидим, что у низшей группы «свободный», «чистый» доход, остающийся за покрытием насущного, минимален, если он вообще существует; у второй, средней, он постепенно растет, по мере того, как доходы поднимаются со ступени на ступень; наконец, у верхнего, богатого слоя, он велик, мало-по-малу охватывая почти весь доход, за вычетом лишь крайне незначительной части. Мыслим ли при таких условиях пропорциональный налог? «Облагая каждого по количеству зубов, по длине бровей или по весу,—говорит Нейманн,—мы тоже в известном смысле облагаем по принципу равенства». Но в том, как и в другом случае, такое равенство есть на самом деле наибольшее неравенство, противоречит принципу обложения по платежеспособности.

С 80-х годов идея прогрессивного обложения широко распространяется, в особенности в немецкой и нидерландской науке, ее

принимают и американцы. Нейманн, Шефле, Вагнер, Роберт Мейер развили эту теорию, Грабейн, Кон, Геккель к ней присоединились, Сакс вывел ее с точки зрения австрийской теории предельной полезности, в то время, как Бок, Коген-Стюарт, Пирсон и другие голландские экономисты старались решить проблему соотношения между потребностями и доходом математическим путем, приходя, однако же, нередко к противоположным результатам. Только французские авторы (см. ниже) до сих пор отказываются признать прогрессию.

Теория обложения, сообразно поднимающейся лестнице «единиц экономической силы», подтверждается и данными статистики бюджетов частных хозяйств. На основании анкеты, произведенной в 1905—08 г.г. британским министерством торговли в 200 различных городах Англии и континента, где было собрано свыше 20 тыс. рабочих бюджетов, и на основании обследования, выполненного в Соединенных Штатах, получаем следующую картину.

Доходы (в неделю).	Расходы на пропитание в проц. дохода			
	в Англии.	Германии.	Франции.	Бельгии.
менее 20 шилл.	—	68,7	62,7	66,1
20 — 25 »	67,7	65,5	60,8	64,8
25 — 30 »	66,2	62,3	58,6	63,6
30 — 35 »	65,0	59,2	57,9	62,1
35 — 40 »	61,0	57,7	56,1	61,2
свыше 40 »	57,0	56,3	52,8	57,0

Соединенные Штаты.

Доходы (в неделю).	Расходы на пропитание.		Расходы на кварт. в проц.	Остаток за вычетом расх. на пропит. и кварт. в %
	на душу в неделю.	в процент. дохода.		
менее 2 долл.	4 шилл. 11 пенс.	51,4	19,5	29,1
2 — 3 »	6 » 0 »	47,6	17,7	34,6
3 — 4 »	6 » 10 »	44,2	16,7	39,2
4 — 5 »	7 » 3 »	41,2	15,3	43,5
5 — 6 »	7 » 8 »	37,8	14,0	48,2
6 — 7 »	7 » 11 »	35,5	12,0	52,5
7 — 8 »	8 » 5 »	34,5	12,0	53,5
свыше 8 »	9 » 3 »	28,4	9,9	61,7

Известный закон Энгеля вполне подтверждается во всех странах: уже при удвоении заработка доля, затрачиваемая на пропитание, сильно падает. Особенно резко это явствует из американских данных—падение с 51½ до 28½ проц., т.-е. почти вдвое, при одновременном (почти) удвоении расходов на душу семьи (вместо 59 пенс.—111), такое же уменьшение вдвое (с 19,5 до 9,9 проц.) доли расходов на квартиру. В результате американский рабочий с недельным заработком свыше 8 долл., несравненно обильнее питаясь и имея гораздо лучшую квартиру, чем тот, у кого заработок менее 2 долл., сохраняет еще 62 проц., т.-е. почти ⅔ своего дохода на прочие нужды, тогда как тому, чей заработок ниже 2 долл., остается менее одной трети (29 проц.). Иными словами, первый располагает вдвое большей частью своего дохода (не говоря уже о гораздо больших ее абсолютных размерах), чем второй, из которой может быть уплочен налог.

Из данных германского имперского статистического бюро относительно бюджетов 852 семейств различных классов населения можно усмотреть следующее.

РАСХОДЫ (в марках).

Доходы.	Пропит.		Квартира		Освещ.		Одежда.		Прочее.		Итого.	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
ниже 1200 м.	582	54,2	214	20,0	67	6,2	99	9,2	112	10,4	1074	100
1200—1600 »	785	54,6	247	17,2	70	4,8	136	9,5	199	13,9	1437	100
1600—2000 »	918	51,0	324	18,0	80	4,5	207	11,5	273	15,9	1802	100
2000—2500 »	1064	48,1	389	17,6	88	4,0	279	12,6	393	17,7	2213	100
2500—3000 »	1157	42,7	490	18,0	107	3,9	387	14,3	572	21,2	2713	100
3000—4000 »	1291	38,1	627	18,5	124	3,6	476	14,0	869	25,8	3387	100
4000—5000 »	1423	32,8	835	19,3	134	3,1	638	14,7	1302	30,1	4332	100
свыше 5000 »	1780	30,3	872	14,9	179	3,1	875	14,9	2162	36,8	5868	100

Немец с доходом свыше 5 тыс. мар. тратит на пищу втрое больше, чем немец, имеющий менее 1.200 мар. дохода, на квартиру—вчетверо больше, на освещение и отопление—в 2½ раза больше, на одежду—в 8—9 раз больше, и все же при таком несравненно лучшем удовлетворении потребностей у первого остается («прочее») в 20 раз больше, чем у второго. Если первый заплотит ½ проц. налога или с 1074 мар. дохода 5½ мар., то это составит с его свободного дохода в 112 мар. 5 проц.; второй должен внести, очевидно, те же 5 проц. со своего свободного дохода в 2.162 мар. или 108 мар., т.-е. около 2 проц. своего дохода

в 5.868 мар. При таком же способе исчисления промежуточных ступеней получим следующую прогрессию:

при доходе в	1000	мар.	0,5 проц.
«	1400	«	0,6 «
«	1800	«	0,75 «
«	2200	«	0,9 «
«	2700	«	1,0 «
«	3300	«	1,3 «
«	4300	«	1,5 «
«	5800	«	1,85 «

Селигман—отчасти уже раньше Вагнер—обращает внимание и на другое обстоятельство, являющееся, в свою очередь, основанием прогрессивного обложения в современный период хозяйственного развития. Владение крупным капиталом или большими доходами, как таковое, доставляет выгоды в смысле ускоренного роста имущества. Первые трудности превзойдены, капитал имеется, и чем более он растет, тем легче дальнейшее его возрастание. Вся суть в первых шагах «ce n'est que le premier pas qui coute» «Из ничего не выходит ничего,—говорит Руссо,—это правильно не только в физике, но и в деловой жизни; деньги—зерно, из которого выходят дальнейшие деньги, и первую пистолю часто труднее добыть, чем второй миллион» [1]). «Крупный капитал, — читаем у Адама Смита,—даже при невысокой прибыли растет обыкновенно скорее, чем небольшой капитал, дающий значительную прибыль». Можно утверждать,—прибавляет к этому Селигман,—что богатый человек, в известном смысле, подчинен закону возрастающего дохода. В то время, как естественная способность приобретения стается та же, «приобретенная сила», заключающаяся в накопленном капитале, непрерывно растет. Следовательно, платежеспособность увеличивается скорее, чем доход или капитал, и логика требует, чтобы, исходя из нее, налог возростал в большей пропорции, чем доход.

Прогрессия вытекает, следовательно, не только из условий потребления, но и из производственного момента, из своего рода скрытой энергии, скопляющейся в капитале, по мере его роста, из действующего в промышленности закона возростающей произво-

[1]) Rousseau. Discours sur l'Economie politique. 1758. p. 63.

дительности. С ростом обрабатывающей промышленности, торговли, транспорта растет в среднем продукт каждой трудовой единицы. Если в земледелии «последняя четверть, а в горном деле последний пуд наиболее дорог», то в промышленности «последний аршин, последняя кипа наиболее дешевы» [1]). «Чем более развивается кооперация труда (в широком смысле), тем продуктивнее становятся применяемые производительные силы, тем выше, иначе говоря, средняя продуктивность каждой участвующей трудовой единицы. Этот закон действует не только в общественном хозяйстве как целом, но и в каждом входящем в состав его предприятии. Чем дальше идет его дифференциация и интеграция, т.-е. чем больше оно объединяет специализировавшихся на определенном процессе рабочих сил на основаниях разделения, расчленения и соединения труда, тем меньше издержки, себестоимость каждого товара» [2]).

Быстрый рост производительности труда в течение минувшего столетия несомненно положил основание для многочисленных состояний средних и крупных, усилил многие ступени доходности. Но еще больше обнаруживалось стремление этой производительности «класть свои золотые яйца преимущественно на немногих вершинах богатства». Отсюда нарождение новой группы доходов, группы богачей, новой не в том смысле, чтобы она ранее не была известна—нет, она и прежде существовала, но лишь в виде единичных случаев, и только теперь стала массовым явлением, одним из этажей, верхним и весьма солидным в обширном здании, образуемом доходами страны. Неверно, правда,—как указывает Зомбарт,—будто бы бедные стали еще беднее, напротив, бедность, как массовое явление, исчезла. В Саксонии население с доходом менее 500 мар. составляло в 1879 г. 52 проц. всех жителей, в 1910 г. всего 21 проц.; в Пруссии в 1896 г. свыше 900 мар. дохода имела всего треть населения (32,8 проц.), в 1913 г. уже почти две трети (62 проц.). Но одновременно с этим совершилась не менее резкая перемена на противоположном полюсе: рост крупных богатств, «магнатов капитала». В Пруссии доходы свыше 30 тыс. мар. составляли в 1892 г. 832 милл. мар. или 8,6 проц. всех доходов, 10 лет спустя — 1361 милл. мар. или 11 проц. доходов;

---

[1]) Dietzel. Weltwirtschaft und Volkswirtschaft. 1900. p. 9.

[2]) Oppenheimer. Theorie der reinen und polit. Oekonomie. 2 Aufl. 1911. p. 430.

их сумма поднялась, следовательно, на 129 проц., обогнав рост всех прочих ступеней доходности. Имущество владельцев состояний в 1—2 милл. мар. повысилось с 1895 по 1911 г. на 3½ миллиарда, или на 72 проц., а лиц, имеющих свыше 2 милл.,—на 109 миллиард. или более, чем вдвое, — другим группам далеко до этого, причем средний размер состояний последней группы поднялся с 4,76 до 5,32 милл. мар. В Австрии численность плательщиков подоходного налога высшего разряда (свыше 200 тыс. крон дохода) увеличилась с 1898 по 1912 г. с 255 до 627, т.-е. почти на 150 проц., и скорее, чем всех иных групп; доход этой группы в 1898—1907 г.г. повысился с 123 до 183 милл., или на 50 проц. [1]).

Из этого видно также, насколько неправильно утверждение Селигмана и Закса, что, по мере того, как прогрессия приближается к очень крупным доходам, дающим возможность удовлетворения и несущественных потребностей, она должна постепенно замедлять свой ход и, наконец, совершенно остановиться, когда показываются доходы, включающие и потребности минимального значения [2]). Если, дойдя до поребностей очень низкой степени интенсивности, мы и вступаем в такую область, где дальнейшая группировка потребностей на разряды уже дает незначительные различия, не допускающие никакого измерения, то, с другой стороны, как мы видим, способность высоких доходов и крупных капиталов к более скорому и усиленному воспроизведению и возрастанию должна вести и на самых высших ступенях к дальнейшей прогрессии. Недаром американский закон 1916 г. о подоходном налоге доводит ее до 2 миллионов долл., желая охватить прогрессией Рокфеллеров и Морганов, Карнеджи и Гарриманов и превращаясь в истинный налог для миллиардеров. Если же в Англии прогрессия заканчивается на 10 тыс. ф. ст., в немецких государствах на 100 тыс. мар., у нас на 400 тыс. руб., то это вытекает из соображений практического удобства, а вовсе не основывается на каком-либо принципе.

Естественного предела, где необходимо остановиться, конечно, нет и быть не может. Из размера жертвы, приносимой плательщи-

---

1) Sombart. Deut. Volkswirtsch. 2 A. 530. Volkswirtsch. Chronik. 1913. p. 1079. Handwört. der Staatswiss. III. 680. Sombathy. Finanzarchiv. B. 32. p. 612.

2) Seligman. Progressive Taxation. 212 сл. 296 сл. Sax. Grundlegung der Theoret. Staatswirtschaft. 1887. p. 511.

ком, его вывести невозможно—главный упрек, делаемый противниками прогрессии, хотя они границу эту понимают не столько в виде точки, на которой прогрессия прекращает свой бег (суммы дохода или имущества), сколько в смысле размера, до которого она доходит. Опасна произвольность последнего. Объективный критерий по необходимости заменяется субъективными взглядами. «Вы проводите на песке идеальную линию, которую ваши преемники сотрут и начертят в другом месте, — говорит Рене Стурм. Вы строите барьер, который может быть прорван при первой перемене в составе правительства». «Умеренность правительства непрочна и ненадежна: вы умеренны сегодня и вам принадлежит большинство; вы будете умеренны завтра, быть может, всегда, но будете ли вы всегда большинством?»—цитирует он слова одного швейцарского доклада [1]). Не безопаснее ли сохранить добрую старую пропорциональность с ее ясностью и определенностью, «где делитель всегда одинаков и только делимое меняется», где все «равны перед законом и большинство не может подвергнуть остракизму меньшинство»? [2])

Но в чем заключается определенность пропорционального обложения? Все правительственные акты, выражающиеся в цифрах,—ставки налогов и пошлин, сроки, размеры взысканий и т. д., по самой природе своей страдают известной произвольностью. Не избегает этой судьбы и пропорциональное обложение: законодатель свободно может выбирать среди различных ставок обложения любую.

Когда в Англии появился подоходный налог, который противники его называли самым ужасным орудием разрушения и междоусобной войны, когда-либо известным, правительство считало необходимым сразу повысить его в 1806 г. до его первоначального и «естественного» уровня в 10 проц., ссылаясь на то, что постепенное увеличение могло бы вызвать предположение, что налог является фондом, из которого можно черпать до бесконечности. Увеличив же его одним ударом до его естественного предела, не приходится опасаться дальнейшего повышения. Однако, рядом с удовлетворившимся таким ответом членами парламента наш-

[1]) Stourm. Systèmes. p. 253-54. 268-69.
[2]) Leroy-Beaulieu. I. 6 éd. p. 153 сл.

лись и скептики, предложившие ядовитый вопрос: почему 10 проц. более естественная граница, чем 11? [1])

Следовательно, и посредством пропорционального обложения, при желании, можно было «черпать до бесконечности»; такая опасность не была исключена. «Прогрессия не обладает той точной логикой, какую французский ум восхваляет в образе пропорциональности,—говорит Кон,—но эта точная логика лишь «мнимый беспочвенный призрак. Она обозначает погоню в теории за математическими величинами в области этической и исторической, где их нет и быть не может; на практике же это ничто иное, как эгоизм, старающийся с цифрами в руках обеспечить «святость» собственности от грозящей ей, якобы, опасности» [2]).

Конечно, прогрессия может впадать в различные крайности. Она может отличаться чрезвычайной умеренностью, превращаясь, по словам Прудона, в верх ханжества и лицемерия, в симулящию, в «бильбоке», «в фискальную игрушку», которой забавляют публику и которая «выдумана лишь для того, чтобы придать налогу лоск филантропии и щадить стыдливость богачей». Но та же прогрессия, переодевшись во внешнюю форму налога, может стать орудием конфискации, «квинтессенцией произвола без узды и без границы»,—по выражению того же Прудона,—«средством самой варварской дезорганизации общества, лишенным даже намека на возрождение и восстановление его на новых началах» [3]). Противники прогрессии с особенной любовью и добросовестностью коллекционируют эти «нежные» эпитеты Прудона, сыплющиеся, как из рога изобилия на протяжении многих страниц. Они забывают, однако, о том, что и покровительствуемая ими пропорциональная система обложения, в защиту которой от столь страшной для нее прогрессии все эти копья ломаются, вовсе не пользовалась благосклонностью того же Прудона, а получала в его устах характеристику, от которой им едва ли поздоровится. Со свойственной ему манерой расточать одновременно удары и направо и налево, последний заявлял, что и пропорциональный налог нисколько не лучше, что он неминуемо превращается во всеобщую подушную

---

[1]) Seligman. Income-Tax. p. 116.

[2]) Cohn. Finanzwiss. 292.

[3]) Proudhon. Théorie de l'impôt. p. 166—69. 186.

подать, которая, не считаясь и не имея возможности считаться с различиями в степени состоятельности, представляет собою истинно-прогрессивную подать, в смысле обложения неимущих [1]).

Однако, между такими крайностями, как прогрессия, которую бросают в виде кости для успокоения населения, и прогрессия, которая обозначает страшный пожар, существует нечто среднее, вполне мыслимое и осуществимое, не вызывающее никаких опасений. Все страхи, утверждения, что «только слепой не видит грозящей опасности, только безумец может отрицать ее», означают полное недоверие к здравому смыслу человечества, которое способно довести вещь, самое по себе разумную, полезную и необходимую, до абсурда, превратить в полную противоположность. Мало того, такие предсказания Кассандры по поводу применения более совершенного, но требующего сугубой осторожности инструмента, ведут к отрицанию всякого движения вперед, всякого культурного и экономического прогресса. Электрический ток при неумелом обращении убивает, неосторожность машиниста или нерадение путевого сторожа грозят гибелью десяткам людей, недостаточный надзор приводит к тяжелым разрушениям в шахтах и рудниках и уносит многочисленные жертвы. А, следовательно: долой электричество, железные дороги, добычу каменног угля и чугуна! Не безопаснее ли по-старому жечь дрова и строить деревянные здания с черепичными или соломенными крышами, ездить на перекладных и возить товары гужевым путем, обходиться без телеграфа и телефона? Это все такие же упрощенные и примитивные (хотя едва ли безопасные) способы, как пропорциональное обложение. Они все соответствуют определенной хозяйственной эпохе, той самой, к которой относится и пропорциональная система. В эпоху французской революции последняя являлась откровением. Но с тех пор жизнь ушла далеко вперед, и в эпоху электричества, аэропланов, искусственных красок и т. д. и системе пропорциональности нет более места.

Противники прогрессии, в особенности французские авторы (Париэ, Бодрильяр, Леруа-Болье, Стурм, Ковес, Блок), с ужасом произносят самое выражение об относительном равенстве жертв

1) Proudhon. 166 сл.

при развертке податного бремени, усматривают в осуществлении этой мысли уничтожение собственности, грабеж на большой дороге, самоубийство, чуть ли не кончину мира. Они отказываются включить прогрессию, как «выходящую из круга фискальных принципов и попадающую в самую гущу социальных мер, ведущую медленно, но верно к осуществлению идеи уравнения имуществ, в число обыкновенных и нормальных форм обложения» [1]). «Природа,—заявляет Морис Блок,—ведь, есть сплошное неравенство—неравенство людей, неравенство животных той же породы, неравенство растений того же рода, она обнаруживает различие качеств, характеров, талантов, стремлений». И при таком «всеобщем неравенстве, которого желала сама природа, несомненно в качестве условия прогресса, можно ли думать о создании равной жертвы, не говоря уже о самой абсурдности предположения, что государство намеренно вызывает страдания?» «Плательщик должен внести больше в казну не потому, что он обладает большим, но для того, чтобы он терпел большие лишения». Возьмем двух солдат, из которых один обладает особенной силой, другой же лишь в нужном для службы размере. Необходимо ли, если ранец второго весит 10 кил., прибавить первому камней, чтобы вес доходил до 15 или 20 кил., для того, чтобы он страдал не меньше, чем его товарищ? Если посевы Жана побиты градом, то не следует ли поджечь поля его соседа, чтобы он страдал не менее Жана? Разве мораль проповедует такое учение? Нет, чувство зависти создает эти доктрины, именуемые «этическими» [2]).

Однако, сравнения слабы, неудачны, возражения вымучены, притянуты за волосы. Если иллюстрировать параллелями, то надо брать не солдата, которому накладывают камней, и не Жана, поле которого уничтожают, а группу людей, которые выполняют определенную работу, допустим, переносят тяжести, и между которыми последние распределяются по степени их силы и выносливости. Там—бессмысленная жестокость, здесь—необходимость привести задачу и обязанность каждого в соответствие с его качествами и способностями, иначе, взваливая одно и то же на всех и каждо-

---

[1]) См. Parieu. Traité des impôts. I. 23. 37. Baadrillart. L'impôt radical. Revue des Deux-mondes. 1871. Cauwès. Cours. II. 486. Stourm. Systèmes p. 266 сл. Leroy-Beaulieu. I. p. 159 сл.

[2]) Bloch. Les progrès de la science économique. T. II. 2 ed. p. 414. 455.

го, мы окажем льготу одному, более крепкому и умелому, в ущерб другим, более слабым и менее выносливым. Так именно поступает прогрессивный налог. Не для того он взимает с более состоятельного более высокий процент, чтобы тот нес ту же жертву, что и бедняк, а делает это потому, что в противном случае люди с меньшими средствами вынуждены были бы нести обложение в чрезмерно высоком проценте, или же государство вынуждено было бы отказаться от защиты страны или от различных мер культурного или социального характера. Из этих трех возможностей оно выбирает первую, как вытекающую из современного сознания социальной справедливости, ему соответствующую.

Но что дает такая прогрессия? Способна ли она покрыть растущие потребности и нужды? Ведь, богатых людей немного— это лишь верхушка обширной пирамиды с широким основанием малоимущих, с все более сокращающимися по мере движения кверху, слоями средних и в особенности высших классов. Да, на самый верх взбираются лишь немногие. В Австрии фортуна вознесла в 1912 г. всего 627 плательщиков на высоту, превышающую 200 тыс. кр. дохода, в различных немецких государствах всего 0,04—0,07 проц. плательщиков судьба поместила на уровне свыше 100 тыс. мар. дохода; миллионеров в Пруссии (с имуществом свыше 1 милл. мар.) имелось в 1911 г. 9.341 чел. По французским подсчетам (1907 г.), можно было рассчитывать на 3 тыс. владельцев 100 тыс. фр. дохода и выше, у нас (в 1910 г.)—на 3½ тыс. счастливцев, добывавших более 50 тыс. дохода, т.-е. 0,5 проц. всех лиц с доходом более 1 тыс. руб. [1]).

Все это так. Но прежде всего прогрессия выполнила свою роль уже тогда, когда она разверстала ту же необходимую государству сумму, которую дала бы пропорциональная система, но только путем более правильной раскладки, не давая даже при этом ни одной лишней копейки; а этого качества за ней до сих пор никто не отрицал. Но она способна пойти и дальше—соединить справедливое с выгодным, одновременно достигая и фискальной цели и социальной. Рядом с немногими магнатами капитала имеется

---

[1]) Handwört. III. 605. Sombart. Deut. Volksw. 530. Finanzarchiv. B. 32. p. 312. Франц. законопроект. Кайо, прил. Матер. к проекту нашего подох. нал. 1910. Стр. II. (Ожидаемое число плательщиков и т. д.).

более широкий слой аристократии богатства, лиц состоятельных, которых прогрессия, поднимаясь, захватывает в постепенно усиливающейся степени. С сокращением их числа растет сумма их имущества и доходов, так что то, что теряется количественно, возмещается качеством. И даже на самой верхней ступени, где умещается лишь самое ничтожное количество миллионеров, все же общая сумма принадлежащего им дохода и имущества достигает почтенной цифры. Так, напр., в Пруссии ничтожная кучка миллионеров, определяясь (в 1911 г.) в каких-нибудь 9½ тыс. (с 1 милл. имущества) среди 1,8 милл. плательщиков поимущественного налога, обладала 26½ миллиардами имущества, что составляло свыше четверти всех облагаемых имуществ (свыше 6 тыс. мар.). У нас исчисляли общую сумму доходов свыше 50 тыс. руб. (3½ тыс. чел.) в 20 проц. всех доходов более 1 тыс. руб.

При таких условиях именно прогрессивный налог, и только он, в состоянии уловить платежеспособность этих немногих избранных — пропорциональное обложение оказывается в данном случае совершенно тупым орудием. Австрия сумела получить (в 1912 г.) у 627 плательщиков с доходом свыше 200 тыс. крон 16,2 милл. налога или 15 проц. всех поступлений налога. В Пруссии в 1912 г. имелось 2,8 тыс. плательщиков, насчитывающих свыше 100 тыс. дохода (или 0,07 проц. плательщиков), но казна на них выручила 15½ проц. всего налога. Даже в Вюртемберге, где плательщики с доходом свыше 100 тыс. мар. едва достигали трех сотых проц. (в 1906 г. 0,027), они дали более 10 проц. всех поступлений, а вместе с доходами свыше 30 тыс. — четвертую часть поступлений [1]). В базельском городском полукантоне плательщики с доходом свыше 16 тыс. фр., т.-е. по тамошним понятиям состоятельное население, составляли в 1903 г. 5 проц. всех плательщиков, но имели 43,5 проц. всего дохода и уплатили ⅔ всего подоходного налога (74,4 проц.). В Англии доходы в 700—5.000 ф. ст. дали 16 проц. плательщиков, но составили такой же процент всех обложенных доходов, богачи же с доходом свыше 5 тыс. ф. ст. (по прежнему курсу 50 тыс. руб. и более), представляя совсем слабую по численности группу в 3½ проц. плательщиков, выкачивали в свою пользу более двух третей всех обложенных доходов

1) Finanzarchiv. B. 32. p. 611-12. Handwört. III. 707. Jahrb. für Nationaloekon. B. 25. p. 801. Württemb. Denkschr. Anlagen. 1910 г. p. 417.

(68,2 проц.). Ллойд-Джордж был, следовательно, прав, возлагая на эту маленькую группу большие надежды и возлагая на нее же главное бремя налога. Он рассчитывал на то, что дополнительное обложение ее (super-tax) даст уже в ближайшие годы 2,3 милл. ф. ст. ежегодно, хотя речь идет всего о 25 тыс. плательщиков, если брать доходы свыше 3 тыс. ф., и даже всего о 10 тыс., если ограничиться одними доходами, превышающими 5 тыс. ф.

Но если прогрессивное обложение даже выгодно для казны,—оно все же убыточно,—что гораздо хуже,—для населения, для всего народного хозяйства в целом, а, следовательно, в конечном счете и для государственного бюджета,—заявляют враги прогрессии. Последняя задерживает накопление капитала, изгоняет крупные капиталы и доходы из страны, она наказывает бережливость, тяжело падает на трудовые доходы. Но, не говоря уже о том, что крупные капиталы редко являются результатом индивидуальных сбережений и что, кроме того, нет основания освобождать труд и сбережения от налогов, если они усиливают платежеспособность,—именно прогрессия, облегчая мелкие доходы и капиталы и осторожно облагая средние, им в гораздо большей мере покровительствует, чем равная для всех, а, следовательно, более высокая для слабых, система пропорционального обложения, которая составляет льготу лишь для крупных и очень крупных состояний.

Но и последние нисколько не смущаются повышенным для них бременем налогов. Как мы видели выше (стр. 216—17), в таких странах, как Австрия, Пруссия, ряд других германских государств, где уже давно имеется прогрессивный подоходный налог, крупные состояния и доходы быстро растут, гораздо быстрее, чем средние и мелкие. На той ступени хозяйственного развития, которой Европа и Америка достигли в конце XIX ст., дифференциация доходности и имущественной состоятельности требовала усиленного обложения тех, кто концентрировал в своих руках плоды технического и экономического прогресса столетия, делая теперь такую операцию и в фискальном отношении выгодной, а в то же время исчезала прежняя опасность затормозить рост оплодотворяющего труд фактора—капитала. Он имеется в большем количестве, чем национальное производство в состоянии использовать, широкой волной разливается по другим странам, отыскивая более или менее рискованные, но зато обещающие сугубую на-

живу, задачи и способы приложения, или же он праздно лежит в кладовых банков. Известное кровопускание, следовательно, не может нанести ему ущерба; опасаться такой хирургической операции не приходится.

Мировая эмиссия это блестяще подтверждает. За десятилетие 1903—12 г.г. она составляла 65,8 миллиард. руб., именно 24 миллиарда государственных, городских и т. п. займов, 8 миллиард. банковых ценностей и 33,8 миллиард. промышленных и железнодорожных бумаг всякого рода. В этом выразилась сила и мощь денежного капитала, роль «финансового» капитала в мировом хозяйстве. 22½ проц. этой деятельности приходилось на долю Соединенных Штатов, имущество которых оценивалось, по оффициальным данным, в 1880 г. в 43,6, в 1904 г. в 107,1 миллиард., т.-е. в 2½ раза больше. И Англия, экономический прогресс которой слишком рано стали хоронить одни, оплакивать другие, вовсе не думала отказаться от своей роли мирового рынка капиталов, всемирного кредитора и банкира, созидателя новых промышленных стран, орошаемых английским золотом, как и английскими машинами. Есть ли при таких условиях основание снабжать капитал особыми льготами? Но имели ли больше смысла многократно повторяемые французами опасения испугать его, когда денежный капитал во Франции за полвека (1850—1904), по вычислениям Неймарка, возрос в 10 раз (с 9 до 90—93 миллиард.), и на парижской бирже в течение менее двух десятилетий прибыло иностранных ценностей почти на 30 проц. [1]). Иначе говоря, Франция стала великой страной сбережений, но и великой страной, снабжающей других своими свободными капиталами. Наконец, в Германии, где все государства, одно за другим, усвоили прогрессивный подоходный налог, это не помешало тому, что накопление с конца минувшего века составляло, по разным вычислениям, от 2½ до 3½ миллиард. ежегодно. Из них около третьей части помещалось в разного рода процентных бумагах, и накануне войны немцам принадлежало до 60 миллиард. денежного капитала, в виде фондов и бумаг [2]). На одной только берлинской

---

[1]) Neymarck. L'epargne française et son developpement annuel. 1906. Смирнов. Подоходный налог во Франции. 1912. Стр. 73. 218.

[2]) Riesser. Von 1848 bis Heute. 1912. p. 17—42.

бирже котировалось в 1910 г. 2844 вида ценностей, на сумму свыше 50 миллиард. мар., тогда как в 1879 г. всего 359 видов. Капиталы, помещенные в банках в качестве депозитов, возросли за четверть века (1886—1910) с 280 до 3240 милл. мар. Податная прогрессия не воспрепятствовала прогрессии в области накопления капиталов.

Обращаемся в заключение к технике прогрессии, отличающейся обилием и многообразием путей, способов и форм. Много финансистов и математиков, министров и депутатов ломало себе голову над конструкцией наиболее совершенной прогрессии, изощряло над ней свое остроумие. В результате получился целый калейдоскоп: сколько стран и налогов, столько прогрессий.

Прогрессия может заканчиваться 4 проц. дохода, как прежде, или 8 проц. как в настоящее время в Пруссии, может доходить до 30 проц., как у нас, по закону 1917 г., или до 42 и более проц., как в Англии, по бюджету Мак-Кенна 1916/17 г. Она может сменяться пропорциональным обложением—горизонтальной—и при 100 тыс. мар. дохода (Саксония), и на 150 тыс. фр. (Франция) и на 300 тыс. мар. (Бавария). Эта конечная пропорциональная ставка может быть вполне точная—свыше известного дохода или имущества берется определенный процент, как, напр., в подоходном обложении большинства германских государств (в Пруссии доходы свыше 100 тыс. мар. платят 8 проц., в Саксонии—6½ проц., в Венгрии все доходы, превышающие 120 тыс., в Дании доходы свыше 200 тыс. кр. обложены в 5 проц.). Сплошь и рядом, однако, невозможно с точностью установить место окончания прогрессии; она постепенно, незаметно испаряется, и в конце-концов, вовсе исчезает, подобно роднику, уходящему в землю. В Австрии, например, доход в 200 тыс. крон подлежит налогу в 6 проц., если же он выше, то та часть дохода, которая превышает 200 тыс., но только она, уплачивает 6,7 проц., так что, чем выше доход, тем более он приближается к 6,7 проц., никогда не достигая этого уровня. Предшествующая 200 тысячам часть дохода обложена ниже, как бы тянет его вниз, не дает ему вполне дойти до этого размера, хотя расстояние и может стать бесконечно

малым. Такая прогрессия, где высший уровень является идеалом, к которому она стремится, но которого никогда не в состоянии осуществить, именуется асимптотической, название заимствовано из математики, ибо прогрессия напоминает кривую, которая бесконечно приближается к прямой линии, никогда с ней не сходясь, не совпадая. Первоначально наш подоходный налог (зак. 6 апр. 1916 г.) облагал доход, превышающий 400 тыс. руб., в размере 12 проц. с первых 400 тыс. с прибавлением 12½ проц. на все то, то превышает эту сумму, так что он асимптотически доходил до 12½ проц. Впоследствии (закон 12 июня 1917 г.) размер налога был поднят для доходов, превышающих 400 тыс., до 30 проц. с 400 тыс. и до 30½ проц. для всей дальнейшей суммы. Но горизонтальная никогда не наступает — ставка всегда отклоняется от 30½ проц.

Имеется ли, однако, вполне горизонтальная линия или лишь бесконечно приближающаяся к ней кривая, отличительные свойства прогрессии от этого не меняются. Это лишь мелкая, в сущности, подробность, характеризующая внешний облик, форму ее. От последней отличается содержание, т.-е. прежде всего размер прогрессии, степень скорости, с которой совершается подъем, то обстоятельство, где находится центр тяжести обложения, на средних ли или на высших разрядах дохода или имущества. Прогрессия может и весьма равномерно двигаться вперед, осторожно пробираясь; может и делать первоначально медленные шаги, но затем переходить к резким скачкам и прыжкам, лишь к концу умеряя свою стремительность. Она бывает резкой, отвесно поднимающейся до известного предела, или, напротив, отлого идущей, с мягкими, почти незаметными переходами. Обычно к концу она ослабевает, постепенно замедляется, пока не останавливается вполне. Для того, чтобы определить эти качества ее, необходимо внимательно проследить и подвергнуть анализу каждую индивидуальную прогрессию, лучше всего изобразив ее в виде диаграммы. При наличности же различных предположений, когда речь идет о введении или изменении прогрессии, только такое параллельное изображение нескольких прогрессий в виде кривых даст ясную картину их, позволит определить разницу между ними и выбрать в каждом данном случае наиболее подходящую для целей законодателя. В зависимости от

фискальных соображений, от распределения дохода среди населения, от платежеспособности последнего (степень обременения его другими налогами) и различных других факторов приходится остановить свой выбор на той или другой прогрессии, отдать предпочтение одной кривой перед другими.

Прогрессия может иметь характер классной, поразрядной, так что для каждой ступени дохода, т.-е. для доходов, входящих в данный разряд, установлена определенная сумма налога, оклад его в абсолютной форме (простая поразрядная система). Так, напр., в Пруссии подоходное обложение начинается с 6 мар. при 900—1050 мар. дохода (разряд первый), составляет 9 мар. во втором разряде (1050—1200 мар.) и т. д., вплоть до 3900 мар. (ныне вдвое более, вследствие надбавок) в 81 разряде, т.-е. при доходе в 98—100 тыс. мар. Подобным же образом у нас подоходный налог начинался со ступени в 1000—1100 р. (первая—12 р.) и затем шел по 89 ступеням вплоть до 120 тыс. при доходе в 390—400 тыс. При этом, напр., в Бадене и Баварии имеется особая ставка для дохода в 1700—1800 мар., другая для 1800—1900 мар. и третья для 1900—2000 мар., тогда как в Гессене доход в 1700—2000 мар. соединен в одном разряде, а в Пруссии объединен доход в 1800 — 2100 мар., так что там разряды в 100 мар., здесь — в 300. А у нас уже со второй ставки разряды охватывали по 200 руб (1200 — 1400 руб. и т. д.), далее по 300 руб. (2000—2300 и т. д.), становясь затем все шире и шире (начиная со 100 тыс. по 10 тыс. руб.).

Так наз. амплитуда различных разрядов и в разных странах, следовательно, неодинакова—шире в одних тарифах и уже в других, повсюду, однако же, расширяясь с ростом дохода. Чем больше она, т.-е. чем больше разница между высшим и низшим доходом данного класса, тем больше неравномерность в обложении. Так, если у нас доход от $9^1/_2$ до 10 тыс. платил 600 руб., то для дохода в 10 тыс. это составляет 6 проц., тогда как для дохода в 9600 руб.—$6^1/_4$ проц. И, чем шире ступени, тем больше страдают доходы, имеющие несчастье стоять близко к низшему пределу данного класса, как бы в начале данной ступени, хотя бы несколько превышая высшую грань предыдущего класса. Достаточно, напр., доходу превысить 9500 руб., хотя бы на несколько рублей, и он уже облагается не в 542, а в 600 руб., т.-е. пара лиш-

них рублей дохода заставляет внести дополнительно 58 руб. Для плательщиков же при такой классной системе получается благодарная, весьма исправно и добросовестно выполняемая ими, задача подгонять путем понижения свой доход так, чтобы он попал в ближайший низший класс, а не в тот, в начале которого он должен был бы стоять.

В виду этого, в других странах находим процентную систему, где налог для каждого разряда установлен в определенной сумме со ста и где он, благодаря этому, строго согласован с суммой налога (простая относительная система). Такова обычно система прогрессии в налоге с наследств. В Англии, напр., по бюджету 1910 г. налог равен 1 проц. при 100—500 ф. имущества, 2 проц. при 500—1000 ф. и т. д. до 14 проц. при 800 тыс.—1 милл. ф. и 15 при более высокой сумме; такова схема и американского налога с наследств (8 сент. 1916 г., ст. 202), австрийского (1915 г.), германского (1913 г., ст. 10). Однако, помимо необходимости чрезвычайной точности в исчислении дохода каждого отдельного плательщика со стороны податных органов, что весьма усложняет дело и вызывает нарекания плательщиков (при классной системе ошибка в пределах данного разряда не имеет значения),—еще существеннее то обстоятельство, что в этом случае по необходимости число ступеней, т.-е. доходов, обложенных в одном и том же проценте, несравненно меньше, чем при классной системе. В датском подоходном налоге всего 16 разрядов, в кантоне Граубюнден—12, в Базеле—5. Точно также и налоги с наследств (английский, германский) насчитывают всего 14—15 ступеней, американский — 9, австрийский—7. Нетрудно понять, что параллельно с значительно меньшей дробностью разрядов широта их растет, амплитуда достигает огромных размеров. Если для отдельных доходов или имуществ, входящих в состав разряда, при этой системе и безразлично, стоит ли он наверху или внизу его, ибо налог исчисляется для него индивидуально, то, с другой стороны, резкость переходов крайне усиливается. В базельском городском полукантоне взимается $1^1/_2$ фр. с каждой тысячи имущества при 51—100 тыс., по 2 фр. при 100—200 тыс., и поэтому достаточно имуществу хотя бы немногим превысить 100 тыс., и оно будет тотчас же платить во много раз больше — при 110 тыс. уже 220 фр. вместо 150 фр. при 100 тыс., т.-е. почти в полтора раза более. В Англии

наследство в 1 тыс. ф. ст. облагается в 2 проц. или в 20 ф., наследство же в 1100 ф. в 3 проц. или в 33 ф. ст., т.-е. на 65 проц. выше.

В результате может получиться такое абсурдное положение, что плательщику с более высоким доходом или имуществом останется меньше, за уплатой налога, чем тому, кто входит в более низкий разряд плательщиков. Это может случиться вопреки воле законодателя, по причине неумелого технического выполнения задачи,—курьез, весьма невеселый для многих, который создан был при установлении у нас в 1917 г. дополнительного единовременного налога. Составляя повторение того же подоходного налога, он начинался, однако, лишь с доходов свыше 10 тыс. руб., благодаря чему плательщик с доходом в 10 тыс. платил только обыкновенный подоходный налог в 600 руб., при доходе же в $10^1/_2$ тыс. налог повышался для него до 704 р. (основной)+704 р. (столько же дополнительный), итого 1408 р. Первый платил 6 проц. дохода, второй—13,1 проц. или более, чем вдвое; первому оставалось 9400 руб., второму—9092 руб. Очевидно, зарабатывать меньше было выгоднее—закон поощрял сокращение доходов.

Некоторые иностранные законодательства, во избежание такого рода противоречий в обложении делают в тарифе оговорку: из дохода, облагаемого по более высокому разряду, никогда не должно оставаться меньше, чем остается от наиболее высокого дохода следующего (низшего) разряда, за вычетом из него причитающегося для него налога (австрийский подоходный налог 1914 г.).

Но гораздо проще, чем внося такую поправку, и гораздо последовательнее поступают те законодательства, которые вообще распрощались с примитивной системой установления для каждого дохода единой ставки и заменили его с виду более сложной и так именуемой (сложная система прогрессии), на самом же деле вовсе не усложняющей дела системой расчленения дохода плательщика на части. Каждая часть имеет самостоятельное существование, обладает своей ставкой, независимо от того, в какой доход—более крупный или более мелкий она входит. Каждый доход и каждое имущество в этом случае распадается на свои составные части, как бы отдельно облагаемые. Так, напр., в английском дополни-

тельном подоходном налоге (supertax) по бюджету Мак-Кенна (1916/17 г.), налог составляет:

при	3000 ф. ст.	1	шилл.	(с 500 фунтов)	
	3000—4000 ф. ст.	1	«	2	пенс.
	4000—5000 «	1	«	6	«
	5000—6000 «	2	«	2	«
	и т. д.				
	9000—10000 «	2	«	10	«
	свыше 10000 «	3	«	6	«

На первый взгляд мы имеем перед собой тот же выраженный в процентах (простая относительная система) тариф, о каком говорили раньше. Но к тарифу сделано примечание, что каждую часть необходимо считать отдельно. Поэтому доход в 6 тыс. ф. ст. уплачивает налог в 1 шилл. с 500 ф. или 25 ф., в 1 шилл. 2 пенс. с доли дохода в 3—4 тыс. или 58 ф. 6 ш. 8 пенс., далее в 1 ш. 6 пенс. с части дохода в 4—5 тыс. или 75 ф. и, наконец, с последней ступени, в 5—6 тыс. 2 ш. 2 пенса или 108 ф. 6 ш. 8 пенс. Итого получается 266 ф. 13 ш. 4 пенс. или на каждый фунт всего 10 пенс. дополнительного налога, а не 2 шилл. 2 пенса, как было бы при обыкновенной системе процентного обложения, если бы ставка в 2 ш. 2 пенс. касалась не одной только доли дохода в 5—6 тыс. ф., а всего дохода в 6 тыс. ф. полностью, во всех его частях. Такая прогрессия, ложащаяся пластами, подобно ископаемым в земной коре (par paliers), ломтями (par tranches), построенная террасами, значительно смягчает переход от одной ступени к другой даже тогда, когда последние резко отличаются друг от друга размерами взимаемого процента. С предыдущих частей своих каждый доход или имущество ведь платит столько же, сколько и более низкие, и только последняя часть его, превышающая ближайшую низшую границу, облагается из более высокого процента [1]). Конечно, и резкость переходов имеет свои пределы. Там, где, как, по декр. 27 марта 1919 г., касающемуся нашего подоходного налога, первая

---

[1]) Так построена была прогрессия в проекте нашего наследственного налога, составленном в 1917 г. Она составляла с доли в 1 тыс. р. 2 проц., с доли в 1—5 тыс. 3 проц., с доли в 5—10 тыс. 6 проц., в 10—50 тыс. 9 проц. и далее по 11 ступеням вплоть до 50 проц. с доли, превышающей 20 милл.; в результате и при 30 милл. получалось всего 41 проц. имущества.

ступень составляет обложение в 1 проц. (для местностей 1 разр.—они разбиты на 4 разряда—доход в 6 тыс. руб.), вторая (доля от 6 до 12 тыс.)—3 проц., третья (12—48 тыс.)—6 проц., а четвертая (48—96 тыс.)—45 проц. и пятая (свыше 96 тыс.)—100 проц.—там уже образуются пропасти между отдельными пластами. Но это вытекает не из самого характера такой конструкции, а из того, что она использована в целях конфискации половины, а затем и всего дохода, как и из совершенно недостаточного числа ступеней,—чем выше идет прогрессия, тем больше должно быть в ней самостоятельных частей.

Универсальный (общий для всех доходов) свободный минимум составляет исходную точку построения прогрессии террасами: в каждом доходе идет первая часть, совершенно изъятая, затем вторая—обложенная низко или обложенная лишь в известной доле *дохода* или имущества, далее третья, где обложение повышается и т. д. Точно так же необходимым признаком такой прогрессии является ассимптотика; это неизбежный результат ее. Так как в каждом отдельном случае лишь верхняя доля облагается из высшего процента, то последний оклад, стоящий на самом верху, даже для крупнейших объектов обложения полностью неосуществим, хотя приближение к нему постепенно становится бесконечно большим [1]).

Едва ли против приведенной конструкции, разбивающей каждый доход на части, можно выдвинуть серьезные возражения. Когда утверждают, что ей свойственны недостатки процентной системы, в виде сложности вычислений дохода и оклада, весьма опасной для плательщика, то забывают прежде всего о том, что даже если бы у этого аппарата такие пороки существовали, все же их значительно перевешивала бы чаша его добродетелей—устране-

---

1) Но, конечно, как мы видели (см. стр. 226) и то и другое—и общий для всех доходов свободный минимум, и ассимптотическая прогрессия—могут встречаться и при простой, классной или процентной системе прогрессии. В этом случае каждый доход при обложении сокращается на определенную сумму (универсальный минимум)—частое явление в швейцарских кантонах—но вся остальная часть его обложена определенной, свойственной всему данному доходу (а не каждой части его) ставкой; ассимптотика же в таких прогрессиях (Россия, Австрия, Гессен) является последствием прибавки известного процента к превышающей последнюю ступень части дохода или имущества. Но оба явления при простой прогрессии составляют лишь случайный придаток, который, в отличие от сложной, может и отсутствовать.

яние скачков в обложении, как и возможности чрезмерного обременения низших доходов того же разряда. Мягкость и незаметность переходов, отлогий, осторожный характер повышающейся прогрессии стоят многого. Но и самые недостатки больше призрачные, чем реальные, ибо эта система в значительной степени сама же и устраняет их со своего пути. Ошибка в исчислении существенна там, где приходится совершать резкие переходы, где между той и другой ступнью большое расстояние—каждый шаг тут важен. Но там, где ступени существуют, в сущности, лишь в качестве идеальных границ, на практике же идет одна, как бы непрерывная, не знающая границ и перегородок, линия, там неправильное или оспариваемое плательщиком повышение дохода означает для него разницу минимальную, вытекающую лишь из последней части прогрессии, но не затрагивающую его дохода во всех предыдущих его частях. Мало того, при самом исчислении оклада ошибки легко устраняются составлением готовой таблицы ставок, исчисляющей для высшего предела каждого разряда соответствующий ему оклад, так что в каждом индивидуальном случае остается лишь прибавить к этому сумму налога для последней, наивысшей части объекта обложения [1]).

Франция в своем подоходном обложении (1914 г., как и 1916 г.) применяет эту же, т. наз. сложную, систему, но, в отличие

---

[1]) Такая таблица для исчисления подоходного налога приложена напр. в кантоне Тессин; приводим ее.

При доходе в 400— 800 фр. с первых 400 фр. 1 фр. налога, с дальнейших 1/4 проц.
» » » 801—1200 » » » 800 » 2 » » » » 1/2 »
» » » 1201—2000 » » » 1200 » 4 » » » » 3/4 »
и т. д.
При доходе 20—40000 фр. с первых 20 тыс. фр. 450 фр. налога, с дальнейших 4 проц.
» свыше 40 тыс. » » » 40 » » 1250 » » » » 5 »

Здесь подсчитано уже заранее для каждого дохода все, это необходимо, и остается лишь прибавить окончание. Напр., при доходе в 1300 фр. имеется уже готовый налог в 4 фр., включающий первые три части (1 фр. с первых 400 фр., 1/4 проц. с дальнейших 400 фр. или 1 фр. и 3/4 проц. со следующих 400 фр. или 2 фр.); остается лишь прибавить последние 100 фр. по 3/4 проц. или 3/4 фр., так что получится в итоге 4 3/4, состоящие из указанных в таблице 4 фр. и исчисленной добавки в 3/4 фр.—операция едва ли сложная и головоломная. При простой процентной прогрессии такое обложение в виде готовой схемы немыслимо. Там при индивидуальности исчисления налога для каждого дохода никакие заготовленные формулы не помогут.

от своего наследственного налога, вводит известное новшество, имеющее, впрочем, лишь чисто внешний смысл. Чтобы не дразнить противников прогрессии, которые могли провалить и этот проект, как это делали много десятков раз с его предшественниками, прогрессия скрыта, и непосвященному может показаться, что она вовсе вытравлена из закона. Говорится, ведь, в ст. 15, что с исчисленного дохода взимается—по закону 1914 г.—2 проц., по закону 1917 г.—12½ проц. Но эта, на первый взгляд, процентная ставка обложения на самом деле скрывает за собою прогрессию, которая спряталась за неодинаковыми вычетами из доходов каждого рэряда. По закону 30 декабря 1916 г., изъяты первые 3 тыс. фр. вовсе, доля дохода в 3—8 тыс. принимается в размере $^1/_{10}$, доля в 8—12 тыс. за $^2/_{10}$, доля в 12—16 тыс. берется в количестве $^3/_{10}$ и т. д. вплоть до части дохода в 100—150 тыс. фр., из которой облагается $^9/_{10}$, тогда как все, что выше этого, идет полностью. Таким образом, и здесь обложение, идя пластами, осторожно, без толчков и сотрясений, движется вперед—никаких рытвин и ухабов нет,—и ловко спрятанная подальше прогрессия все же стоит за спиной плательщика и ощущается им весьма основательно.

Есть и другие внешние формы прогрессии, хотя и не настолько маскирующие действительные намерения законодателя и результаты этого для плательщика. Напр., в кантоне Солотурн налог с имущества определен в ½ фр. с тысячи, но прибавлено, что к окладу, составляющему 20—30 фр., накидывается 10 проц., к окладу в 30—40 фр. присоединяется надбавка в 20 проц. и т. д., а если налог превышает 200 фр., то он удваивается; следовательно, в действительности имеется прогрессия от ½ проц. с тысячи для имуществ менее 40 тыс. фр. и до 1 проц. при имуществе свыше 400 тыс. фр. В базельском (не-городском) полукантоне для подоходного налога нет определенной, закрепленной законом ставки, а она устанавливается периодически. Заготовлена лишь определенная схема, в которой выражается прогрессия, скелет, на который надевается то или другое платье. Определено лишь соотношение между отдельными ступенями дохода, которое обязательно при всяком размере обложения (последний вотируется ежегодно или каждый раз на несколько лет). Так, при доходе в 500—700 фр. берется половина той или иной, определяемой каждый раз, ставки, при доходе в 701 — 900 фр. ¾ ее. Доход в 901—3 тыс. фр. дает

нормальную ставку, составляет средний пункт, за которым наступает повышение ставки на 20, 30 и т. д. проц. вплоть до утроения ее, если доход выше 12 тыс. фр. Можно найти такого же рода построения прогрессии, осуществляемые путем постепенного повышения того же, раз навсегда определенного или заранее неизвестного, нормального оклада или посредством понижения необлагаемой части дохода, но сооруженные в форме террасс, возвышающихся одна над другой,—комбинирование различных систем и форм. Все эти примеры дают в особенности швейцарские кантоны, представляющие своего рода атлас с широким выбором видов и сортов прогрессии, на всякий вкус и на любые требования.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Индивидуализация в обложении.

Момент количественный и качественный. — Доходы фундированные и нефундированные. — Состав семьи. — Иные признаки.

Предпочитая из двух систем обложения — пропорциональной и прогрессивной, последнюю, Селигман высказывается, однако, в ее пользу с крайней осторожностью. «Если мы возьмем,—говорит он,—положение дел в общем и целом и если мы примем за исходную точку среднего человека,—а государство может брать только различные классы, т.-е. среднего человека,—то, повидимому, в результате получится меньше несправедливостей при построении прогрессии, чем исходя из универсального правила пропорциональности». Почему же столько оговорок и ограничений, такая боязнь проронить лишнее слово? По следующей причине. «Два плательщика могут иметь равный доход, но оценивать его весьма неодинаково. Один — холост, другой — обременен многочисленной семьей; один здоров, другой болен; один зарабатывает свой доход, другой даром его получает; один живет в деревне, где цены низки, другой вынужден проживать в городе с высокими ценами. Различия в каждом отдельном случае могут быть бесконечны, и совершенно невозможно решить, ляжет ли равный налог на лиц с равным доходом равным бременем, вызовет ли равную жертву»...

Существенное значение учету индивидуальных обстоятельств при обложении придает и Шефле, но только, сообразно общей проводимой им точке зрения, он различает в этом отношении прямые и косвенные налоги. Первые имеют дело со средней типичной платежеспособностью, вторые действительно выполняют задачу приспособления обложения к столь многообразным в жизни платежным способностям отдельных лиц. Государство может выделить только среднюю норму, установить же специальную, ежедневно изменяющуюся, отклоняющуюся от первой в ту или другую сторону, действительную платежеспособность бесконечного числа лиц оно не в силах. Только сам плательщик может в этом отношении придти ему на помощь, ибо только ему ясно состояние его платежеспособности и только он в состоянии, частью сознательно, частью бессознательно, выполняя те или другие акты, принимать или отталкивать от себя пошлины, налоги на потребление, подати с перехода имуществ.

Однако, тот же автор признает, что личные налоги, в отличие от реальных, построенных «на предположениях, на средних, на возможностях», не только падают на действительный чистый доход данного податного периода, но и при помощи прогрессии или дегрессии «облегчают ослабевшие и дополнительно обременяют усилившиеся податные способности», простирая, таким образом, щит милосердия над слабыми, «чахоточными» платежными силами и отыскивая крепкие, давя на них соответственно их вздутой, преисполненной силы, платежеспособности. Но разве подоходный налог лишен возможности учитывать и такого рода явления, как приводимое им далее положение главы семейства, обремененного многочисленной семьей или содержанием бедных родственников, с его платежеспособностью, стоящей ниже средней, как несчастные случаи всякого рода, болезнь, задолженность и многие другие отступления от средней, столь чувствительные в особенности для мелких и слабых хозяйств, ведущих ожесточенную борьбу из-за каждого рубля, необходимого, чтобы свести концы с концами.

Было бы весьма грустно, если бы прямое обложение не в состоянии было справиться своими силами со всеми этими условиями, создать «необходимый ремедиум», «предупреждать наро-

---

[1]) Schaeffle. Grundsätze. p. 82 сл.

ждение податных инвалидов» и в то же время сильнее натягивать податную струну для тех, для кого та же сумма дохода прикрывает особенно сгущенную платежную силу. Ибо помощь косвенного обложения, в особенности в случаях первого рода, окрашена в весьма своеобразный цвет, едва ли соответствующий современным требованиям социальной морали. Выражаясь в добровольном, якобы, отказе от тех или иных действий, связанных с уплатой налогов на потребление, она означает ни что иное, как приговор для неимущих, насильственное сокращение их потребностей, т.-е. дает именно те результаты, которых старается избегнуть путем индивидуализации прямое обложение.

Конечно, податное законодательство не может доводить последнюю до бесконечности, входить в мельчайшие подробности жизни плательщика, анализируя субъективные оценки предметов у каждого в отдельности. Но в этом и нет надобности. Предъявляя такие требования, мы «сделали бы невозможным ни один налог или настолько увеличили бы связанные с ним расходы и превратили бы его в такое мучение для населения, что лучше уж было бы вовсе отказаться от всякого государства». Но наиболее существенные моменты, имеющие значение для целых групп, слоев и категорий плательщиков и поддающиеся регулированию законом, налог в состоянии более или менее учесть и учет этот, как показывает развитие податного законодательства последнего времени, становится постепенно более точным, и хотя до действительной точности ему далеко, все же приемы податной техники мало-помалу совершенствуются. Вырабатывается, хотя и медленно, ряд дополнительных к количественной оценке правил, видоизменяющих ставки обложения, создавая значительные индивидуальные и групповые отклонения от цифр, указанных в тарифе. Человеческая мысль начала работать в этом направлении лишь недавно—предыдущие эпохи такой потребности не ощущали, жизнь позволяла стричь всех под одну скобку, без особого ущерба для них, могла мириться с этим до поры до времени. Все же в арсенале законодателя уже теперь имеются некоторые испробованные и проверенные приборы, как бы автоматически включаемые во всякий закон данного рода и постепенно открывающие себе путь и в такие податные области, которые еще недавно казались закрытыми для них. Есть и другие, новейшие приемы и способы, делающие пока

еще первые шаги, инструменты для более точного уловления платежеспособности тех или иных групп населения, подвергаемые испытанию, анализу, вызывающие оживленный обмен мнений в научной литературе и периодической печати. Новейшая эпоха проявляет особенный интерес к этим вопросам и ближайшему будущему несомненно предстоит сделать многое в этом новом направлении (см. ч. II, гл. 11—12).

Прежде всего, выступает на сцену проблема разграничения доходов по их источникам, проблема дифференциации или дискриминации, как ее называют в Англии (discrimination), деления на фундированные и нефундированные доходы; на доходы твердые, как скала, вечные, обеспеченные, и доходы ломкие, непрочные, подвергающиеся всевозможным опасностям; на доходы трудовые, заработанные, плоды личной деятельности, и доходы нетрудовые, не заработанные, результаты владения средствами производства.

Платежная сила доходов нефундированных, трудовых, являющихся выражением бренности человеческой жизни, смертности всего живущего под луной, не может сравниться с экономической силой фундированных, нетрудовых доходов, получаемых от помещения капитала или владения землей, вечной, как сама планета, доходов, растущих и множащихся и тогда, когда владелец их ест, спит, предается удовольствиям, когда он, наконец, переселяется в лучший мир. Собственник первых никогда не уверен в завтрашнем дне. Мысль о возможности потерять трудоспособность и тем самым лишиться источника дохода или прекратить свое земное существование и в тот же момент обрубить тот сук, на котором покоилась жизнь семьи,—эта мысль никогда не покидает его, заставляет ограничивать потребности настоящие ради нужд будущих, взвешивать ценность тех и других, сберегать на черные дни болезни, несчастных случаев, старости, смерти. По мере того, как человек усиливает свою «телескопическую» способность, т.-е. приобретает умение ясно представлять себе будущее, изображать его перед своим духовным взором, он повышает оценку будущих потребностей своих и своей семьи, будущих жертв и лишений, по сравнению с настоящими, и сбережения на это будущее время, как ре-

зультат его самообладания, способности умерять свои потребности в настоящем, быстро возрастают. В 1910 г. вкладчики в сберегательных кассах в пяти западно-европейских государствах (Соед. Королевство, Франция, Германия, Австрия, Италия) и Соединенных Штатах имели 73 милл. книжек и почти 7 милл. книжек насчитывалось в России, так что владельцы их составляли третью часть населения во Франции, Германии и Англии, и не более 5 проц. у нас. Но и у нас вклады за 1885—1913 г.г. возрастали непрерывно с 17 до 1600 милл. руб., а в среднем на душу населения с 1895—99 до 1905—09 г.г. поднялись с 3,6 до 8.4 руб. (они достигали на душу 52 руб. во Франции, 87 в Соед. Штатах и 120 в Германии). Средний размер вклада на книжку составлял от 152 руб. в Англии до 854 в Италии, у нас 182 руб. Все это, следовательно, мелкий люд, сокращающий свои расходы и берегущий в лучшие дни копейку.

Средний класс прибегает не только к индивидуальным, но и коллективным сбережениям, именуемым страхованием, обеспечивая семье средства после смерти главы ее, владельцу дохода — ренту или капитальную сумму на старость. В страховании на случай смерти на полис приходится 4½ тыс. мар. в Германии, около 2 тыс. долл. или почти вдвое более в Америке, 3 тыс. руб. у нас, но всего 1340 руб. в нашем страховании в сберегательных кассах, где, следовательно, представлены и более слабые слои среднего класса.

Среди сберегающих индивидуально, в особенности же коллективно есть, конечно, и владельцы доходов с земли и капитала, но для них вклады и сбережения имеют совершенно иной характер, чем для тех, доход которых обречен на гибель вместе с личностью человека и даже ранее этого. В первом случае сокращение потребностей по существу своему добровольное, во втором—является фактически принудительным; не закон, но жизнь заставляет. Очевидно, ставка обложения при равном доходе не может быть тут и там одинакова. Фонтан, бьющий равномерно днем и ночью, вчера, сегодня и завтра, должен больше уделить от своих щедрот, чем источник, который легко иссякает, часть струи которого уже теперь по необходимости отводится в другие каналы. «Духовный капитал сильно изнашивается и поэтому часть его дохода должна списываться на восстановление его, подобно тому, как промышленник или торговец списывает определенную долю поступлений на

счет уменьшения в ценности фабричных зданий и оборудования или запасов товара».

К этому делаются, впрочем, оговорки и ограничения, которые должны умалить слабость нефундированных доходов. Внизу у самой подошвы пирамиды, где обложение, отбросив не выходящих за пределы минимума, делает свои первые шаги, постепенно и осторожно поднимаясь по прогрессивной шкале, оно встречает группы, хотя и живущие всецело тяжелым повседневным трудом, но такие, которые социальное направление современной эпохи обеспечило на случай болезни и старости. Обязательное государственное страхование предохраняет их в равной мере от необходимости побираться по миру, когда силы иссякают, как и от непосильных для них по общему правилу сбережений.

Рядом с ними и вслед за ними идут чиновничьи доходы различных степеней, которые, в свою очередь, не нуждаются в отчислениях на время старости и на случай смерти, ибо и об этих категориях плательщиков государство позаботилось, гарантируя им и семье их пенсию. Наконец, там, наверху, где господствует изобилие, где достаточный простор остается и для потребностей роскоши и усиленной роскоши, различие между фундированными и нефундированными доходами совершенно стирается. Избыток сверх всего нужного так велик, что сбережения на будущее время ничего не сокращают, никого не стесняют и никакой жертвы не вызывают и у тех, кто эти богатства добывает личным трудом.

Однако, все это сильно преувеличено. Государственное страхование рабочих в большинстве стран еще только нарождается (лишь Германия его знает с 80-х г.г.); далее, рабочие обычно вынуждены делать отчисления из своего заработка на взносы в страховые кассы; наконец, выдаваемые престарелым и нетрудоспособным пенсии далеко не всегда обеспечивают им мало-мальски сносное существование. Страхование же от безработицы, вдов и сирот еще совсем не разработано и не организовано. И пенсия, которая ожидает чиновника, а тем более его семью, не равна жалованью; не всякому дано и выслужиться до полной пенсии. Правильнее утверждение, что великий певец, знаменитый художник или выдающийся врач или адвокат с огромным доходом не может пожаловаться на свое худшее, по сравнению с миллионером, стригущим купоны или сдающим в аренду поместья и дома, положение

Страхуя свою жизнь, откладывая сбережения в банке, он ничего не теряет, ни в чем себе не отказывает, если он вообще не предпочитает — обычный случай — поместить часть своих крупных излишков в акции и облигации, в дома и земли, т.-е. превратиться частью в собственника постоянных, крепких доходов, сохраняющихся и за гробом. Но именно поэтому-то очень крупных доходов чисто-трудовых, исключительно профессиональных мы почти не найдем. Жизнь немедленно превращает часть их в иную, противоположную категорию, не признает на верхушке пирамиды доходов людей с одними лишь заработками от личной деятельности. Либо фигурируют представители земли и капитала, либо трудовые элементы, тянущиеся за первыми, комбинирующие оба вида доходов, но искусственно, в двух отдельных, параллельно текущих источниках (доход от профессии тут, от фондов—там). Или, наконец: находим естественное слияние и тех и других в виде дохода предпринимателя, лично работающего, руководящего, создающего и совершенствующего свое детище—предприятие, оплодотворяющего своей же административной деятельностью свой капитал. Первую комбинацию, составляющую как бы личную унию двух резко различных видов дохода, мы без труда разлагаем на ее составные части и облагаем каждую сообразно ее характеру—фундированному или нефундированному, так что цель повышенного обложения этих более крепких доходов достигается. Такое же переходное в смысле размера обложения состояние создается для второй группы со смешанным по самой природе своей доходом, средним между доходом от личной деятельности, и доходом, получаемым, не взирая на бездеятельность, доходом, состоящим из двух, но неразрывно связанных между собой частей.

Но,—как и в области прогрессивного обложения—дифференциация фундированных и нефундированных доходов имеет свое основание и за пределами потребления, использования дохода на те или иные цели. Она затрагивает и элемент производства, приобретение дохода, покоясь на различии в способах их добывания. Труд изо дня в день, в поте лица, напряжение, жизнь, полная деятельности, затрат энергии, забот по добыванию средств существования, с одной стороны, и свободное и легкое житье рантье в виде владельца процентных бумаг, землевладельца, сдающего в аренду земли, домовладельца, не управляющего своими домами.

Как мы видим, здесь уже приходится проводить различие не вполне по источнику. Решающим является наличность или отсутствие собственной деятельности, будет ли то труд в чистой форме—рабочего, служащего, чиновника или смешанный с капиталом. В последнем случае это может быть труд сельского хозяина, пашущего и сеющего, или только надзирающего за тем и другим, труд торговца или промышленника, прилагающего руки к самому физическому труду рядом с подмастерьями и приказчиками, или опять-таки,—что зависит от размеров предприятия,—всем заведующего, направляющего и организующего, расчитывающего и предпринимающего.

Во всех этих случаях смешанный, комбинированный из двух неразрывно связанных между собою частей, доход равносилен однообразному, простому трудовому, нефундированному доходу. Личная деятельность покрывает и вторую часть дохода—доход от земли или капитала, которая может быть представлена в большей или меньшей доле. Смешанный тип дохода, с точки зрения производства, вливается в группу простого. Он также «заработанный»; не заработан, совместим с бездельем только тот доход, который не требует вовсе личного участия, освобождает владельца от всяких работ и забот, не налагает на него никаких обязанностей, не притязает на его время и силы.

Народное сознание чутко, хотя и инстинктивно лишь, улавливает различие между тем и другим, между предприимчивым промышленником и сидящим сложа руки владельцем купонов, между землевладельцем-хозяйном и землевладельцем-сдатчиком в аренду. В этом нежелании поставить их на один уровень кроется, помимо наличности или отсутствия личной деятельности и связанного с ней риска неудачи, потерь и гибели применяемого капитала, в отличие от заранее выговоренных платежей,—и соображение возможности для свободного от трудов владельца дохода умножить и усилить свои поступления путем дополнительного личного заработка. В последнем случае выступает, следовательно, наружу момент наличности, в сущности, повышенного дохода, против облагаемого, правда, лишь эвентуального, как чего-то мыслимого, а не реального. Но отсутствует он лишь по причине нежелания самого плательщика, лишающего и себя прибавки, и общество — трудящегося члена, и государство — повы-

ленного налога. От первого страдает виновник, второе означает ущерб ни в чем неповинного целого, тем более хотя бы третье должно себя обезопасить, взять все то, что ему, в сущности, причиталось бы, т.-е. повышенный, против нормального, оклад, более высокую ставку с незаработанных, праздных доходов, чем с доходов от личного труда и всякого рода иной деятельности.

Обе точки зрения — потребительная и производственная, — таким образом близко соприкасаясь, дают не вполне тождественный результат, но, во всяком случае, сходятся в одном—в резком отделении доходов с земли и денежного капитала от дохода с труда, службы, свободных профессий. Они вступают в спор между собою, главным образом, относительно категории смешанных доходов, которые существуют вообще лишь под углом зрения большей или меньшей прочности заработка и связанной с ней большей или меньшей необходимости помнить о завтрашнем дне, но отпадают, коль скоро голос принадлежит способу добывания дохода, подчеркивающему личный характер этого дохода, тесно спаянного с трудом.

Требование пониженного обложения нефундированных доходов было выдвинуто тем же Миллем, который настаивал на свободном минимуме и на дегрессии. Правда, Милль утверждал, что, хотя подоходный налог в Англии не проводит никакой «discrimination», но принцип обложения по платежеспособности этим нисколько не нарушается. «Если мы требуем, чтобы преходящий доход платил меньше, чем вечный, то на это можно лишь ответить—так и происходит в действительности; ибо доход, который существует всего десять лет, платит и налог лишь в течение десяти лет, тогда как доход, не ограниченный по времени, и облагаться будет всегда»,—утверждение, которое многократно повторялось и повторяется до сих пор. Но он же признавал, что, кроме такой «арифметической» справедливости есть и иная, основывающаяся на «человеческих потребностях и чувствах». Владелец временного или пожизненного дохода в 1000 фунт. не так легко может отдать из него 100 ф., как собственник «наследственного» дохода, который в состоянии тратить его целиком, без ущерба для дней своей старости, и может после смерти оставить его полностью наследникам. Если первый вынужден 300 ф. в год откладывать, то 100 ф. налога падут на доход в 700 ф., ибо только эту сумму он

может тратить на свои нужды. Очевидно, справедливость требует сделать скидку второму в той части его дохода, которую он «действительно и bona fide» пользует в целях сбережения. Придавая огромное значение сбережениям, как средству накопления капитала, от размеров которого зависит производство, Милль провозглашает основной принцип: «подоходный налог не может считаться истинно-справедливым, если он не освобождает сбережений».

Но как это осуществить? Едва ли возможно положиться на сообщение плательщика, что такую-то часть он расходует, а другую откладывает. «Как предупредить обманы, вследствие того, что одной рукой делались бы сбережения, а другой—долги, или в следующем году расходовалось бы то, что в предыдущем было освобождено в качестве сбережений». Приходится, следовательно, прибегать к упрощенному способу, довольствуясь учетом того, что различные категории плательщиков должны были бы сберегать, поступая благоразумно. А за «невозможностью в каждом отдельном случае считаться и с особенностями самого дохода—с продолжительностью того или другого дохода, в важнейшем же случае—пожизненного дохода, с многообразием, вызываемым различием в возрасте и состоянии здоровья плательщика,—необходимо ограничиться мерами приблизительными. Надо установить две ставки налога—одну равную для всех наследственных доходов, другую—для тех, которые прекращаются вместе с жизнью плательщика. Без произвола при их определении не обойтись, но, пожалуй, вычет четвертой части в последнем случае наиболее правилен, ибо в среднем всех разнообразных условий возраста и состояния здоровья четвертая часть пожизненных доходов является наиболее правильной пропорцией того, что необходимо откладывать на старость и для потомства» [1]).

Милль, таким образом, является безусловным сторонником дифференциации, возражая лишь против проекта полного освобождения всех доходов, получаемых от личной деятельности, и против сведения подоходного налога к обложению т. наз. реализованной собственности, т.-е. земли и денежных капиталов. Лишь такой образ действия он находит прямо бесстыдным, ибо «большая часть национального имущества—имущество купцов и арендаторов—осво-

[1]) I. St. Mill. Principles. B. V. ch. 2. §§ 3—4.

бождено было бы от обложения, и только тогда, когда эти классы населения прекращали бы свою деятельность, они начинали бы вносить свою лепту». «За исключением проекта попросту вычеркнуть государственный долг, едва ли какое-либо более нарушающее элементарную справедливость предложение в нашей стране и в наше время нашло себе столько приверженцев!»,—с возмущением восклицает Милль.

Возражений против дифференциации и в те времена и впоследствии делалось много, хотя удачными их нельзя назвать. Говорили и о том, что государству нечего заниматься поощрением сбережений, а надо предоставить каждому решать, лучше ли расходовать или экономить, что скупость не менее отвратительна, чем расточительность, да и возможность сберегать дана не всякому: для этого надо иметь кое-что после удовлетворения потребностей в течение года [1]). Восставали и против дифференциации по способу приобретения дохода—работает ли плательщик или прожигает жизнь, так же мало меняет дело, как и то, охотно ли он платит налог или нет [2]). «Туманным инстинктам толпы соответствует такое рассуждение, ее желанию свалить по возможности все тягости на собственников и богатых» [3]). «Под предлогом справедливости изолируются от прочих некоторые доходы, находящиеся под особым подозрением, чтобы на них побольше взвалить» [4]). Характерно, что, утверждая последнее, Стурм противопоставляет дифференциацию отличающейся простотой и равенством пропорциональности; хотя последней соответствует не дифференциация, а прогрессия, но прогрессия, столь ужасная для многих французских авторов, и дифференциация—родные сестры, детища одной матери—принципа обложения по действительной, а не мнимой, формальной платежеспособности. Поле деятельности и той и другой—весьма неприятный для них «инквизиторский» подоходный налог. Наконец, обе они нарушают принцип «равенства» и «определенности»—одна, считаясь с размерами дохода, другая—со степенью его обеспеченности и способом добывания. Поэтому, несмотря на

---

1) Seligman. Income-Tax. p. 195.
2) Schneider. Finanzarchiv. B. 29. p. 87 сл.
3) Schanz. Steuern der Schweiz. I. 106.
4) Stourm. Systèmes. 158.

сознание различия в доходах, нежелание считаться с ними — лучше подальше от соблазнов, с огнем играть опасно!

Но и в Англии лишь полвека спустя после предъявленного Миллем требования был осуществлен принцип неодинаковых ставок, в зависимости от характера дохода. В отличие от других, выставленных им же положений, очередь до него дошла лишь в XX веке (см. ч. II, гл. 9). Дифференцирование доходов составляет требование новейшего времени, являющееся дальнейшим развитием принципа платежеспособности — за количественным моментом, осуществляемым прогрессией, идет качественный, выполняемый «дискриминацией» (см. ч. II).

«Для каждого рода труда,—говорит Маршалль,—существует определенное количество предметов пропитания, безусловно необходимое в том смысле, что всякое сокращение его не дает возможности выполнить труд с достаточной производительностью. Конечно, взрослые могут заботиться о себе в ущерб своим детям, но это обозначало бы лишь отсрочить упадок производительности труда на одно поколение». С этой общественной обязанностью создания и подготовки работников для будущего, выполняемой каждым в пределах своего частного хозяйства, не может не считаться и государство в своей податной политике. Выполнение этой обязанности означает сокращение платежеспособности и не только для того, кто в силу смертности своего дохода, вынужден ежечасно помнить о будущем, но и для того, кто находится в счастливом положении обладателя наследственного дохода. Каков бы ни был источник дохода, частное получается различное как в настоящем, так и в будущем, в зависимости от расходного бюджета плательщика, от того, необходимо ли делить поступления между двумя, или между пятью, или, наконец, можно использовать его целиком на свои потребности. Если же к этому присоединяется еще прекращение дохода со смертью плательщика, то платежеспособность его умаляется вдвойне с возрастанием числа членов семьи, пропитываемых на его средства: к настоящим потребностям семьи присоединяется и необходимость сбережений на будущее тем большая, чем выше количество едоков.

Из 1000 человек на нерабочий и полурабочий возраст от 1—20 лет приходится между 485 (Россия) и 375 (Франция), в среднем около 450 (в большинстве стран), на возраст в 60—70 и свыше 70 лет от 68 (Россия) до 125 (Франция), в среднем около 80. В сумме потребляющего населения получается 500 — 550 чел. на 1000 (из них часть в возрасте 15—20 и 60—70 лет—полурабочие—дает около 130 чел.), так что несколько менее половины остается на производящее население. Последнему и приходится содержать остальную половину. Но эти едоки распределяются не равномерно среди производящих. Одни совсем не обременены, на других падает тяжелая ноша в виде детей, престарелых родителей, иных родственников. На домохозяйство (в составе его 90%—члены семьи) в среднем падает (в разных странах) 4—5 членов, но среди них имеется 7—9 проц. (в России—4, во Франции—16) состоящих из одного лица, 15—17 проц. из двух (в России—16, во Франции—22), около 45 проц. из 3—5 лиц и около 30 проц. (в России—45, во Франции—15) из 6 и более человек. Точно так же в среднем рожденных живыми детей на один брак приходится 4—4,5 (во Франции—2,9), но в Норвегии, напр., из числа браков, продолжавшихся свыше 25 лет, 7 проц., во Франции 12½ проц. оказывались бездетными, причем наиболее редко бездетные семьи встречаются в беднейших кварталах и среди рабочего класса.

Между тем, увеличение числа членов семьи—поскольку они не принимают участия в производительной деятельности—рапносильно сокращению дохода. Это выражают (Брутцер) даже таким образом, что семьи из 4—6 лиц при доходе в 1200—1300 мар. находятся в таком же положении, как семьи из 7 членов при доходе в 1900—2000 мар. и семьи из 8 лиц с доходом в 2300—2400. Если такое цифровое выражение соотношения между численностью семьи и размерами дохода и чрезмерно схематично, то все же нельзя отрицать того, что доля расходов на пищу растет не только у менее состоятельных, но и у более многосемейных, иначе говоря, на прочие расходы последним остается меньшая часть дохода, чем лицам с тем же доходом, но имеющим меньшую семью. Едва ли не печальнее всего констатируемый германским имперским статистическим бюро факт не только относительного, но даже абсолютного сокращения расходов на жилище у семейств с большим числом детей: усиленные расходы на пропитание уравниваются ухудше-

шем квартирных условий, влияя на здоровье, нравственность, семейную жизнь [1]).

Но увеличение расходов с ростом семьи обозначает и возрастание налогов на потребление, внутренних—на сахар, на табак, на спиртные напитки, на нефть, и внешних — в особенности на кофе и чай, во многих странах—на хлеб и мясо, в других—на ткани, на домашнюю утварь и многое другое. Платежеспособность усиленно сокращается, доход же, доставляемый казне, растет. Очевидно, в области прямого обложения государство должно сугубо реагировать в этом отношении, в виде понижения налога, по мере увеличения числа потребляющих, но не производящих членов семьи.

Рядом с податными соображениями при учете состава семьи законодатель, однако, начинает обнаруживать в последнее время и иные стремления—цели «популяционистские», действуя одновременно на два фронта—поощряя обильные семьи и объявляя войну закоренелым холостякам, отчасти и бездетным; последние должны доставлять средства для освобождения первых, так что казна ничего не теряет. Применение всякого рода оружия, в том числе и податного, направленного против твердынь безбрачия, явление само по себе не новое. Такого рода борьба с теми, кто «в нарушение заповедей Божьих, презрел брачные оковы», свойственна и наиболее ранним эпохам, усматривающим в безбрачии нечто противоестественное, богопротивное и богомерзкое, почти преступное. Спартанцы таких врагов человечества, прешедших 24-летний возраст, сгоняли периодически в храм Геркулеса, где засидевшиеся по их вине девы обрабатывали их палками. Еще решительнее поступали, однако, с ними во времена «упадка», когда усиление рождаемости являлось вопросом жизни для государства. Поэтому в императорском Риме, наряду с ограничениями в правах наследования, находим повышенное обложение старых холостяков (aes uxorium) В эпохи, когда население считалось богатством государя и государства, как в XVII — XVIII ст., одновременно с так назыв. специальным правом для холостяков (Hagestolzenrecht) взималась подушная подать, напр., в Тюрингии с шесть старых (полновесных) грошенов и не только с мужчин.

---

[1]) См. Schriften des Ver. für Sozialpol. B. 139. II. Schmollers Jahrbuch. 1916. II. 162 сл. 184 сл.

но и с женщин, притом всех сословий и состояний. В Англии же в 1695 г. введен был налог на холостяков и вдовцов старше 25 лет на обычный сословно-поразрядный манер (начиная от герцога по 14 разрядам—от 12 ф. ст. до 1 ш.), мотивируемый и тем, что эти лица обходят установленный одновременно налог на бракосочетания, следовательно, наносят ущерб и казне.

Принцип «плодитесь и множитесь» осуществляет французское законодательство и испанское XVII ст., освобождая от всех или некоторых податей на ряд лет тех, кто рано вступает в брак, и устанавливая, кроме того (в 1666 г. во Франции), пенсию для отцов 10 живых законных детей (павшие на поле брани включаются в их число), не носящих рясы. Но, в виду чрезмерных требований, такой закон не мог иметь практического значения; разочаровавшись в нем, Кольбер сам же упразднил его, о чем Вольтер и Форбонне сожалели, тогда как Юсти называл его «хвастовством» со стороны законодателя, ибо и 6 детей достаточно и для отца и для государства.

Доктрина Мальтуса, объявившего, что на жизненном пиру приготовлены приборы лишь для немногих, избавила холостяков и бездетных от прежних мер «поощрения», как и лишила большие семье тех податных льгот, которые, на бумаге, по крайней мере, существовали для них. Но резкое сокращение рождаемости во Франции, упадок прироста населения (с 5% ежегодно в 1821—40 г.г. до 2,4 в 1861—80 г.г. и до 0,6 в 1891—1900 г.) и вызванное этим опасение за свою безопасность и за свои колонии, ибо Франция не может держать той же армии, как Германия (в начале XX ст. прирост в Германии 1.36%, во Франции 0.18, т.-е. в 7½ раз меньше), а в колонии ей некого посылать,—все это вызвало с 70-х г.г. бесконечное число самых разнообразных, частью доходящих до комизма и абсурда, французских проектов борьбы с надвигающейся опасностью, обсуждавшихся на демографических, медицинских и иных конгрессах. Предложение построить налог с наследств таким образом, чтобы «единственные дети при получении наследства были поставлены в такое же положение, в каком бы они оказались, если бы у них были братья», был даже внесен в парламент в 1897 г., но провалился. А с тех пор, как в последние десятилетия стало обнаруживаться падение рождаемости и в других странах (рождаемость в 1871—80 и в 1901—06 г.г. в Германии 39.1 и 34,5, в Австрии 39.0 и 35.6, в Англии 35.4

и 27,9, в Швеции 30,5 и 26,1) и зараза в виде «системы двух детей» и даже одного ребенка стала перебрасываться из страны в страну, и там стали призывать к войне против столь «антинационального» и «аморального» образа действий.

В особенности воскресила старые, давно сданные в архив, приемы великая всемирная война, поставившая новую проблему возмещения потерь в населении во всей ее остроте, ибо от разрешения ее зависела будущность многих народов. И это решение искали едва ли не в первую голову в мерах податного свойства, придавая последним, таким образом, значение, какого они, будучи мобилизуемы лишь во вторую или третью очередь, не имели даже во времена Цезаря и Августа, Кольбера и Фридриха Вел. Во Франции в 1916 г. появилось предложение, наряду с налогом на предметы роскоши, обложить холостяков старше 25 лет, как наибольший предмет роскоши, и если до 30 лет налог не приведет виновного в чувство, то ввергнуть его в темницу, где бы он на досуге мог обдумать свое «антипатриотическое» поведение, а если он и к 40 годам не откажется от своей «веры», то сослать в Гвиану.

В противоположность весьма упрощенным, бьющим с плеча, проектам увлекающихся французов, немцы и тут стараются проявить свою серьезность и основательность, анализируя природу и причины безбрачия и требуя от «справедливого» законодателя разграничения различных групп холостяков, среди которых имеются и безусловно виновные и виновные, но достойные снисхождения, и даже заслуживающие освобождения от податной кары. Надо различать добровольно и вынужденно безбрачных или факультативных и принудительных, из коих вторую группу—не по своей воле отказавшихся от брака—следует, в свою очередь, разбить на две части—безбрачных по причинам физической необходимости (больных или слабых) и по материальным соображениям, когда средств хватает лишь для одного или когда приходится содержать бедных родственников (мать, сестер и т. д.). Среди добровольцев, в свою очередь, определяются две категории—безбрачие из эгоизма, лени или безнравственности (враги женщин или Дон-Жуаны) или—другая подгруппа—безбрачие из-за несчастной любви, тех, кто «из племени Азра», «однолюбов», которые не могли, по той или другой причине, соединиться с любимым существом. Из этой «ученой системы» делается такой вывод. Вынужденное безбрачие является

основанием отпущения грехов, из добровольных же надо исключить тысячи состоятельных старых дев, не желающих замещать ящиком своего павшего на поле брани жениха, ибо это было бы «оскорблением памяти его». Только тех, кто, подобно Дон-Жуану, «желает иметь возможно больше жен, но не желает иметь жены», следует притянуть к налогу. Но так как на практике выделить их «довольно трудно», то, надо думать,—таков общий вывод,—«холостяки и старые девы избегнут налога или же новый Ликург их вскоре освободит от такой подати» [1]).

Это рассуждение является ярким примером того, как не следует рассуждать, как легко при анализе финансового вопроса забраться в дебри, из которых нет иного выхода, кроме полного отказа от повышенного обложения одиноких. На правильный путь, единственно ведущий к цели, мы вступим лишь в том случае, если отбросим всякие фантазии о возможности искусственными мерами изменить то, что глубоко коренится в условиях современной жизни — недаром сокращение рождаемости стало в последние десятилетия общим для всех стран явлением,— если в частности откажемся от наивного убеждения, будто мерами податной политики, отравляя жизнь холостякам, можно принудить их к браку и деторождению. Остается, следовательно, лишь проблема налоговой равномерности и справедливости, относительного равенства бремени для всех и каждого. А с этой точки зрения вопрос о семейном состоянии или о численности потомства автоматически отпадает. Для финансиста существует лишь плательщик, как индивид, ведущий самостоятельное хозяйство, в состав которого не входит других живущих на его средства членов или же входит один член, два и т. д. Для него хозяйство из одного лица является первым среди целой серии, в состав которой войдут затем последовательно хозяйства с двумя, затем с тремя и т. д. лицами. Принимая за данное равный для всех этих хозяйств доход, мы получим вывод, что первое является более платежеспособным, чем второе, второе более, чем третье, и т. д., а, следовательно, необходимо и обложение соответственно этому построить в последовательно понижающемся размере. И точно так же, как для нас в данном случае, при этом задании

---

[1]) См. Buck. Finanzarchiv. 1917. II. p. 721 ss.

безразлично, состоит ли хозяйство третьей графы, т.-е. из трех членов, из мужа, жены и ребенка, или из холостяка, матери и сестры его, или из вдовца с двумя детьми,—так и первая графа совершенно не меняется от того факта, что одинокий холост, что это мужчина или женщина, что он—вдовец, потерявший жену и детей, или она—разведенная жена, что он не женился, вследствие отказа любимой девушки, или по нежеланию связывать себя брачными оковами.

Мы отвлекаемся, следовательно, от всех прочих индивидуальных свойств плательщика и сосредоточиваем свое внимание единственно на признаке количества содержимых на его средства лиц. Надо помнить, что один из этих особенностей его—пол, семейное состояние, причина безбрачия, развода или невступления во второй брак (как и отсутствие детей или наличность одного ребенка и т. д.) с податной точки зрения, столь же безразличны, как сословие или национальность плательщика, его рост, объем груди или цвет волос. Другие моменты, как возраст или степень здоровья, конечно, должны приниматься во внимание при определении размеров обложения, но только не путем изъятия больных или престарелых из «позорной» категории дополнительно или специально облагаемых, как будто речь идет о каком-то шельмовании,—а как совершенно самостоятельные факторы. Наряду с размерами дохода, его характером, распределением между большим или меньшим числом лиц, следует учитывать и эти моменты в качестве признаков, определяющих трудоспособность плательщика, с одной стороны, размер его потребностей (больные и престарелые требуют ухода, первые и расходов на лечение), с другой. По этой причине обращается внимание и на постигшие его или членов семьи несчастные случаи (см. ч. II, гл. 11).

Быть может, в дальнейшем выдвинутся и другие индивидуальные признаки, как, напр., степень трудности выполняемой плательщиком работы (особенно тяжелый труд), продолжительность подготовки к последней и связанные с ней расходы, поскольку это возможно определить на основании каких-либо объективных данных. Жизнь не стоит на месте—«все течет»—она-то и выдвигает каждый раз новые требования, видоизменяющие принципы обложения, приспособляющие податную систему к условиям каждой новой эпохи.

Оглавление первой части.

Предисловие . . . . . .

Глава I. Понятие финансов в различные эпохи. — Отличительные особенности государственного хозяйства . . . . . 5—13

Глава II. Государственные расходы . . . . 14—34

Расходы на двор . . . . . 14—19

Расходы на вооруженную силу . . . 19—23

Расходы на суд и управление (суд и управление, как доходная и как расходная статья; кормление, продажа должностей, конфискация имуществ) . . . . 23—26

Расходы на культурные потребности (народное образование на Западе и у нас; земства) . . . . . 26—32

Расходы социального характера . . . 33—34

Глава III. Государственные доходы . . . . 34—57

Домены . . . . . 34—35

Регалии (регалии, как скрытые налоги; виды их; исчезновение регалий—превращение в иные виды доходов) . . . . 35—48

Государственные предприятия . . . 48—52

Пошлины (отличие их от налогов; смешанные и переходные формы) . . . . 52—57

Глава IV. Возникновение налогов. — Связь между постоянной армией и постоянными налогами . . . . . 57—75

Возникновение налогов . . . . 57—62

Постоянные налоги в Англии . . . 62—65

Постоянная армия и постоянные налоги во Франции . . . . . 65—66

Стр.

Постоянная армия и постоянные налоги в Германии . . . . . 66—69
Возникновение налогов на Руси и податные реформы в Московском государстве и в императорский период, в связи с военными преобразованиями . . . . . 69—75

Глава V. Идея налога . . . . . 75—85

Теория общественного договора и фискального договора . . . . . 75—82
Налог, как средство покрытия бюджета (изменение отношения к налогам) . . 82—84
Социальный момент в обложении . . 84—85

Глава VI. Переложение налогов . . . . . 85—120

Понятие переложения . . . . . 85— 88
Теория переложения . . . . . 88—101
Анализ вопроса о переложении. Степень перелагаемости различных видов налогов. 101—115
Амортизация налогов . . . . . 115—117
Законное уклонение от налога и экономические эффекты налога . . . . 117—120

Глава VII. Классификация налогов . . . . . 121—137

Налоги прямые и косвенные. Различные критерии при разграничении их . . 121—125
Подоходно-поимущественные налоги и налоги на потребление . . . . . 125—129
Налоги на обращение, как вид подоходно-поимущественной группы налогов (налоги с наследств, налоги на прирост имущества и дохода) . . . . . 129—135
Таблица подоходно-поимущественного обложения 136

Глава VIII. Принципы обложения. — Система налогов . . . . . 136—154

Четыре правила Адама Смита и их применение в различные эпохи, их относительный характер . . . . . 137—147
Идея единого налога . . . . . 147—149

Стр.

Дифференциация и интеграция в обложении . . . . . 149—150
Комбинация различных видов налогов. Оценка их . . . . . 150—154

Глава IX. **Принцип всеобщности обложения** . . **154—173**

Податные привилегии на Западе до Французской Революции и борьба с ними . . 154—161
Отмена податных привилегий на Западе . 161—165
Податные и неподатные сословия в России. Привилегии в области винокурения . 165—169
Перемены в хозяйственном строе и принцип всеобщности обложения; различные стороны проблемы всеобщности (реальные налоги и общеподоходный налог . . 170—173

Глава X. **Свободный прожиточный минимум** . . **173—186**

Отношение к идее свободного прожиточного минимума до Французской Революции и со времени последней . . . 173—178
Сторонники и противники минимума. Взгляды последних и их критика . . 178—183
Освобождение мелких доходов с точки зрения податной техники . . . . . 183—186

Глава XI. **Принцип уравнительности в обложении. 186—233**

Регрессия (обратная прогрессия) и эпоха ее применения . . . . . 186—187
Появление и распространение идеи пропорциональности . . . . . 187—191
Теория эквивалента услуг и три противоположных вывода из нее. Отказ от нее. . 191—198
Прогрессивное обложение. История его (Флоренция XVI ст., Французская Революция. Первая половина XIX ст.) . . 198—206
Распространение дегрессивного обложения и переход от него к прогрессивному. Различие между прогрессией и дегрессией . 206—211
Теория прогрессии. Условия потребления (анализ рабочих бюджетов) и момент производственный . . . . . 211—217

Стр.

Противники прогрессии и критика их возражений. Выгодность прогрессии в фискальном отношении. Влияние ее на накопление капиталов . . . . . 217—226

Техника прогрессивного обложения (горизонтальная, ассимптотика, амплитуда ступеней, система простая поразрядная и пропорциональная, система сложная, скрытая прогрессия) . . . . . 226—235

Глава XII. Индивидуализация в обложении . . 235—252

Момент количественный и качественный в обложении; учет последнего . . . 235—238

Проблема дифференциации доходов (доходы фундированные и нефундированные). 238—246

Состав семьи и его влияние на платежеспособность (различие популяционистской точки зрения и точки зрения финансовой науки) . . . . . 246—252

Иные индивидуальные признаки . . 252

БИБЛИОТЕКА